

Антонина КАРТАШОВА

СОЛДАТЫ С КОСИЧКАМИ

Антонина КАРТАШОВА

СОЛДАТЫ С КОСИЧКАМИ

Повесть

Минск
2002

Карташова А.

Солдаты с косичками. Повесть / А. Карташова. 2002. – с 176.

Антонина Георгиевна Карташова многим читателям известна как поэтесса. Ее стихи неоднократно публиковались в газетах и коллективных сборниках поэзии, издаваемых силами участников клуба «Вдохновение», который вот уже несколько лет успешно работает при Республиканском дворце ветеранов.

«Солдаты с косичками» – первая книга А. Карташовой. Надо сказать, написана она давно, хорошо отлежалась, но нисколько не потеряла ни актуальности, ни художественной привлекательности. Это необычная проза, искренне-чистая, светлая – автор вспоминает о своей военной дороге, которой пришлось пройти и выжить, сохранив в душе и памяти образы боевых подруг, их ратные дела и мечты, горе и радость.

Дорогой маме и Школе
дочери Красноводск
Красная армия

Записки

А. Г. Карташев,

ОТ АВТОРА

Они были разные, эти девочки в одинаковой военной форме: рослые и невысокие, худенькие, хрупкие и полные, крепкого телосложения, блондинки и брюнетки, светлоглазые и черноокие, стриженные и с косичками, и лишь одно было у них общее, кроме формы, — любовь к Родине, страстное желание внести свой вклад в освобождение ее от фашистских оккупантов.

Большинство из них добровольно ушли на фронт, готовые отдать победе над врагом не только свою юность, но и саму жизнь.

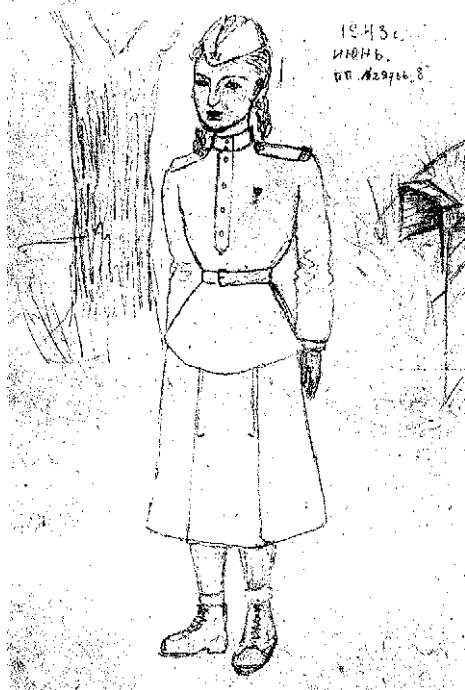
Девушки, о которых я взялась рассказать, были телеграфистками Первого Отдельного ордена Красной Звезды Тильзитского полка связи Первой Воздушной армии Третьего Белорусского фронта. Они не стреляли в фашистов, не выносили с поля боя раненых солдат, не бомбили вражеские тылы на «кукурузниках». Они, телеграфисты, выполняли незаметную (работали в основном под землей, в блиндажах и землянках), но очень ответственную работу, и делали все четко, грамотно, самоотверженно.

В книге заместителя начальника связи 1-й Воздушной армии Е.В. Кояндера «Я — «Рубин». Приказываю...»^{*} есть такие строчки: «1 августа в 22 часа в Москве прогремело 22 артиллерийских залпа из 224 орудий. Победным салютом отметила Родина успешное завершение Белорусской наступательной операции. В приказе Верховного Главнокомандующего генералу армии И. Д. Черняховскому, опубликованном 2 августа, среди отличившихся при освобождении Каунаса были названы и связисты генерал-майора Птицина... К сожалению, я не имею возможности перечислить всех отличившихся в Белорусской операции сержантов и солдат, но лучших из лучших, тех, кто внес наибольший вклад в обеспечение своевременного и качественного обмена всеми видами информации, назову...» И в числе большого списка имен связистов Кояндер называет телеграфисток Евгению Першину, Зинаиду Гомороеву, Клару Фирсакову, Валентину Лушакову, Евгению Хаятину, Галину Запольскую, Нину Василевскую, Дарью Зайцеву, Марию Солдатову, Евге-

^{*} Один экземпляр этой книги хранится в Музее Великой Отечественной войны г. Минска.

нию Труханенкову, Зою Заутинскую, Раю Хмелевскую, Антонину Карташову и техника узла связи Людмилу Шапчиц.

Не все, к кому я обращалась с просьбой прислать мне свои воспоминания, смогли это сделать, кто-то уже ушел из жизни (Женя Першина, Женя Хаятина, Таня Алексеева), адреса многих моих однополчанок остались мне неизвестными, потому всех я не упоминаю. Тем же своим боевым подругам, которые поделились со мной воспоминаниями о службе в полку связи во время Великой Отечественной войны, я приношу искреннюю благодарность и по их просьбе называю их в этой книге своими собственными именами.

ХОЧУ ЗАЩИЩАТЬ РОДИНУ

Я — Тэна Карташова, старший сержант, телеграфистка 1-го ОТОКЗПС 1-й ВА. Когда закончилась Великая Отечественная война мне уже было 19 лет...

Нет, лучше расскажу все по порядку о себе и своих однополчанках с самого начала — с июня 1941 года.

Так вот, в июне сорок первого я окончила восьмой класс средней школы № 18 в Минске. На следующий день после сдачи последнего экзамена мама повезла меня в Евпаторию — в детский санаторий РККА. Было мне тогда пятнадцать лет...

Вечер 19 июня 1941 года. Поезд, поскрипывая и дребезжа, шел на юг. Мимо окна, у которого стояла худенькая девочка с толстыми черными косами, проплывали зеленые поля, серые домики деревенек, мелькали деревья и тянулся шлейф горького угольного дыма из паровозной трубы.

— Мама, — девочка оглянулась на женщину, хлопотавшую над открытым чемоданом, — посмотри, какая интересная туча заслонила солнце. Она похожа на карту нашей страны... А по краям — красная полоса, как будто граница. Правда, похожа?.. Граница в огне! — с пафосом закончила девочка.

Женщина тревожно глянула в окно. Действительно, туча была похожа на очертание карты. «Хм... Граница в огне!» — подумала она и сердце ее неприятно сжалось. Ей, жене кадрового командира, было отчего встревожиться: фашистская Германия все отчетливей заявляла свои претензии на мировое господство. Оккупирована Польша, Чехословакия, Франция. Гитлер в своей книге «Майн Кампф» открыто заявил о намерении уничтожить Советский Союз. Не понятно только, почему он заключил с нами мирный договор?.. Не верится в его добрые намерения!

Недаром на днях передавали по радио опровержение, что якобы немцы сосредоточивают свои войска у границы Советского Союза. Дыма без огня не бывает! А этот немецкий самолет

«Дуглас» с фашистскими крестами, пролетающий над Минском по линии Москва — Берлин... Так и хотелось погрозить ему кулаком!

Женщина расстелила на столике полотенце, выложила пару бутербродов, налила из термоса в стаканы чай и позвала:

— Тэна, иди ужинать!

21 июня они приехали в Евпаторию. Мама, устроив дочь в санаторий, в тот же день выехала обратно в Минск. Тэна, пройдя необходимый медосмотр и переодевшись в санаторную форму — голубые сатиновые брюки, белую блузку с красным галстуком и голубую пилотку-испанку, — отправилась знакомиться с окрестностями.

В санатории было все прекрасно: и белоснежные корпуса, и кипарисовые аллеи, и газоны с пряно пахнущими бархатно-малиновыми петуньями, с белыми звездами душистого табака, с яркими разноцветными жесткими цинниями, над которыми трепетали крыльями толстобрюхие бабочки-бразники, словно привязанные к цветкам тонкими, длинными хоботками...

И, конечно, — море! Оно раскинулось голубовато-перламутровой безбрежностью, слившейся вне горизонта с таким же голубовато-дымчатым небом. Заходящее солнце, красное и огромное, слепило глаза и с неба, и с моря, дробясь в мелкой зыби мириадами разноцветных искр. Прозрачные небольшие волны, шурша, набегали на белый песок и откатывались обратно в море. Чайки легкими поплаватками покачивались недалеко от берега. Пахло йодом от морской травы, подсыхающей на песке. В этот предвечерний час первого дня заезда на санаторном берегу было пустынно и немножко грустно. А грустить Тэна не умела. Налюбовавшись морем и, побросав в него плоские камушки, она подобрала несколько продолговатых перламутровых ракушек и побежала к корпусу, где уже гонг собирал детей на ужин.

На следующий день санаторий неожиданно опустел. Детей одного за другим вызывали в административный корпус, и они больше не возвращались. Исчезли врачи, медсестры, нянечки. В спальнях стояли неприбранные постели, тумбочки были открыты и пусты. По коридорам сквозняк гонял какие-то бумаги, шевелил листами больших белых тетрадок. Тэна подняла одну — это была тетрадь с историей ее болезни.

За завтраком в столовой собралось около пятидесяти детей разного возраста. Их наспех покормили и отправили в парк, где они бродили, не понимая, что случилось; собирались группами, строили догадки: может быть, в санатории эпидемия? А вдруг — война? Но — с кем? Неужто с Турцией? Она ведь совсем близко, за морем...

Наконец группе ребят, в которой была и Тэна, удалось остановить мужчину и узнать от него, что же вызвало такой переполох в санатории. Мужчина очень удивился, что детям, — а это были двенадцати-пятнадцатилетние подростки — не сказали, что началась война. Он и рассказал, что утром по радио всей стране сообщил о войне Молотов. Потом они узнали, что все медицинские работники санатория и многие административные служащие мобилизованы, и что всех детей из Евпатории скоро эвакуируют.

Вечером второго дня войны Тэна бродила по территории санатория, как вдруг услышала непонятные для этого места звуки: где-то выбивали ковер, громко ударяя его палкой, но ни ковра, ни того, кто его выбивал, не было видно, только перед кухней стояли две девушки и, задрав головы, высматривали что-то в небе и взволнованно переговаривались.

Тэна тоже посмотрела вверх. В прозрачно-голубом небе, высоко-высоко, двигался блестящий крестик, а вокруг него распускались белые облачка.

— Что это? — спросила Тэна у одной из девушек.

— Немецкий самолет, — ответила та. — Разведчик.

— Наши зенитки обстреливают его, — добавила вторая. — На Севастополь, наверное, летал, гад...

25 июня эшелон с детьми был отправлен в Москву. В одном из вагонов ехали и дети испанских республиканцев, отдыхавшие в Евпатории. По прибытии в столицу, всех детей разместили в помещении детского сада, обитатели которого были, очевидно, на даче. Игрушки, маленькие кроватки... Когда Тэне надоело лежать, свернувшись калачиком, она просовывала ноги между прутьями спинки кровати.

Каждую ночь детей поднимали по учебной тревоге. Старшие брали на руки малышей и спускались с пятого этажа в подвал. Туда же приходили так же и испанцы. Они всегда садились

отдельно, поодаль, тесно прижавшись друг к другу, и тихо переговаривались по-своему или пели грустные песни. Под утро объявляли отбой тревоги, и до обеда дети отсыпались.

Время тянулось медленно и скучно. Каждый день Тэна писала письма домой, в Минск. И каждый день с нетерпением ждала ответа. Устроившись по возможности удобнее за маленьким столиком, она писала очередное послание: «Дорогие мои мамочка и папа! Почему вы не отвечаете мне? Заберите меня скорей, я тоже хочу бить фашистов!..» Она не знала, что Минск уже захвачен немцами.

Вдруг дверь комнаты распахнулась и курносая девочка радостно крикнула:

— Тэна, к тебе папа пришел! Он во дворе...

— Папа?!. — Тэна, забыв о письме, кубарем скатилась по лестнице, выбежала на залитый солнцем двор. Папы там не было. «Опять обманули!.. — с обидой подумала она и хотела вернуться, но услышала свое имя:

— Тэна! — Высокий военный в летной форме махал ей рукой. Удивленная, она подошла к нему. — Ты — Карташова?

— Да-а.

— Я — Муратов... Вместе с твоим отцом учился в академии.

— Что с ним?!. Убили? — прошептала Тэна, чувствуя, что сейчас упадет.

— Нет, нет! Не пугайся!.. Твои папа и мама живы. Я получил от твоей мамы телеграмму. Она сейчас в Мичуринске, ищет тебя... Вот ее адрес, — Муратов протянул ей голубой листок с наклеенными белыми полосками. — Напиши маме...

Папин товарищ молчал, пока Тэна читала телеграмму и приходила в себя, и потом, расспросив, как ей живется, не нужно ли чего, наконец, извинившись, что его ждут дела, ушел, а она побежала дописывать новое письмо, но уже только маме в незнакомый Мичуринск. Папиного адреса Муратов не знал.

Через некоторое время детей, за которыми не приехали родители, отвезли в детский дом в Малаховку под Москвой. Их осталось двадцать человек. Двое пятнадцатилетние — Тэна и Вахтанг, мальчик из Тбилиси, и двое трехлетние из Бреста — Светочка и Боря. Взрослых тоже было двое: заведующая детским домом и повариха. Все хозяйственные заботы легли на плечи старших девочек. Тэне, как единственной комсомолке в этом малень-

ком коллективе, выпала роль воспитательницы. Пригодился опыт пионервожатой, которой она была в школе перед вступлением в комсомол. Детей она любила, и они ей отвечали тем же. Особенно тянулись к ней малыши Боря и Света.

Малаховку война еще не потрясла. По улице спокойно прогуливались дачницы. В голубом ларьке продавались конфеты, пряники и ситро. В парке тетеньки в белых наколках катали колясочки с мороженым: самое маленькое, размером с игральную шашку, стоило пять копеек. Но у новоиспеченных детдомовцев не было и по одной копейке, а три рубля, оставленные Тэне папиным товарищем, давно были истрачены на конверты и коробку конфет для всех.

Вечерами, закончив хозяйственные дела, Тэна собирала детей около дома на скамейке или на веранде и рассказывала им разные истории, знакомила с содержанием прочитанных книг, но больше всего детям нравились ее выдумки о том, как они, якобы, сражаются с немцами. Даже старших мальчиков увлекали эти сказки. И не только увлекали. Однажды заведующая детдомом, собирая постельное белье в стирку, обнаружила под простынями у двух старших мальчиков куски хлеба. Оказывается, они собирались бежать на фронт и сушили себе в дорогу сухари.

В ночь на 21 июля над Малаховкой простерлось черное, грозное, рокошующее крыло войны. Немецкие самолеты летели на Москву. Казалось, их были тысячи. Несколько часов рычало над головами небо, а в стороне Москвы глухо ухало и медленно разгоралось зарево да металось, переkreшиваясь и разбегаясь, клинки прожекторов. Москва горит...

Всю ночь, ужасаясь и недоумевая, Тэна простояла во дворе, прижимаясь спиной к сосне, росшей около их дома. «Что же это такое? Почему их пропустили к Москве?... Почему я здесь, а не на фронте?! Папа, папочка, найди меня и заведи к себе на фронт!»

Утром заведующая принесла десяток лопат — и дети вырыли во дворе небольшую щель, у стенок поставили две длинные скамейки, и в следующую ночь, как только начали урчать над головой немецкие бомбардировщики, дети спустились в щель и до утра просидели там.

А 25 июля Тэну, отсыпавшуюся после ночного бдения в щели, разбудила мама. Да, мама! Она приехала за ней из Мичуринска.

Мама стояла на коленях у Тэниной кровати и плакала. С трудом поборов сон, Тэна открыла глаза и, еще не веря, прошептала:

— Мамуся, это ты?

— Я, доченька... Приехала за тобой.

Заведующая не хотела отпускать Тэну. «Кто же теперь будет заниматься с детьми?..» — горевала она.

Билеты до Мичуринска достали только на следующий день. Ночевать пришлось в метро на станции «Маяковская». На перроне мест не было. Шли по тоннелю около часа, пока не нашли свободное местечко пола для Тэниного чемоданчика, на нем и просидели до утра, изнемогая от жары, духоты и жажды.

До Мичуринска ехали в теплушке. Долго ехали, с продолжительными остановками.

Место их было на втором этаже широких дощатых нар около маленького окошечка. Мама постелила на доски свой синий старенький дождевик, в котором ушла из Минска; на нем спали, положив под головы Тэнино пальто. Каждый день в вагон приносили пассажирам паек на карточки: 400 граммов черного хлеба и комочек коричневого сырого сахара. На времянке кипятили в большом жестяном чайнике воду — чай пили три раза в день по очереди.

Мичуринск встретил приехавших суровой музыкой. Из черных репродукторов прямо в сердце били слова: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой черною, с проклятою ордой...»

В город пропускали только тех, кто прошел через санпропускник. Отстояв огромную очередь и получив горсть зеленого мыла, Тэна с мамой с огромным удовольствием вымылись под душем. Ночевать устроились в Доме колхозника на одной кровати. Там и жили, пока мама не закончила курсы почтовых сельских работников — ей надо было где-то работать, а в городе работы не было.

В начале августа они уехали в далекую деревню Мановицы. Приближался сентябрь, надо было думать о школе, а в Мановицах была только семилетка. Мама стала хлопотать о переезде в город. И вскоре они были в Энгельсе — бывшей столице автономной республики немцев Поволжья. Как раз в этот город эвакуировали мамину сестру.

В девятом классе энгельсской школы собрались ребята, эвакуированные из разных городов. Старшие классы занимались в

третью смену. Обязательными ежедневными уроками были военное дело и машиноведение. На военном деле старшеклассники занимались строевой подготовкой, изучали винтовку и пулемет, основы противохимической обороны и первой медицинской помощи, а на машиноведении — знакомились с устройством трактора и комбайна. Учебников было мало — по одному на несколько человек. Тетрадей и дневников вообще не было, писали на оберточной бумаге, на этикетках от разных пищевых концентратов — печенья, киселя, горохового супа. На большой перемене староста и дежурный приносили в класс в ящике от учительского стола по кусочку в пол-ладони кúхона — плоского пресного пирога, сказочно вкусного лакомства, бесплатного дополнения к 400 г хлеба по карточкам.

За хлебом надо было занимать очередь очень рано (некоторые становились с ночи), иначе до школы не получишь, а то и не хватит вообще. В очереди записывали номера: на ладони — чернильным карандашом или на валенке, на рукаве или спине — мелом. Свои остальные продукты — миска затирки из серой муки и из нее же десяток галушек с рыбьим жиром — они по карточкам «отоваривали» в столовой ФЗО, где теперь работала Тэнина мама воспитательницей. Завтракали и ужинали дома тем, что покупали на базаре. Много с базара не принесешь: 1 кг картошки — 10 руб., десяток яиц — 100 руб., одно полено дров — два рубля. Полено щипали на лучинки, жгли их между двух кирпичей, на которых ставили кружку с водой — для чая, или миску с четырьмя картофелинами — завтрак на двоих. Очень голодно было. Есть хотелось постоянно. Но, очевидно, не всем. Однажды Тэна пошла к местной жительнице, у которой была корова, за пол-литровой баночкой ряженки. Хозяйка вынесла ей ряженку, взяла деньги за месяц вперед и велела ждать сдачи в сенях. Тэна прождала пять, десять, пятнадцать минут и, подумав, не забыла ли о ней женщина, заглянула в комнату. Каково же было ее изумление, когда она увидела мешок с деньгами, в котором рылась хозяйка ряженки в поисках двух червонцев. «Вот уж кто не умрет с голоду!..» — со злостью подумала Тэна.

Перед уроками и по выходным дням ученики ходили собирать металлом, тряпки для корпии, разгружали с барж бревна, девочки дежурили в госпитале. Учеба шла с трудом. От голода кружилась голова, часто нарушалось зрение — рябило и темнело

в глазах. Ослабла память. В табеле успеваемости за девятый класс у Тэны оказались почти одни «песики», а до войны она училась хорошо, считалась способной, получала грамоты.

Летом старшекласников отправили на трудфронт. Ребята ее класса разъехались по совхозам и колхозам и работали трактористами, комбайнерами или их помощниками.

Тэну послали на сахарную свеклу с восьмиклассниками. Она обиделась, протестовала, но ее убедили, что с таким, как у нее, здоровьем ни на тракторе, ни на комбайне никто не нужен. И она смирилась.

Поселили учеников на полевом стане. Девочки — их было больше — разместились в огромном амбаре, мальчики — в саманном домике. Во все четыре стороны от стана — бескрайние поля: ни деревца, ни кустика, ни хатки. Лето сорок второго в Саратовской области было хмурое, грозное. Работали в поле по щиколотку в грязи, пололи, прореживали свеклу, а когда она выросла, лакомились сладким корнеплодом. Каждую ночь девочек поднимала с постелей — тюфяков, набитых соломой, — гроза. Амбар был без потолка и сквозь щели в крыше ясной ночью видны были звезды, а во время грозы заливало дождем. Грозы же были там великолепные, нигде больше таких Тэна не видела. Одновременно по всему горизонту вырастали огненные деревья — огромные молнии, не переставая грохотал гром, сплошным потоком лил дождь. Девочки скручивали свои тюфяки и запихивали под длинный дощатый стол, стоявший посередине амбара, под самым коньком, — там меньше лило. Через час-другой гроза утихла, дождь прекращался, девочки подтирали пол, расстилали постели и — кто засыпал, а кто без сна ждал утра.

В середине августа сильно похолодало, и девочек переместили в саманный домик, потеснив мальчиков. Но в тесноте — не в обиде. Руководителем мальчиков был учитель младших классов Иван Иванович. Вечерами он собирал всех учеников в комнате мальчиков и рассказывал бесконечные увлекательные истории. В августе Ивана Ивановича мобилизовали, и его обязанности взяли на себя две учительницы, которые не пользовались уважением учеников.

В совхозе Тэна подружилась с двумя девочками — Мартой и Мариной. С ними она после работы ходила собирать черный паслен,

росший в просяном поле. Паслен был существенной добавкой к их рациону. Кстати, никаких других ягод — ни земляники, ни черники, ни малины — на Поволжье не знали. Тэна с Мартой и Мариной любили вечерами смотреть на небо, любуясь золотым диском луны или бриллиантовой россыпью звезд, мечтать и фантазировать. Но главное, что занимало умы и сердца учеников и учителей, был вопрос: когда же союзники откроют второй фронт?

На полевом стане не было никакого приличного водоема, даже не имелось колодца. Было только небольшое болотце с лягушками и прудовиками, которые по вечерам устраивали оглушительные концерты. В этом болотце ученики умывались, стирали, даже мыли головы. Тэна тоже рискнула вымыть волосы и горько об этом пожалела — они перепутались настолько, что расчесать их она отчаялась и хотела уже обрезать, но Марта и Марина пожалели ее чудесные косы и взялись разбирать путаницу. Тэнины косы были спасены.

Шел третий месяц их работы в поле. Они все чаще требовали, чтобы им устроили баню, но с водой было очень трудно, на стан привозили небольшой бочонок питьевой воды, его еле хватало для приготовления пищи. И вот в один из августовских дней девочки решили сделать себе банный отпуск и в десять часов вечера отправились пешком в город.

Сорок километров они прошли за десять часов.

Для Тэны это был первый большой поход и она была очень горда, когда с трудом перешагнула порог дома, где они жили с мамой. Мама была дома и пришла в ужас, увидев дочь.

— Что случилось? — с тревогой спросила она. — Заболела?

— Нет... Просто надо сходить в баню.

— И ты одна ушла?

— Нет... Несколько человек. — Тэна перечислила всех «беглецов».

— Ты понимаешь, что вы — дезертиры... Ушли с трудфронта. Будут большие неприятности и вам, и нам, вашим родителям!

Мама быстро собралась и ушла на работу, а Тэна легла спать. Среди дня мама вернулась, подняла Тэну и сказала, что была в райкоме и все уладила — через неделю девчат-беглянок отвезут на телеге в совхоз.

— А теперь — собирайся, идем в баню.

...В сентябре сахарная свекла была выкопана и учеников отпустили, заплатив каждому, кто сколько заработал, «натурой». Меньше всех заработала Тэна — полосатые трусы из сарпинки.

Первого октября начался учебный год. Последний, как думала Тэна, год учебы в школе. *(Но она ошиблась: десятый класс ей пришлось заканчивать через три года...)*

В ноябре мама принесла домой газету. Это была «Правда» за 27 число.

— Прочти-ка эту статью, — сказала она, указав на заголовок подвальной большой заметки с названием «Таня». На фотоснимке была молоденькая девушка, снятая с виселицы красноармейцами. Тэна прочла заметку и душу ее захлестнула волна гнева и ненависти к фашистским извергам. Несколько дней ходила она сама не своя, вынашивая мечту об отмщении за гибель юной героини. Этими же днями пришло — наконец! — первое письмо от папы. И полетели к нему от Тэны письма самого высокого патриотического накала — с настойчивой просьбой взять ее на фронт. «...Не то, — писала она, — убегу! Напрасно, что ли, учил ты меня стрелять (у отца была своя мелкокалиберка, полученная в награду за отличную учебу в Военной Академии)? Напрасно я занималась в кружках Осоавиахима, научилась оказывать первую медицинскую помощь? Я же — комсомолка, дочь красного командира. Я с малолетства готовилась защищать Родину. И больше я не могу сидеть в тылу и ждать, что без меня разобьют фашистов. Папочка, возьми меня на фронт!...»

Это не были громкие слова — это был крик совести, искреннее стремление выполнять свой долг перед Родиной, которую Тэна воспринимала все еще детским, восторженным сознанием — как бескрайнее пространство, вмещающее в себя золотые поля колосящихся хлебов, изумрудные цветущие луга, дремучие леса, моря и горы; Родина для Тэны была в заводах и фабриках, построенных за годы Советской власти, в Магнитке и Комсомольске-на-Амуре, в Днепрогэсе и Беломоро-Балтийском канале, в Московском метро и Выставке Достижений Народного Хозяйства, в покорении Северного полюса папанинцами и перелете Чкаловым Северного Ледовитого океана, в высотном рекорде летчика Кокки-

наки и в дальнем перелете женского экипажа летчиц Гризодубовой, Расковой и Осипенко, в трудовых подвигах Стаханова, сестер Виноградовых, Паши Ангелиной и Марии Демченко; отражением Родины были яркие праздничные демонстрации и костры пионерских лагерей. Родина открывалась ей в кинофильмах и песнях. Тэна любила свою большую Родину, гордилась ею. Самым главным в чувстве Родины было сознание о необходимости ее защищать. И героика Гражданской войны, и события на КВЖД, на Халхин-Голе, на озере Хасан, и Финская война воспринимались Тэной, как уроки, преподанные лично ей: быть готовой к защите Родины. Вот почему, когда началась война, юная патриотка поняла, что она может быть полезной, она должна быть на фронте, надо только туда попасть.

Как-то декабрьским вечером сорок второго Тэна вернулась домой позже обычного. После уроков было комсомольское собрание, посвященное победе Красной Армии в Сталинградской битве. На собрание был приглашен недавно приехавший из Сталинграда мальчик — ученик девятого класса, в котором учились подружки Тэны Марта и Марина. Доклад о разгроме гитлеровской группировки сделал майор, приглашенный из военкомата; у него не было правой руки, и рукав гимнастерки был заправлен под ремень. Этот человек участвовал в обороне Сталинграда, только что вышел из госпиталя, потому доклад оказался живым и интересным, особенно взволновали ребят те боевые эпизоды, в которых был задействован сам докладчик. Потом выступил мальчик из Сталинграда. Он рассказал о том, что видел своими глазами в героическом городе...

Тэна почти бежала домой, переполненная волнением и восторгом, гордостью и ненавистью. А еще, как ни странно, в ней звучала какая-то новая струна, незнакомое чувство обжигало сердце и щеки, когда перед мысленным ее взором возникало лицо мальчика-сталинградца. «Неужели я влюбилась?.. Этого еще не хватало! Ну — нет, пока война не кончится — никакой любви! Подумаешь — из Сталинграда, он же не воевал... Ну и что? Зато много что видел, все пережил... А я только зарево под Москвой видела... Нет, он — ничего мальчишка! И глаза у него синие-синие, и шарф синий... Я влюбилась, влюбилась... Вот здорово! Сказать завтра Марте и Марине?.. Нет, не скажу — смеяться будут. Эх, мне бы в Сталинград!..»

С этими мыслями Тэна распахнула дверь — и не поверила своим глазам: у стола сидели мама и папа.

— Папка! — взвизгнула она и, швырнув книги на кровать, повисла на шее отца.

Мама, улыбаясь, приговаривала:

— Тэна, не задуши отца... Не висни — ты же большая. Разденься сначала, ты вся в снегу!

А Тэна не слушала ее и целовала отца, и терлась о его колючий подбородок, и шептала:

— Папочка... Папочка... Папусенька мой! — Вдруг отстранилась и испуганно спросила: — Ты что — ранен?!. Почему ты приехал?.. Ты надолго приехал?

Поправив сбившуюся гимнастерку и взяв Тэну за плечи, отец помолчал немного, внимательно вглядываясь в лицо дочери.

— Как же ты похудела, моя девочка, — сказал он вполголоса. — И — выросла... А мне — дали отпуск на неделю.

Тэна сняла пальто, размотала платок, стряхнув с него целый водопад растаявшего снега, присела на краешек кровати и уставилась на стол: на двух тарелках лежала почти довоенная еда — рыбные консервы, свиная тушенка, конфеты и белый хлеб! Мама принесла из кухни миску с горячим картофелем... Вот это был ужин — настоящий пир!

Спать Тэну уложили на стульях. Папа с мамой долго шептались, а Тэна думала о мальчике-сталинградце. Во сне она вместе с ним убегала на фронт, но их ловили, куда-то везли, они опять убегали, прятались в каких-то подвалах... И так — всю ночь. Утром, пока Тэна спала, мама сбегала на работу и отпросилась на весь день. За завтраком разговор не вязался. Папа с мамой переглядывались многозначительно, а Тэна жадно ела и не могла насытиться. Убрав со стола, мама усадила Тэну на кровать и села рядом с ней, с другой стороны — отец.

— Начнем военный совет, — сказал он. — Тэнуля, маму вызывают в штаб, в котором она работала до войны. Когда началась война, ее эвакуировали, чтобы она нашла тебя. Сейчас в штаб нашей армии набирают гражданских лиц, женщин — машинистками, делопроизводителями и другими невоенными специальностями, — труд которых нужен и на войне...

Тэна слушала отца с таким волнением, что сердце, казалось, переместилось в горло и мешало ей дышать.

— А я?.. А меня?.. — прошептала она, вдруг охрипнув, и глянула на отца, расширившимися, как от ужаса, глазами. Отец молчал и улыбался. Тэна вскочила с кровати и, повернувшись лицом к родителям, закричала шепотом: — А меня не берете? Вы — на фронт, а я — куда?!. К тете? Ну — нет! Вы уедете, а я пойду в военкомат и без вас уйду на фронт... Вот так. — И она тут же успокоилась, решив, что вопрос исчерпан, поставлена точка над «і».

Выслушав Тэнину запальчивую тираду, мама, продолжая улыбаться, сказала:

— Никто тебя в военкомате и слушать не станет. Ты посмотри на себя: маленькая, тощая... Ветер дунет — и ты покатишься, как перекасти-поле.

— Все равно добьюсь своего, — упрямилась Тэна. — Не возьмут через военкомат — уйду так... Убегу к партизанам!

— Ну ладно, — сказал отец. — Не будем тебя мучить... Садись, Тэна, и слушай. Я привез вызов для тебя. — Тэна затаила дыхание. Отец продолжал: — Тебя берут в учебную роту связи нашей армии. Ты уже достаточно грамотная и понимаешь, какое значение имеет связь... Коротко объясню: связь — это нервы армии... Штабы руководят боевыми частями только при помощи связи. Короче, любая армия без связи не может существовать... Ну, что ты теперь скажешь?

— А разве я не сказала?.. Я уже сто — тысячу! — раз сказала: хочу на фронт!.. Насчет связи, конечно, не думала... Я хотела бы стать снайпером или санитаркой. — Тэна серьезно, как взрослая, посмотрела на отца и продолжила: — Но ведь это не имеет значения — кем, главное — быть на фронте. — И крепко обняла отца. — Спасибо, папа! Я все еще не верю, что это серьезно... Ты ведь не шутишь, правда? Так нельзя шутить!

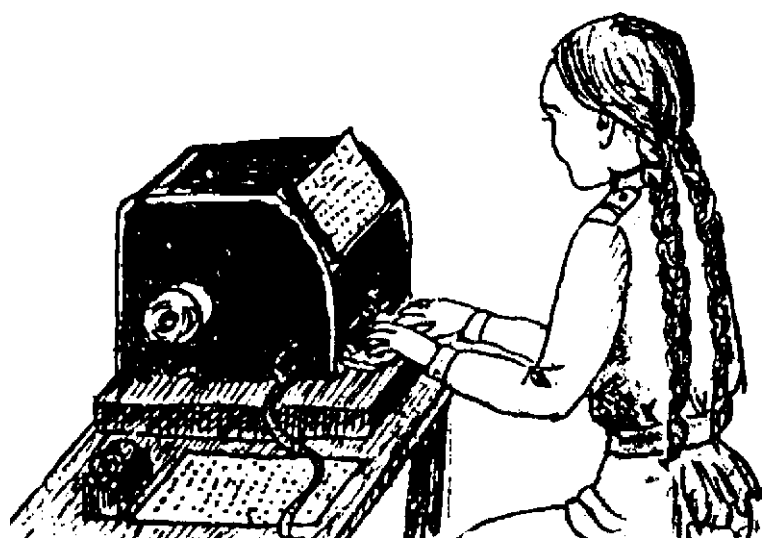
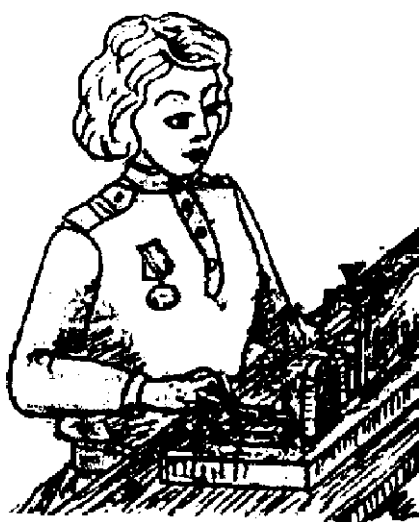
Отец расстегнул нагрудный карман гимнастерки, вынул сложенный вчетверо лист бумаги и подал дочери.

— Мобилизационный лист, — прочла она вслух. — Карташова Антэна Георгиевна, 1925 года рождения, армянка, член ВЛКСМ с 1940 года, добровольно вступившая в ряды Красной Армии, направляется к месту службы в учебную роту военной

части 29766. Время прибытия в часть 12 декабря 1942 года до 24 часов. Подпись. Печать...

Тэна еще и еще раз перечитала документ, но уже молча, стоя у окна. Потом аккуратно сложила его. Достала из чемодана свой паспорт и спрятала драгоценную бумагу в него. «Вот и все... Прощай, школа!.. Прощайте, Марта и Марина. Прощай, мальчик из Сталинграда... Ухожу на фронт!..» Она долго сидела, поглаживая кончиком косы губы и перебирая в памяти события прошедших полутора военных лет. Заглянуть в завтра Тэна не могла. Мысль, добравшись до недавнего разговора с отцом, упиралась в мобилизационный листок, как в стену, за которой была неизвестность.

Через неделю Тэна с отцом и мамой уехали в Москву.

УЧЕБНАЯ РОТА

На подмосковную станцию Алабино, где находился штаб 1-й ВА, приехали ночью. Переночевали в деревянном бараке, в комнате отца. Рано утром отец отвел Тэну в другой барак, где в одной из комнат за дверью с табличкой «Отдел связи», представил ее военному в очках:

— Вот, товарищ капитан, моя дочь... Целый год атаковала меня — требовала взять с собой на фронт. Пришлось сдаться! — Он легко хлопнул Тэну по затылку. — Упрямая!.. — И — капитану: — Птицын зачислил ее к вам в учебную роту. Пусть повоюет. — Снова обратился к дочери: — Тэна, перед тобой — начальник учебной роты... Он ознакомит тебя с твоими обязанностями и доставит к месту назначения.

Капитан протянул Тэне руку:

— Юрий Семенович.

Тэна подала ему свою руку:

— Карташова Тэна.

— Ну, коль вещи с собой — тогда идем, — сказал капитан. — Поезд — через десять минут, поговорим в дороге.

С отцом Тэна простилась крепким рукопожатием.

В Москву приехали ночью. Ночевали у матери капитана, коренной москвички. Утром следующего дня пригородный поезд вез Тэну в Перхушково, где находилась учебная рота.

От станции шли двое. Впереди — высокий военный в очках, с портфелем. Сзади — девочка в коротком пальтишке с кроличьим воротником, в белом вязаном платке, в черных осоюженных и подшитых валенках. За спиной у нее горбился брезентовый мешок. Было морозно-тихо, только снег под ногами звонко скрипел. Они подошли к воротам, над которыми были прибиты деревянные буквы «Добро пожаловать!» У ворот стоял часовый.

— Вот, Тэна, мы у себя дома... Наша учебная рота. Проходи, — сказал капитан. Тут же поздоровался с часовым и, назвав пароль, уже на ходу кинул: — Она — со мной.

На большом дворе, огороженном со всех сторон зеленым забором, стояли три деревянных одноэтажных барака. До войны здесь был пионерский лагерь. На дощатом туалете сохранились

еще надписи: «Для мальчиков», «Для девочек». Во дворе было безлюдно. Капитан, указывая на один из барачных, сказал, что курсанты сейчас на занятиях в учебном корпусе.

— Там — кухня и казарма для девушек, — кивнул он на второй барак. — А вот тот барак, крайний, — казарма для ребят... Дежурный! — негромко позвал капитан.

Из проходной будки вышел мужчина в овчинном полушубке, перетянутым портупеей, и, приложив правую руку к шапке-ушанке, четко проговорил:

— Дежурный по части лейтенант Василец!

— Лейтенант, найдите старшину Кошелева, пусть зайдет ко мне в учебный корпус.

Лейтенант, козырнув, пошел к казарме парней, а капитан с Тэной направились в учебный корпус. Когда зашли в кабинет начальника учебной роты, капитан сказал Тэне:

— Сейчас придет старшина и отведет тебя в казарму, укажет твое место... Ну и ознакомит с распорядком жизни в учебной роте. Так что — привыкай, не трусь, учись хорошо. Полковник Птицын приказал определить тебя в телеграфный класс. Нам сейчас очень нужны телеграфисты. Хорошие телеграфисты! Так что — старайся, дочка. — Он приподнял ее косу. — Хорошие у тебя волосы... Жалко такие остригать, а? Что молчишь?

Тэна сокрушенно вздохнула. Ей не хотелось расставаться с косами, но она была готова на любые жертвы.

— Раз надо — стригите... После войны опять отращу.

— Ладно уж, — капитан махнул рукой, — носи и береги свою красу. Мы девушек не стрижем. Полковник не разрешает, говорит: «Война — войной, а девушки и на войне — девушки, нечего их омужичивать. Но пусть и сами они не забывают, кто они такие, и берегут себя. Не все война списывает!»

Тэне понравились слова полковника. Она подумала: «Добрый, наверное, он, наш начальник связи».

(Так и начала курсант Карташова приобщаться к своей новой, военной семье, в которой ей предстояло жить и работать ежедневно два с половиной года.)

Тэна шла за старшиной, который нес ее вещмешок, и не сердито ворчал:

— Таких девчушек берут в армию, тоже мне вояки! Без году неделя, как паспорт получили, а — туда же, на фронт!.. Сидели бы в тылу, корпию щипали, хлеб растили, коров доили, а война и без них обошлась бы... Заходи! — Он придержал дверь, из-под которой вырвались клубы пара, густо пахнувшего вареной кислой капустой. — Там — кухня, — махнул рукой налево, а здесь — девичья казарма. — Открыл дверь справа. С табурета около побеленной высокой печки поднялась невысокая девушка в длинной зеленой юбке и мешковатой гимнастерке с воротником, в котором поместились бы две ее шеи. Белокурые коротенькие косички торчали над плечами, у висков кудрявились пушистые локончики.

— Дневальная Артеменкова, — назвалась девушка и доложила: — Курсанты — на занятиях, в казарме все в порядке.

— Вольно, Артеменкова. Вот — новый курсант, покажи ей свободное место на нарах и помоги устроиться. Расскажи о наших порядках. Ясно?

— Ясно, товарищ старшина!

Девушка приветливо посмотрела на новенькую. Когда старшина вышел, она протянула Тэне руку, назвалась:

— Шура.

— Тэна Карташова.

— Карташова?.. А ты не дочь начхима Карташова? Очень на него похожа.

— Дочь, — ответила Тэна неохотно. — Только об этом ты никому не говори.

— Почему?.. Подполковник Карташов — прекрасный человек, вежливый, внимательный, у нас многие его знают. Я и еще несколько девушек работали в столовой официантками, судомойками, вместе со штабом отступали с Минска, а когда открыли учебную роту, нас мобилизовали сюда. В столовой мы всех командиров знали. Большинство из них — хорошие, строгие... А были и такие, что — фу! — вспомнить противно... Думают, все им можно! — Шура передернула плечами. — Я рада, что перевели в связь... Ну, — вдруг переменяла тему, — давай устраиваться.

Тэна, как только вошла в казарму, с интересом поглядывала на нары, вытянувшиеся в три ряда посередине комнаты. В каж-

дом ряду — по 10-12 тюфяков, с одной стороны которых лежали вещмешки, а с другой — аккуратно, каким-то особым фасоном сложенные, — шинели и на них — серые шапки-ушанки. Над широкими окнами, стекла которых были перекрещены белыми полосками, тянулись черные длинные трубки с веревками. «Затемнение», — догадалась Тэна. В казарме было тепло и чисто.

Шура подошла к среднему ряду нар, раздвинула посередине два тюфяка и, шлепнув ладонью по доскам, сказала:

— Здесь располагайся. У тебя мешок есть?

— Нет... А какой мешок? Для чего?

— Для тюфяка.

— А-а! Есть плащ-палатка... Папа дал для тюфяка. Только надо пошить ее. Я сейчас. — Она развязала вещмешок и вынула из него потертую плащ-палатку и жестяную коробочку, расписанную полевыми цветами и бабочками (*в коробочке до войны был куплен набор шоколадных конфет, а теперь в ней Тэна хранила всякие мелочи, в том числе иголки и нитки*). Пристроившись у окна, она принялась сшивать края палатки, а Шура тем временем стала посвящать ее в порядок ротной жизни.

— Подъем — в шесть, — говорила она. — Зарядка — во дворе, и бег — по улице до полседьмого, до шести сорока пяти — туалет, а в семь — завтрак. В семь тридцать — построение, переключка, распределение по нарядам, в восемь — начало занятий. В два часа дня — обед. С трех до восьми — опять занятия. В восемь — ужин, с восьми тридцати до десяти вечера — самоподготовка, а до одиннадцати — свободный час. В одиннадцать — отбой... Расписание занятий висит в классе, сама посмотришь. Все. Ясно?

— Ясно, — Тэна как раз в этот момент закончила шитье и встала. — Что мне теперь делать?

— Идем за соломой.

Они вышли во двор, за баракom у стены горбился большой сугроб.

— Под снегом солома... Разгребай, — почти скомандовала Шура. — Набери в мешок побольше, умнется.

Тэна раскидала ногами снег и стала одной рукой совать охапки мерзлой соломы в мешок, другой — держала мешок навесу.

— Давай помогу, — сжалилась Шура. — Держи мешок, а я солому буду кидать.

Через десяток минут тюфяк был готов. Тэна зашила третью сторону плащ-палатки и уложила свою постель на свободное место на нарах. В головах примостила вещмешок, а в ногах сложила пальтишко и платок. Переплела растрепавшиеся косы и спросила у Шуры, где бы помыть руки.

— Бочка с водой и кружка — во дворе, — ответила Шура.

Она снова уселась на табуретке у печки и, прижавшись щекой и ладонями к кирпичам, грелась. Тэна достала из вещмешка мыльницу, полотенце и вышла во двор.

Солнце садилось. В ясном морозном небе разливалась багровая вечерняя заря. Вороны орали, устраиваясь на ночевку в ветвях вековых берез, из труб соседних домов поднимались тонкие дымки, в свете вечерней зари казавшиеся сиренево-голубыми султанчиками. Вода в бочке замерзла, и Тэна несколько раз стукнула кружкой по льду, прежде чем его разбила. Умытая и раскрасневшаяся, вернулась в казарму и только подумала: «Очень хочу есть!», как из учебного корпуса раздался звонок, совсем по школьному, а через минуту во двор стали выходить девушки и ребята в военной форме. Разговаривая, смеясь, толкаясь, кидая друг в друга снежками, они разбрелись по двору.

— Сейчас будет ужин, — сказала Шура. — Столовая в учебном корпусе.

В комнату вошел старшина, обратился к Тэне:

— Карташова, идем ужинать. И представлю тебя командиру телеграфного взвода.

Они вышли, пересекли двор, лавируя между курсантами, с интересом поглядывавшими на девочку с толстыми черными косами до пояса; в коротком синем платье с белым воротничком и черных подшитых валенках. На крыльце учебного корпуса стоял лейтенант со светлым волнистым чубом и курил. К нему и подвел старшина девушку.

— Товарищ лейтенант, вам — пополнение, — проговорил он, указывая на Тэну. — Командир роты привез сегодня из штаба. Просил не обижать, она — дочка...

— Не надо!.. — сквозь зубы, тихо и, как ей показалось, грозно прервала Тэна старшину и протянула лейтенанту руку: — Антэна Карташова... А чья дочка — не имеет значения. — Лейтенант

бросил папиросу в снег, но руку ей не подал, и девушка, покраснев, поняла свою оплошность — опустила руку.

Лейтенант — это и был командир телеграфного взвода — крикнул на весь двор:

— Николаева, ко мне!

Девушка, разговаривавшая с высоким смуглым курсантом, обернулась на оклик — и подбежала:

— Слушаю, товарищ лейтенант!

Командир взвода представил ей новенькую, приказал построить взвод и следовать на ужин.

— Телеграфный взвод, становись! — весело выкрикнула новая Тэнина знакомая и, когда человек двадцать курсанток построились, скомандовала: — В столовую шагом марш! — и пошла рядом с Тэной, пристроившейся в конце строя.

В столовой стояли длинные дощатые столы и около них — длинные скамейки. Тэна подождала, пока девушки сели за стол, примостилась с краю. На торце стола дежурная резала хлеб большим ножом — буханку на десять порций. «Значит — по двести грамм, — подумала Тэна, глотая слюну. — А что на ужин?.. Пахнет капустой. Щи, наверное...»

— Кому?!. — спросила вдруг дежурная, поднимая пайку хлеба.

— Новенькой! — ответила Николаева, стоявшая спиной к дежурной.

— Кому?!. — дежурная подняла следующую пайку.

Когда весь хлеб был роздан, девушка и парень внесли в столовую большой темно-зеленый термос. Дежурная достала из ящика стопку алюминиевых мисок и кучу столовых ложек. Парень накладывал в миски тушеную капусту — солянку, а девушка раздавала ложки. Тэна еле дождалась своей порции. Давясь большими кусками хлеба и обжигаясь капустой, она быстро справилась с ужином, запила фруктовым чаем и... ей почему-то страшно захотелось спать. Если бы не команда Николаевой: «Курсанты, встать! В класс шагом марш!» — Тэна уснула бы прямо за обеденным столом.

В классе девушки расселись за такими же длинными столами, как в столовой, на которых стояли фанерные коробочки с клавиатурой, приблизительно такой же, как у пишущих машинок, и прибитые к столу телеграфные ключи. На столах лежали

пачки потертых бланков со столбиками цифр и букв. Девушка, рядом с которой посадили Тэну, положила перед собой бланк, а пальцы обеих рук расположила на клавишах и стала быстро нажимать по очереди разными пальцами, внимательно вглядываясь в лежащий перед нею бланк. Две другие соседки по столу стучали телеграфными ключами, приговаривая вполголоса: «Раз — и раз, раз, раз; раз — раз, раз, раз...»

Николаева подсела к Тэне и положила перед ней бланк.

— Это азбука Морзе, — сказала она шепотом, чтобы не мешать подругам. — Вот — первая группа знаков, все они состоят из точек: одна точка — Е, две точки — И, три точки — С, четыре точки — Х, пять точек — цифра пять, а три раза по две точки обозначают точку. Выучи сегодня эту группу пока устно. Позже подойду, проверю. Ясно?

Тэна кивнула и стала учить первую группу азбуки Морзе. Оказалось, что это очень легко, и через несколько минут она могла назвать любую букву в любом порядке. Подняв руку, она подозвала Николаеву.

— Уже? — удивилась Николаева. — Молодец. Учи вторую группу. Здесь буквы состоят из одних черточек — тире: одно тире — Т, два тире — М, три тире — О, четыре тире — Ш, из пяти тире ни букв, ни цифр нет.

Так же быстро Тэна выучила и вторую группу. За первый вечер она освоила всю азбуку Морзе, правда, только устно и иногда ошибалась, но Николаева была очень довольна темпом, с которым новенькая выучила азбуку, и сказала, что она быстро догонит подруг.

Пока Тэна учила азбуку, спать ей расхотелось, но после десяти часов уже еле сидела, глаза закрывались сами собой, она клевала носом так, что пару раз стукнулась лбом о стол. Соседка пыталась завязать с нею разговор, но она почти не слышала, что ей говорят, и, отвечая, начинала плести какую-то чепуху. Наконец наступил час отбоя. Тэна на ватных ногах добрела до казармы, засыпая уже, сбросила с себя валенки и платье и повалилась на свое горбатое ложе, не почувствовав даже, какое оно холодное и сырое. Шура укрыла новенькую ее пальтишком и своей шинелью, пододвинула поближе свой тюфяк, чтобы соседка не скатилась ночью на голые доски.

Тэне показалось, что она только что закрыла глаза, как вдруг ее разбудил громкий и властный крик:

— Подъем!

Она с трудом села, не раскрывая глаз, пошарила рукой, ища платье, натянула его непослушными руками, сунула ноги в валенки и, зевнув с подвыванием, потянулась.

— На зарядку выходи! — раздалась следующая команда.

Тэна вместе со всеми выбежала во двор.

— В две шеренги становись! — Старшина без гимнастерки, в одной майке командовал зарядкой.

Девочка старательно выполняла все упражнения, чувствуя, как рассеивается сонливость, уходит вялость из рук и ног и тепло разливается по всему телу.

— Направо! Бегом — марш! — Старшина побежал впереди курсантов, задавая темп, выбежал за ворота, на дорогу, за ним дружно топали курсанты, окутанные паром от дыхания и от разгоряченных тел.

Умываться прибежали к бочке. Дневальный заранее разбил лед, который толстыми кусками плавал в воде. Ребята, уступив место у бочки девушкам, умывались снегом. Во дворе стоял смех и веселый говор, курсанты фыркали и охали — вода была обжигающе холодной. Пока у бочки толкались и повизгивали девушки, Тэна причесалась и сбегала «к девочкам».

На завтрак опять была солянка и чай с хлебом, что очень порадовало. За ночь Тэна снова сильно проголодалась, и солянка за ужином здорово пришлась ей по вкусу.

Первый учебный день начался политзанятием. Его проводил лейтенант Василец, который вечером сменился с дежурства. Он прочел курсантам последнюю сводку Совинформбюро: наши войска под Сталинградом продолжали добивать фашистов, сидящих в «котле» и не желающих сдаваться; захвачено несколько тысяч пленных, огромное количество техники и боеприпасов... Настроение у лейтенанта было прекрасное, оно передалось курсантам. Занятие прошло оживленно, быстро и оставило у Тэны радостное ощущение сопричастности к тому, что сейчас происходило на фронте.

Потом было занятие по технике, его проводил командир взвода лейтенант Ильинский. Он знакомил курсантов с устройством и

принципом работы буквопечатающего аппарата СТ-35 (модель 35 года советского телетайпа).

Тэна с детства любила технику. Дома она сама ремонтировала электрический утюг и электроплитку, меняла перегоревшие пробки, а перед войной разобрала, вычистила и собрала папин велосипед. Правда, не все шарики поместились в подшипниках к колесам, но ход велосипеда остался нормальным. Наверное, поэтому уроки по телеграфной технике стали для Тэны самыми интересными.

В третьем часу была тренировочная работа на аппаратах. Настоящего СТ-35 в классе не было — обучение проходило на макетах, тех самых фанерных ящиках с клавиатурой, а работу на них девушки называли «давить клопов», потому как начинающие телеграфисты работали медленно, с силой нажимая на кнопки клавиатуры.

Практические занятия с телеграфистами проводила старшина Телкова, худенькая, стройная, миловидная, но не улыбчивая. Кажется, что она боится быть доброй, чтобы не подорвать свой авторитет. Телкова посадила Тэну за макет и стала объяснять, что каждый палец должен нажимать только свою кнопку, заглавные буквы и цифры надо печатать на верхнем регистре, для чего мизинцем нужно нажать на нижнюю крайнюю кнопку. Работать телеграфист должен только вслепую, не глядя ни на клавиатуру, ни на руки. Как и для морзянки, для СТ-35 были свои бланки с заданиями для каждого пальца в отдельности, для сочетания разных двух, трех, четырех, пяти пальцев каждой руки, для обеих рук вместе. Причем надо было не только правильно нажимать на клавиши, но стараться работать как можно быстрее, а это было самое трудное. Для определения скорости работы курсанта были заготовлены специальные бланки с определенным количеством знаков. Тэна видела, как то одной девушке, то другой устраивался зачет. Телкова засекала по часам начало и конец «передачи» и определяла, сколько знаков курсантка печатает в час.

На четвертом уроке Тэна работала на ключе. Азбуку Морзе она помнила, надо было отрабатывать технику. Телкова показала ей, как держать руку, как нажимать и отпускать ключ. Работать сначала надо было медленно, строго соблюдая продолжительность точек, тире и интервалов, для чего курсант должен был считать: раз — точка, раз — и — тире; интервалы между точка-

ми и тире в одной букве должны были быть не длиннее точки, а между буквами — не короче тире.

— Тогда почерк морзиста, — говорила Телкова, — будет красивым и передаваемый текст легко читается.

Работать на ключе Тэне нравилось больше, чем на СТ-35. Ритм работы завораживал, звучал музыкой. Хотелось подпевать каждому удару ключа. Порою она увлекалась — начинала частить, и Телкова одергивала:

— Не спеши, Карташова!.. Легче держи ключ, не напрягай руку, работай только кистью.

Тэна смущалась и начинала усердно считать: «Раз, раз — и, раз, раз, раз — и, раз — и...» Но через несколько минут опять начинала торопиться. Телкова снова поучала:

— Карташова, я вам говорю: не спешите. У вас еще техника не отработана, автоматизма нет, сорвете руку — на морзянке работать не сможете.

«Вот привязалась... — ворчала про себя Тэна и начинала упражнение снова как можно медленнее.

— Вот так, вот так, — Телкова кладет свою руку на Тэнину, лежащую на ключе, и задает ей нужный темп. — Только так работайте и сегодня, и завтра... Скорость придет сама собой.

Старшина Телкова Марина Егоровна — девятый ребенок в семье крестьянина из Воронежской области. Трудно было отцу кормить и растить двух сыновей и семерых дочек, но всех сумел выучить и поставить на ноги. Младшая, Марина, после семи классов уехала в Воронеж, поступила в ФЗУ связи и, окончив его, осталась в городе работать на телеграфе. В сентябре 1939 года Марина получила повестку из Облвоенкомата с предписанием явиться к десяти часам следующего дня, в 21-ю комнату. Она удивилась: зачем это ее вызывают? На завтра пришла в военкомат, нашла нужную ей комнату и постучала.

— Войдите!

Вошла. За письменным столом лицом к двери сидел лысый, худой военный.

— Садитесь, — военный указал на стул. Она села, и он спросил: — Вы телеграфистка?

— Да.

— Красной Армии помочь хотите?

— Конечно.

— Отлично. Значит вопрос решен: мы мобилизуем вас. На сборы три дня. Явитесь сюда к восьми часам утра. С собой — только самые необходимые личные вещи. Вопросы есть? — Марина покачала головой, хотя вопрос у нее был: «А что случилось?» Но она поняла, что спрашивать не надо. — Вот и хорошо. Вы свободны. — Военный поднялся из-за стола и подал Марине руку: — До свидания. — И проводил ее к двери.

Через три дня Марина с другими мобилизованными связистками прибыла на узел связи штаба ВВС Особого Белорусского Военного Округа. Через несколько дней началась польская кампания. Марина Телкова получила свое первое боевое крещение, а после демобилизации она осталась в Минске в штабе ВВС начальником смены узла связи. Тогда же познакомилась с лейтенантом Ильинским. Это был веселый, разбитной парень, с русым кудрявым чубом и хитрыми глазами, бывший железнодорожник. Ее сначала пугал его взрывной смех, потом привыкла, как привыкла к его несколько грубоватому ухаживанию. Держалась с ним строго, даже холодно — и этим, пожалуй, привлекала его все больше и больше. Возможно, дело дошло бы до женитьбы, но началась Великая Отечественная война.

Первой о войне узнала на узле Женя Хаятина, которая работала на проводе брестского авиаполка. Страна еще мирно спала, а на телеграфе штаба ВВС уже была тревога. Девушки сидели за аппаратами потрясенные, взволнованно переговаривались, испуганно поглядывали на суровые лица командиров, заходивших на узел. Немцы начали бомбить Минск. Штаб готовился к эвакуации. Подполковник Птицын пришел на узел рано утром и объявил, что те, кто хочет остаться в связи ВВС, могут эвакуироваться вместе со штабом, но вещей с собой брать не разрешил, так как, сказал он, не на чем везти даже часть связи. Марина и большинство других телеграфисток уезжали из Минска, кто в чем был — в летних платьях и босоножках. Минск горел. На Советской улице лежал на боку трамвай, витрины магазинов были выбиты, мостовую устилали осколки стекла, размотанные тюки разноцветных тканей (результат деятельности марадеров), лежали убитые, стонали и зывали о помощи раненые. На Комаровской площади Марина увидела

такое, о чем без слез и ужаса не могла вспоминать: на тротуаре лежала мертвая женщина, а ее маленький ребенок ползал по ней и кричал: «Мама, ма-а-а-ма!» Крик этого ребенка слышит Марина всякий раз, как вспоминает начало войны.

Отступление было крайне тяжелым. Под Вязьмой, недалеко от станции Касня, штаб ВВС сильно бомбили. Там на глазах у Марины осколком бомбы убило ее подругу, машинистку из разведотдела. От ужаса у Марины мутилось сознание, но терять самообладание было нельзя, надо было работать. Во время бомбежек уже не паниковали, боялись только, чтобы не изуродовало, и бежали к единственной близкой от узла связи щели, скатывались в нее все вместе, иногда друг другу на голову. За горькие дни отступления девушки сразу повзрослели, посерьезнели. Девичьи лица посерели, осунулись. В глазах застыли ужас и горе. Жестокие испытания сблизили их, сплотили в одну семью. Особенно близкими стали для Марины телеграфистки Даша Зайцева и Таня Алексеева. Это были славные, самостоятельные девушки, трудолюбивые и бесстрашные. Таню и Марину одними из первых наградили медалями «За боевые заслуги».

В сорок втором году в ВВС стали организовывать особые подразделения связи, и в Первой Воздушной Западного фронта был сформирован из батальонов связи полк, командиром которого стал подполковник Дубков, а командиром телеграфного батальона — майор Александров.

Осенние ночи сорок второго были холодными и тревожными. Укрывшись одним одеялом, три подруги — Марина, Даша и Таня — тесно жались друг к другу. Холод, волнение, неотвязные горькие мысли мешали спать. Девушки вздыхали, тихо переговаривались.

— Марина, мне кажется, что подполковник Дубков очень хороший человек, — шептала Дуся.

— Да, мне он тоже нравится... Спокойный, корректный, — поддакивает Таня.

— По-моему, он и майор Александров — самые порядочные из всех наших командиров, — добавляет Марина. — Чего не скажешь о нашем начальнике связи.

— Вы знаете, девочки, что он сказал мне? — возмущенно произнесла Таня.

— Ничего толкового этот баламут не скажет, — отозвалась Марина.

— Он спросил: «Куда будем удирать: в Англию или Америку?»

— Да ну?! — испуганно произнесла Дуся. — А может — разыгрывал тебя?

— Нет, на полном серьезе. Я даже не нашла, что ответить.

— Скорее всего он это сказал в шутку... А вот то, что он — сводник, — у Марины задрожал голос, — это точно. Сватал меня к одному генералу... Человеку пятьдесят лет, в Москве — жена-красавица, трое сыновей... Я говорю ему: «Что вы, товарищ полковник, он же — старик, а мне двадцать лет». Он смеется: «Молодых всех война заберет, будешь и старику рада!» Хотела сказать, что у меня жених есть, да побоялась, что заишет избранника моего за тридцать земель.

— Подумать только!.. — горячилась Дуся. — Прекрасный специалист, а какой, оказывается, гадкий человек... Говорят, он любовницу завел в штабе тыла.

— А ей-то, как не стыдно! Знает ведь, что жена и дети в тылу голодают... Да, война показала, кто есть кто. — Таня вздохнула и, помолчав немного, произнесла таинственным шепотком: — Девочки, хочу секрет вам свой открыть... Только вы — никому! Ладно? — Подруги успокоили ее: мол, конечно, молчать будут, иначе и быть не может. — Так вот. За мной один наш командир ухаживает. Он мне очень нравится. Только — женат... Я говорю ему: «У тебя есть жена». А он сына хочет от меня и уверяет, что не вернется к жене, говорит, что она бездетна... Как вы думаете: можно ему верить?

Девушки помалкивали. Они знали, что речь идет о лейтенанте Добролюбове, хорошем командире и, пожалуй, хорошем человеке и товарище. Но можно ли ему доверять в таком непростом деле, они не знали... Чужая душа — потемки.

— Ты сама смотри, Татьяна. Если не боишься остаться потом одна с его сыном, то — доверься, — дав совет, Марина задумалась: «А ведь она бы, пожалуй, не доверилась Добролюбову.

(Чтобы не возвращаться снова к этой теме, забегу вперед — Марина оказалась права: в конце войны Таня доверилась и дей-

ствительно родила сына «от хорошего человека и товарища», который сразу же после демобилизации уехал к жене.)

Лейтенанта Ильинского никто никуда не сослал — он все время был на виду у Марины. Последний год войны — стал годом ее замужества. Она мечтала скорее вернуться в Воронеж, пойти учиться, но с наукой не получилось. Устроилась на телеграф, работы было много, а жить после войны было трудно. Родилась дочь, потом — сын, растила их, выучила. С мужем счастья не нашла, он оказался любителем выпить, из-за этого стал часто болеть... Умер от инфаркта.

В бессонные ночи Марина часто вспоминала войну — свой полк связи, фронтовых подруг, напряженную работу на СТ-35 и Бодо, нередкие выезды на сложные и рискованные операции на передовую.

Сколько лет прошло со дня Победы... Нет в живых Тани Алексеевой, Жени Першиной, Жени Хаютиной, с которыми отступала из Минска в сорок первом. Дуся Зайцева живет в Риге, и сейчас только редкие письма связывают Марину с ее фронтовой подругой.

Вечером во время свободного часа Тэна писала письма: маме, Марине, Марте и Нине — девочке из детского дома. Она любила писать письма. В них можно было порассуждать, помечтать, пошутить, выразить свое «Я». Для каждого, кому она писала, у нее была своя тема, свои вопросы, даже свой стиль. Потому письма отнимали у нее очень много времени. За один вечер еле успевала написать кому-либо одному. Она любила, чтобы и ей писали длинно и интересно. Огорчалась, если получала короткие отписки с холдным перечнем событий.

— Тэна, ты петь любишь? — Шура под села к задумавшейся подруге.

— Петь?.. В общем, люблю, но пою плохо: ни голоса у меня, ни слуха.

— А я — очень люблю петь... Особенно частушки. В деревне первой запевайкой была. — Шура звонко засмеялась и на весь класс пропела:

— Я иду, она колышется,
высокая трава.

Я не люблю, а он гоняется,
дурная голова.

И вдруг из другого конца класса шустро, как птица, вспорхнула и ударилась в окна новая частушка:

— Я страдала, страданула —
с моста в речку сиганула.
И какого дьявола
я всю ночь проплавала?

Это Маруся Новикова, подруга Шуры, пропела свою частушку. На это Шура, хохоча, тут же пропела ответный куплет:

— Я страдала, страданула —
с моста в речку сиганула.
А мильтон кричит: «Куды?
Не засаривай воды!»

При этом Шура задорно подбоченилась и прошлась чечеткой между столами. Тэна, смеясь, зааплодировала, ее поддержали другие девушки. Стали вспоминать, кто еще какие частушки знает, но оказалось, что, кроме Шуры и Маруси, никто не владеет этим замечательным искусством. А вот просто петь — любили все. Шура попросила Тэну:

— Теперь ты спой что-нибудь.

— Ой, что ты! Мне неудобно... Я не умею при всех... А что спеть?

— Да что хочешь... Спой самую свою любимую.

Любимую? У Тэны много любимых. Какую бы? Вот эта, пожалуй, самая-самая... И она тихим, неуверенным голосом начала:

— В далекий край товарищ улетает...

Девушки также тихо подхватили довоенную песню из кинофильма «Истребители», которую с глубокой задушевностью исполнял впервые появившийся на экране Марк Бернес. Закончив эту песню, без паузы запели «Спят курганы темные». Исполнив еще несколько массовых песен, переключились на русские народные: «Степь да степь кругом», за ней — «Есть на Волге утес», «Среди долины ровные». Потом в тихое пение ворвался низкий, звучно-сочный голос Нади Кривицкой:

— Эх, мчится тройка удалая
вдоль по дорожке почтовой.

Ямщик, уныло напевая,
качает буйной головой...

Надя поступила в учебную роту вместе со своей старшей сестрой Зиной на неделю позже Тэны. Зина была на год старше Тэны. А Надя — на год моложе.

Сестры с трудом привыкали к военной дисциплине, ни с кем не общались и, казалось, держали все время друг друга за руку. Надино пение удивило, обрадовало курсанток и сломало лед отчужденности. Девушек стали подбадривать. Надя пела песню за песней. Ей никто не подпевал — все слушали: кто восторженно, кто задумчиво, кто покачиваясь в такт мелодии. Когда старшина, стоявший в проеме двери, подперев плечом косяк и с явным удовольствием слушавший пение, громко скомандовал: «Отбой!» — девушки заворчали недовольно, а потом, зевая и потягиваясь, стали выходить в коридор, откуда строем отправились в казарму. Тэна шла в строю и в ней продолжало звучать эхо последней Надиной песни.

Пение по вечерам как бы вошло в распорядок дня курсантов. Это было отрадно. Совместное пение сближало девушек, уравнивало их, таких разных и по возрасту, и по образованию, и по семейному положению, и по отношению к жизни вообще — и к военной, в частности.

Зина из радиовзвода перешла в телеграфный, чтобы быть вместе с сестрой. За полтора года войны они с Надей столько пережили, так набедовались, так боялись потерять друг друга, что и в армии хотели быть рядом. Зина перед самой войной кончила девять классов и успела поработать курьером в Министерстве сельского хозяйства, потому как после смерти отца надо было помогать маме, на руках которой осталось четыре дочери.

Когда из черной тарелки репродуктора грянул гром — война, вместе с соседями семья Кривицких торопливо спустилась в бомбоубежище. Утром в понедельник мама ушла в штаб и домой уже не вернулась. Девочки остались в бомбоубежище и только на третьи сутки им сказали: «Что вы сидите? Город бомбят, немцы подходят к Минску... Бегите!» И они сначала бежали по горящему городу, затем шли по шоссе до Борисова.

В дороге отстали от старшей сестры и потеряли ее навсегда. В Борисове удалось втиснуться в переполненный вагон эшелона, вывозившего беженцев в тыл. В поезде заболела и умерла младшая Любочка.

Приехали в Казань. Зина и Надя вышли в город растерянные, никому не нужные, измученные долгой дорогой, голодные. Зина с трудом устроилась рабочей на конный завод. В семье зажиточных, скупых, неприветливых татар сняла койку, на которой спали вдвоем. Ни продуктовой, ни хлебной карточки Наде не полагалось как иждивенке, жили впроголодь на Зинин паек.

Приближалась зима, а теплую одежду купить не было за что. Зина несколько раз ходила в военкомат, просилась на фронт, но ее не брали. Каждый день наведывалась в справочное бюро. И в декабре сорок первого получила мамино письмо о розыске своих детей. Через год пришел вызов в военкомат. В тот же день обе девочки встретились с мамой. Она, как и Тэнин отец, узнала, что полк связи набирает курсантов в учебную роту, оформила вызов своим дочерям и приехала за ними в Казань.

Из учебной роты Зину и Надю направили в 173 батальон аэродромного обслуживания в городе Перемышль, где они прослужили полтора года. Затем — другая часть, ближе к фронту. Там Зина работала телеграфисткой, а Надю перевели в телефонистки, так как на командном пункте был только один аппарат Морзе. Зина обслуживала его вместе с другой девушкой в две смены. Здесь же на КП работал шифровальщик. При обрыве связи телеграфистка брала катушку с проводом за спину и шла на линию искать обрыв — зима ли, лето, день или ночь: шла, искала, находила, чинила. И землянки для КП рыли сами, и дрова пилили-кололи, и обстирывали весь взвод — они, связистки. Зимой на узле связи холод бывал такой — руки коченели на ключе. Но все это по сравнению с голодом, нищетой и одиночеством в Казани казалось Зине и Наде счастьем: сыты, одеты-обуты, а главное — участвуют в борьбе с ненавистным врагом.*

* Командный пункт.

Однажды во время Зининого дежурства на командный пункт зашел начальник связи полковник Птицын. Ему понравилось, как легко, быстро, четко и грамотно работает на морзянке Зина. Он похвалил ее. А в скором времени ей, тогда еще солдату, было присвоено звание старший сержант.

Во время Белорусской операции Зина Кривицкая была командирована на передовую позицию в составе группы, которой командовал старший лейтенант Панов. Пункт, куда они прибыли, еще не был освобожден от фашистов, засевших в соседней траншее. Старший лейтенант приказал Зине: «Бери морзянку и прячься во ржи, пока не выгоним немцев!» Сам побежал к солдатам, которые уже схватились в рукопашном бою с фашистами...

В деревне Крапивное, где они развернули КП, дома были сожжены, у здания бывшего сельсовета ветер раскачивал на столбах трупы повешенных. Только наладили связь — срочный вызов в соседний летный полк, который подвергся жестокой бомбежке. По всему аэродрому среди горящих, искореженных самолетов собирали останки погибших, складывали в ящики... Похоронили их в общей могиле.

По вечерам в столовой учебной роты иногда устраивали танцы. Курсант радиовзвода Пронин играл на баяне; меланхолическое танго сменялось страстным фокстротом, фокстрот — задушевым вальсом, и снова — танго, и снова — фокстрот. Девушки танцевали «шөрочка с машерочкой» — кавалеров для всех не хватало, Тэна не танцевала. Во-первых, не умела. И потом — презирала... Да, презирала! «Тоже мне, — думала она, глядя на танцующих, — обнимаются, прижимаются... И вообще — воображают!» Она уходила в класс писать письма и только прислушивалась к музыке.

В январе вышел указ по армии об изменениях в форме и званиях военнослужащих, а название Рабоче-крестьянская Красная армия было заменено лаконичным Советская Армия. Тэна восприняла этот указ как жестокую кровную обиду. Ну никак не могла смириться с тем, что она теперь уже не красноармеец, а солдат; что командир стал офицером... Солдатня, офицерье... Белогвардейщина какая-то! А погоны — это и совсем возмутительно!

Кипятилась она долго и упрямо. Но вот настал день, когда старшина принес в казарму целую стопку фронтовых, цвета хаки с голубым кантиком суконных погон.

— Ну-ка, солдатики, разбирайте, пришивайте!.. Воротнички гимнастеров переделать на стоячие!

И началась работа. Погоны подгонялись, в них вставлялись картонки — красивее, если погоны прямые, а не гнутые. Отпарывались петлицы от воротников гимнастеров, отрезались концы и верхняя половина воротника, разрез, зашивался мелким стежком, приметывался свежий беленький подворотничок, на ширину толщины спички выглядывавший из-за воротника; и вот гимнастерки нового фасона готовы. Курсанты оглядывают друг друга с удивлением, с шутками: у кого погоны торчат крылышками, у кого — косо-криво, съезжают вперед или на спину; воротничок у одной болтается вокруг шеи, как хомут, у другой — туг, дышать мешает, у третьей и вовсе не сходится. И смех, и слезы! Но день-другой — и все стало на свое место: и погоны перестали давить на плечи и отвлекать внимание, и воротники стали удобными — к стоячему легче пришивать подворотничок. К чинам привыкали дольше, но и к ним притерпелись.

Учеба у Тэны шла успешно. Она не только догнала подруг, но вышла в отличники боевой и политической подготовки. Ее хвалили на построении и в «Боевом листке» роты. Тэне было неприятно, что ее выделяют из всех. Она порой думала, что не будь она дочерью полковника, ее вряд ли бы так хвалили. Да и странно было бы тянуться в хвосте — ведь у нее почти среднее образование. Правда, в школе она училась неровно: и грамоты получала и двойки. Но здесь, в учебной роте, не позволяла себе лениться, да и не хотелось. Она понимала: хорошо воевать можно только тогда, когда хорошо овладеешь своей специальностью. И старалась.

Во время утреннего построения лейтенант Василец, как всегда, обошел строй, сделал кое-кому замечания о неаккуратно заправленной гимнастерке, плохо подшитом подворотничке, оторванной пуговице или не вычищенных сапогах и, как обычно, спросил:

— Вопросы есть?

— Есть! — выпалила Тэна. — Почему меня не посылают в наряд? Я уже целый месяц в роте.

— Старшина! — Обратился к стоявшему рядом старшине лейтенант. — Действительно, почему Карташову не посылаете в наряд?

— Так она же еще присягу не приняла... И больно хлипкая, пусть поокрепнет.

— Завтра же — ее в наряд!

— Есть! — козырнул старшина.

На следующий день Тэна приняла пост номер один. Это пост у ворот. Дежурный по части развел наряд по постам. Часовых отвел в караулку — будку у ворот, в которой круглые сутки топились печурка-временка, вдоль стены стояли короткие нары, а у окна — маленький стол и два табурета. Распределив дежурства и проинструктиввав караульных, дежурный повел первую группу часовых на смену. Тэна дежурила во вторую очередь, то есть — с двенадцати до шестнадцати часов дня. Дежурный по кухне принес в караулку завтрак. Тэна поела, поболтала с напарником, понаблюдала за воробьями, копошившимися под окном в снегу, выбросила им в форточку крошки, вышла во двор и стала сгребать снег с дорожки широкой фанерной лопатой. Это входило в обязанности отдыхающих часовых. Когда подошло время выходить на пост, она надела ватные брюки, огромные валенки, огромный кожух, в котором она буквально утонула... Из воротника торчали только нос да шапка-ушанка. Напарник помог затянуть ремень и подал винтовку. Разводящий подвел ее к воротам и оставил там, уведя первого часового.

Четыре часа прошли быстро, без приключений. Во время переменок курсанты выбегали во двор, бросались снежками, гонялись друг за другом, барахтались в снегу, переговаривались, смеялись... И Тэне тоже было весело. В кожухе и валенках холод не беспокоил. День был тихий, солнечный, иней сверкал на вековых березах и проводах. Настроение у Тэны прекрасное — наконец-то она в наряде.

После обеда ее сменил второй напарник и следующий раз на пост ей надо встать в двенадцать часов ночи.

Первый раз в жизни Тэна должна бодрствовать до четырех часов утра. Она боялась одного — уснуть на посту. Когда вторично заступила на пост, рота уже спала. Полная луна медленно плыла по черному небу, то прячась за плотные серые тучки, то выныри-

вая из-за них. Заиндевелые березы на фоне черного неба, освещенные призрачным лунным светом, были еще прекраснее, чем днем. Дивная зимняя ночь наполнила Тэнину душу восторгом сказочности и, если бы не винтовка на плече, можно было бы забыть о войне. Но забыть о ней, проклятой, никак нельзя. И не потому, что винтовка непривычно давила плечо, начинавшее ныть от ее тяжести, а кожух пригибал Тэну к земле, а потому, что нельзя было забыть о войне — она была в мыслях, в сердце, во всей жизни.

Война — войной, а красота зимней ночи все равно завораживала, хотя четыре часа топтаться в одиночестве от казармы до ворот, туда и обратно, было довольно скучно. Часа в два ночи Тэне это топтание надоело и она, поставив винтовку в угол около караулки, взяла лопату и начала чистить от снега дорожку. Шарк, шарк, шарк — скребла лопата; скрип, скрип, скрип — похрустывал снег под валенками. «Вот мчится тройка почтова-ая...» — сначала про себя, потом вполголоса распелся часовой на посту номер один.

— Часовой!

— Я!

— Где винтовка?!

— Там, в углу...

— Вот я тебя сейчас застрелю из твоей винтовки!.. Почему ушла с поста? Кто разрешил петь?!

— Так никого же нет, товарищ лейтенант!.. Я дорожку чистила, ну и пела. Что тут такого?

Тэна не поняла, почему дежурный по части так разволновался. Она же никуда не ушла, а с винтовкой расчищать снег неудобно. Дежурный по части вспомнил, наверное, что она еще не настоящий солдат, присягу не принимала и за ее проступок отвечать придется не ей, а ему, допустившему ее на этот пост и плохо проинструктивавшему молодого бойца, особенно перед ночной сменой. Он вернул Тэне винтовку и, сказав: «Смотри мне!» — зашел в караулку. Остаток смены Тэна отдежурила, как положено. Но в наряд на пост номер один ее больше не назначали.

Следующий раз она пошла в наряд на кухню. Курсанты любили дежурить на кухне. Там можно было сытно поесть. Для Тэны же этот наряд оказался тяжким испытанием ее физичес-

ких и моральных сил. Напарницей ее оказалась Маруся Новикова — девушка из деревни, крепкая, как морковка, ловкая, привыкшая к физическому труду. Тэна же до войны была болезненной, слабой, особенно после малярии, и мама не обременяла ее домашней работой. Стирать, мыть полы, а тем более таскать воду из колодца, пилить и колоть дрова, топить печи Тэна никогда не пробовала. В наряд она шла спокойно, потому как не знала, что ее ожидает, и сначала все было хорошо. Завтрак приготовили те, кто сдал смену. И воды натаскали полную бочку они же, и даже пол на кухне помыли. Дежурство свое Тэна и Маруся начали с того, что разложили в термосы солянку и налили чай, получили для всех хлеб и отнесли завтрак в столовую. Вымыли котлы и наполнили их водой для обеда. Принесли из столовой термосы, миски и ложки, перемыли все. Когда кончилась заготовленная предшественниками вода, отправились за водой. С этого-то момента и начались Тэнины мучения.

Воду надо было брать из колодца на соседней улице. Тэна несла ведро, Маруся везла салазки с бочкой. Ведро привязали к крюку «журавля» и опустили в довольно глубокий колодец. Когда бочку наполнили водой почти наполовину, ведро от крючка оторвалось и утонуло. Маруся, дувшаяся на Тэну с самого утра — она была очень зла, что ее послали дежурить с «маменькиной дочкой» — отправила молодого воина искать в соседних домах багор. Тэна выпросила багор чуть не со слезами, ведро с трудом достали, долили бочку доверху и повезли. Не успели одолеть полдороги — опрокинули бочку. Вернулись к колодцу, снова набрали воды и с большим трудом, промочив до локтей рукава ватников, дотянули бочку до кухни. Ватники отжали и повесили сушить над плитой, а сами сели чистить картошку. Даже эту работу Тэне дома почти не приходилось выполнять. Карташovy обычно обедали в столовой, а если и варили картошку дома, то почти всегда в «мундире». Здесь же надо было начистить картошки целое ведро, хорошо еще, что только для щей. Если бы дядя Ваня, повар, не помог им, картошка поспела бы лишь к ужину. Но к обеду нужна была не только картошка, а и куча дров. Дрова оказались пределом Тэниных испытаний. Свежие сосновые и березовые бревна никак не хотели распиливаться — заедало пилу, вырывало из рук. Кончилось все тем, что

пила, выскользнув из распила, прошлась своими зубами по Тэниной кисти.

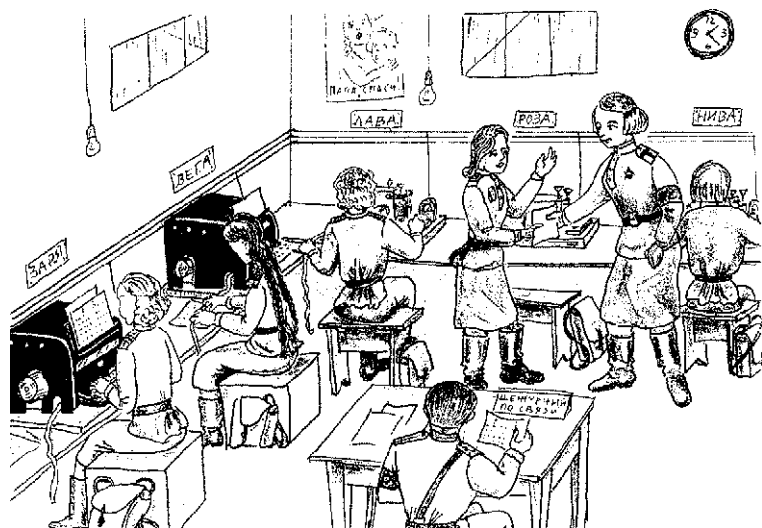
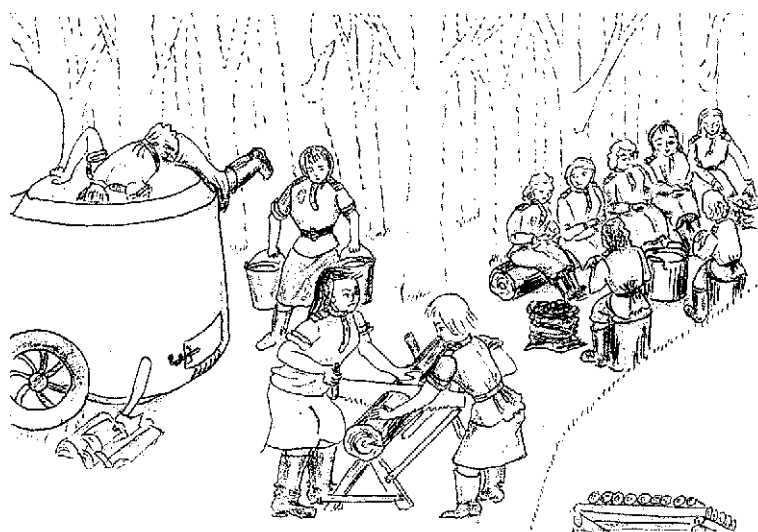
— Ух, недотепа!.. — шипела зло Маруся. — Ни за что не пойду с тобой дежурить в следующий раз.

Но руку Тэне она перевязала. И дрова поколола сама, вымыла пол на кухне, оставив Тэне только мытье котлов и термосов, да растопку плиты.

Конца этого дежурства Тэна ждала с таким же нетерпением, как и конца войны. Сменившись утром с наряда, повалилась на свою плащ-палатку, измученная и униженная. Потом она ходила в наряд и дневальной по казарме, и дежурной по классу, и еще много раз работала на кухне, но напарницей ее уже всегда была Шура Артеменкова, добровольно взявшая на себя шефство над Тэной. С ее помощью Тэна быстро обучилась всем хозяйственным премудростям, за что была благодарна Шуре, на долгие годы сохранила уважение и признательность к этой простой, скромной, преданной подруге.

Приближалась 25-я годовщина Красной Армии. Окрыленные победой над врагом под Сталинградом и на Кавказе, советские воины имели полное право отметить день рождения своей армии торжественно и празднично. Готовились к этому дню и курсанты учебной роты связи. Казарма и классы были украшены лозунгами и словесными лапками, готовился концерт самодеятельности. Тэна выучила стихотворение Курляндского «России не быть покоренной», напечатанное в «Красной звезде». Это было остропатриотическое стихотворение, оно отвечало Тэниной настроенности, гармонировало с ее мыслями о Родине и обязанности победы над фашистами, показывало истоки этой победы. Она декламировала с таким чувством, с таким сдержанным, строгим пафосом, что вызвала одобрение не только на вечере в учебной роте, но и была послана на концерт в штаб армии.

Стихотворение «России не быть покоренной» Тэна Карташова запомнила на всю жизнь и, когда после войны ветераны полка были приглашены в свою часть на празднование 30-летия Победы, она прочла его на общем построении. Один из ветеранов со слезами на глазах в благодарность поцеловал ей руку.

НАЧАЛО БОЕВОЙ РАБОТЫ

23 февраля 1943 года Тэна дала воинскую присягу и стала полноправным солдатом.

Занятия в учебной роте подходили к концу. За успешную учебу Карташовой было присвоено первое воинское звание — ефрейтор, и на погонах появилась одна тоненькая лычка. Лычки выкроила из кончика пионерского галстука, который взяла с собой в санаторий, а теперь решила хранить до окончания войны.

Восьмого марта Тэну и еще пять курсанток из ее взвода откомандировали в полк. В штабе армии, куда они прибыли, их встретили представители связи разных частей Первой Воздушной. Тэну направили в штабной батальон, располагавшийся в пяти километрах от штаба в деревне Бурцево. Начальник штаба полка принял новую телеграфистку без особого восторга. Взяв у нее командировочное предписание и красноармейскую книжку, внимательно все прочел, смерил хмурым взглядом с ног до головы стоящую перед ним худенькую, невысокую, с длинными толстыми косами девочку в мешковатой шинели, подпоясанной брезентовым ремнем, в серой мятой шапке-ушанке и в гражданских черных, подшитых, валенках.

— Так вот, ефрейтор Карташова, пойдешь сейчас к старшине, он поставит тебя на довольствие, — сказал ей начальник штаба, морщась как от зубной боли. — И даст более подходящую обувь... Работать будешь в смене старшины Трофимова. Где его найти — старшина укажет. Смена эта сегодня отдыхает после ночного дежурства, так что до завтрашнего вечера успеешь осмотреться. Старшину, который тебе сейчас нужен, найдешь в доме напротив. — Отдав Тэне красноармейскую книжку, заключил: — Все. Можешь идти.

Она, козырнув, вышла на улицу.

Зима подходила к концу. Грязный, рыхлый снег расплзался под ногами. Валенки промокли — и ногам было холодно, на душе — противно. Старшины на месте не оказалось, но хозяйка избы, где жил старшина, впустила девушку и велела ждать в «светлице». Тэна сняла с плеч вещмешок, села на старенький венский стул около двери и огляделась. Посреди комнаты стоял круглый стол, застланный вязанной белой салфеткой, над ним висел не-

большой матерчатый абажур, круглый, с бахромой. Слева от двери белела стенка русской печи, завешенная сверху пестрой занавеской. От печи шел приятный теплый дух.

За печью висела ситцевая занавесь, отделяющая спальню от «светлицы». Справа от двери в спальню стоял диван с высокой спинкой, на полочке которого выстроилась шеренга белых слоников — мал мала меньше, а на сиденье между двумя потертыми валиками были разложены вышитые крестиком и ришелье подушечки. В углу за диваном раскинул толстые ветки с блестящими большими листьями фикус. На окошке за тюлевой занавеской алел в консервной банке цветок-огонек с водянистыми стебельками и нежно-зелеными листочками. На втором окне фасонисто растопырила резные листья розовая герань. Между окнами примостилась этажерка из лозовых прутьев с патефоном на верхней полке, стопкой пластинок — на средней; нижняя полка была забита старыми журналами «Огонек». В правом углу, между окнами, красовалась икона Николая Чудотворца...

В сенях послышался топот, хлопнула дверь — в комнату вошел плотный, среднего роста, рябоватый старшина. Тэна вскочила со стула, поднесла пальцы правой руки к виску и представилась:

— Ефрейтор Карташова, прикомандирована к смене старшины Трофимова. Начальник штаба велел поставить на довольствие и дать сапоги.

Старшина оглядел ее и, задержав взгляд на валенках, удивленно спросил:

— Сапоги, говоришь?.. А где я их тебе возьму? — Как-то потешно цыкнул зубом, нахмурился. — Почему в учебке не дали сапог?

Тэна пожала плечами. Старшина молча ушел в соседнюю комнату и долго там чем-то гремел, шуршал, что-то двигал, а когда вышел — в руках у него были сапоги, черные, не первой молодости, но сносные.

— Вот! Сороковой размер... Подходящих, на девичью ножку, как видишь, не оказалось. — Вместе с сапогами он протянул ей и две пары портянок — суконные и бязевые. — Тут же снова ушел в комнату-склад, на этот раз вынес котелок и столовую ложку. — Идем!

Они вышли.

Избушка, куда старшина завел Тэну, была маленькая — в одну комнату. В больших сенях стояла тощая корова. Она повернула голову, когда они вошли, и печально вздохнула, выпустив из ноздрей клуб пара. В хате, у дверей справа, на ползала растопырилась русская печь. На загнетке стояла железная коптилка и маленький огонек метнулся в сторону, когда они затворили дверь. Между печью и стеной был дощатый настил (полати, как Тэна узнала позже), заваленный всяким тряпьем. На нем сидели двое ребятшек: девочка лет семи и мальчуган лет четырех. У подслеповатого окна сидела худая, изможденная женщина в сером платке и ватной, латаной стеганке.

— Вот, хозяйка, тебе новая постоялица, — вежливо сказал старшина угрюмой женщине. И потом обратился к Тэне: — Здесь устроишься, — кивнул на занавеску из двух плащ-палаток. — Сейчас придут со смены девчата, они укажут, где тебе разместиться... С ними завтра и на смену пойдешь. — Он поговорил с хозяйкой, пошутил с детьми и ушел.

— Раздевайся, садись, — указала хозяйка на вторую табуретку у стола. — Как тебя зовут?

— Тэна.

— Откуда будешь?

— Сейчас — из учебной роты... А до войны жила в Минске. Потом — в эвакуации в Энгельсе, город такой на Волге... А где солому-то можно взять? — спросила Тэна, доставая из вещмешка матрац для тюфяка.

— В сенях, в углу есть немного сухой... Покажу.

Они вышли. В сенях было полусумрачно. Дышла корова. Попискивали воробьи под крышей. Тэна набрала соломы, хотела положить еще несколько охапок, но поняла, что нанесет большой урон хозяйской корове. Когда заканчивала возиться с тюфяком, в хату вошли пять девушек с котелками в руках. Одна из них несла два котелка.

— Это — тебе, — протянула котелок Тэне.

Девушки устроились ужинать за плащ-палаточной занавеской, Тэна осталась у столика и тоже начала есть.

На ужин была пшенная каша, еще теплая. Тэна с удовольствием съела ложки три и глянула на притихшую хозяйку. Та глядела

на нее широко открытыми голодными глазами. У Тэны каша застряла в горле. Откашлявшись, она облизала ложку и протянула котелок хозяйке:

— Возьмите, я больше не хочу.

Хозяйка, опустив голову, прошептала:

— Спасибо, дочка, — взяла котелок и, шаркая разбитыми сапогами, пошла за печку к детям.

Из-за занавески выглянула девушка, принесшая Тэне ужин:

— Иди сюда! — позвала она. — Как тебя зовут?

— Тэна.

— А я — Лена, — и указала на свою соседку, крупную девушку с красивым строгим лицом, гладкими черными волосами, расчесанными на прямой пробор, уложенными на затылке в большой узел. — Оля. А вот она — Фиса, — и девушка с пышными золотисто-каштановыми волосами до плеч, названная Фисой, приветливо улыбнулась Тэне.

Лена продолжала знакомить прибывшую телеграфистку с девочками. Следующей была Рая. Услышав свое имя, Рая молча кивнула, не отрываясь от еды. Женя Першина старательно выскребывала из всех котелков остатки каши и перекладывала в свой. Увидев удивленный взгляд Тэны, Женя сказала:

— Это — хозяйке... Они голодают, — и тут же ушла в хозяйскую половину хаты.

В одном из котелков был чай, и девушки, наливая его в единственный граненый стакан, по очереди почаяевничали, доев остатки дневной пайки хлеба, откусывая по маленькому кусочку от конфет-подушечек, полученных вместо табачного пайка.

Тэна заметила, что на нарах было не пять, а шесть постелей. На одну из них Лена указала ей:

— Будешь спать здесь... Это Шурина постель. Шура Артеменкова сейчас на смене. Мы все так: одна спит, другая — на смене.

Тэна подумала: «Зачем же мне тюфяк?.. Надо будет завтра вытряхнуть солому обратно». Она положила свой тюфяк под нары, села на край своей и Шуриной постели и начала раздеваться. Сняла валенки и чулки — они были мокрые и грязные. Новыми портянками вытерла ноги и забралась на нары. На улице было уже темно, девушки завесили свое окно шинелью (хозяй-

ка свое — мешком) и зажгли большую коптилку, сделанную из медной гильзы от снаряда. Оля достала из-под тюфяка книгу — устроилась около коптилки читать. Фиса и Женья стали подшивать чистые подворотнички. Лена подсела к детям и что-то им рассказывала, они, слушая, тихонько, как котята, попискивали. Рая улеглась в постель, и Тэна, устав за долгий день, последовала ее примеру...

— Па-адем! — зычно пропел старшина, просунув голову в дверь.

— Встаем, встаем!.. Закрой дверь — дует, — это Оля откликнулась и тут же начала быстро одеваться.

Села на постели и Тэна, но из-под одеяла вылезать не хотелось. В хате было темно и холодно.

— Машки, подъем!.. Особое приглашение ждете? Сейчас Трофимов явится, он вас растормошит! — Оля зажгла коптилку-гильзу от моргасика на загнетке и начала расчесывать длинные волосы перед маленьким темным зеркалом, висящим между окнами.

Девушки зашевелились. Зевая и потягиваясь, тоже стали одеваться. Тэна вспомнила про сапоги. Нашарив их под нарами, обернула ступни сначала бязевыми, потом — суконными портянками, натянула сапоги. Ногам стало тепло, и на душе у нее тоже потеплело, исчезла скованность и робость. Быстро одевшись и заправив постель, умывшись в сенях и переплел косы, Тэна побежала вместе со всеми на кухню за завтраком. Вернулись в хату, покушали и дружно ушли снова на кухню, но уже чистить картошку. Эту работу выполняли все, кто был свободен от нарядов. И не только телеграфистки, но и радисты, батальон которых расположился на другом конце деревни.

Две полевые кухни с большими котлами и одна поменьше обслуживали весь полк. В больших — готовили первое и второе, а в маленькой — кипятили чай и воду для мытья котлов. Четыре мешка с картошкой стояли в сенях избушки, где размещался продовольственный склад, хранилась посуда и жил повар, кстати, тоже дядя Ваня, как и в учебной роте. Вокруг мешков на чурбанах сидели девушки и ребята, чистили картошку и, очищенную, бросали в большую кастрюлю, бидон и ведро с водой. Картошка была мел-

кая, с грецкий орех, к тому же — мерзлая, чистилась плохо, выкальзывала из рук, а брошенная в воду, сразу покрывалась ледяной коркой. Руки быстро замерзли, пальцы не гнулись. Тэна то и дело дышала в горсткой сложенные ладони, пытаюсь согреть их, растирала, прятала кисти рук в рукава шинели.

— Пойди, разотри снегом, не будут мерзнуть, — посоветовала Фиса, сидевшая с ней рядом. И шепотом: — Срезай шелуху потолще — отнесем хозяйке.

Тэна заметила, что девушки принесли с собой круглую корзину, и картофельные очистки складывали в нее, а под них то и дело подсовывали целые картофелины. «Ах, какие молодцы! — подумала она. — Я сама не догадалась бы...»

У соседнего мешка девушки затагнули песню, ее подхватили остальные:

— Что стоишь, качаясь,
тонкая рябина,
головой склоняясь
до самого тына?..
А через дорогу,
за рекой широкой,
так же одиноко
дуб стоит высокий...

Так — с песнями, с шутками и смехом, одолели все четыре мешка картошки.

После обеда стали собираться на смену. «Вот, — думала с волнением Тэна, — и начинается моя боевая работа. Справлюсь ли?.. Должна справиться!»

— Смена, выходи строиться! — прокричал под окном высокий мужской голос.

Девушки, затагнув шинели ремнями, одев через плечо сумки с противогазами (старшина утром принес противогаз и для Тэны) и поправив перед зеркальцем ушанки, вышли на улицу, где уже собиралась смена. Высокий худощавый старшина, перетянутый офицерским ремнем и в франтовато сдвинутой на одну бровь ушанке, вытянул левую руку в сторону и скомандовал:

— Смена, становись! — И, как только телеграфисты построились в одну шеренгу, произнес: — По порядку рассчитайсь!

— Первый!

— Второй!

— Третий...

— Пятнадцатый! — пришла наконец и очередь до Тэны, стоявшей крайней на левом фланге.

Старшина Трофимов (командир отделения, начальник смены) подошел к ней, осмотрел ее и, видимо, остался весьма недоволен. Выпятив губы и присвистнув, спросил:

— Фамилия как?

— Ефрейтор Каргашова! — Тэна шагнула вперед.

— Стать в строй. Из учебной роты?

— Да.

— На каком аппарате работаешь?

— На морзянке и СТ.

— Сколько знаков даешь? — Услышав Тэнин ответ, сказал: — Маловато... Будешь всю смену тренироваться «на себя». Скоро наступление, сама понимаешь, работа будет горячая... А пока тихо — набирай скорость, не спи за аппаратом. — И, отойдя от Тэны, обращаясь к смене, подал команду: — В две шеренги становись! — И тут же: — Напра-аво шагом арш!

Пятнадцать солдат быстро перестроились и зашагали по улице, разбрызгивая сапогами мокрый снег.

Узел связи находился в здании, бывшем, наверное, когда-то помещичьим домом. На первом этаже в просторном вестибюле с множеством высоких окон, с широкой лестницей, ведущей во внутренние комнаты здания, где находились отделы штаба Первой воздушной, располагалась аппаратная телеграфа. Вдоль стен, опоясанных проводами, стояли маленькие дощатые столики, и на каждом из них — черный, блестящий аппарат СТ-35. На стене перед аппаратами — обязательные таблички с позывными (условные названия частей, с которыми тот или другой аппарат держит связь). У каждого аппарата сидели телеграфистки на ящиках — крышках от СТ-35, темно-зеленого цвета. В соседней комнате, поменьше, стояли морзянки. Около морзянок девушки сидели на деревянных некрашенных скамеечках. Видно было, что все телеграфистки с нетерпением ждали смену.

Трофимов подвел новенькую к аппарату СТ-35, стоявшему в самом углу аппаратной.

— Будешь обслуживать «Зарю», — сказал он Тэне. Потом обратился к сменяющейся телеграфистке: — Объясни новенькой, что к чему... — и отошел к своему месту.

— Ты из учебной? — спросила худенькая, бледная, с красными от усталости веками, девушка.

Тэна кивнула: мол, да, из учебной, и протянула руку, назвав себя:

— Тэна.

— Галя, — и пожала протянутую руку, затем подтолкнула Тэну к аппарату, давая понять, что надо садиться и работать. — На живом работала?

— Нет... Только на макете.

— Ясно. Ну, значит, так... — Галя стала быстро и толково объяснять, как включать аппарат, заправлять и наклеивать на бланк ленту, как оформлять бланк, как вести журнал (это-то как раз Тэна знала хорошо). — Поняла?.. Что забудешь — спросишь у кого-нибудь со своей смены, а я побежала, наши уже построились, — и она быстро ушла к вешалке, где висела ее шинель.

Галя — Галина Дмитриевна Запольская — коренная минчанка. Жили они — семья Запольских — на улице Чкалова, бывшем Койдановском тракте, около военного аэродрома. Отец, рабочий железнодорожных мастерских, в двадцать восьмом году тяжело заболел и умер, когда Гале было пять лет. На руках матери осталось четверо детей — младшей дочери исполнилось три годика, старшему сыну — девять лет. Работая уборщицей, мать, чтобы как-то сводить концы с концами, стала убирать подъезды в домах военных летчиков.

Когда Галя подросла — стала помогать маме в работе. Ее заметил полковник Птицын. Он расспросил миловидную бледненькую девочку: кто она, где живет и учится (Галя в то время, окончив восемь классов железнодорожной школы, училась в техникуме связи. Живя около аэродрома, она мечтала стать летчицей, как многие дети того времени, ведь и к ней относился призыв комсомола: «Молодежь, на самолеты!» Она даже пыталась поступить в аэроклуб, но не прошла по состоянию здоровья). Узнав, что Галя учится в техникуме связи, Птицын уговорил ее бросить техникум и пойти работать на узел связи в штаб ВВС. Он обещал сделать ее через несколько месяцев классной телеграфисткой. Предложение было заманчивым — и Галя согласилась. В штабе ее взяли в экспедицию. Работая

экспедитором, она каждую свободную минуту бежала в аппаратную — осваивала СТ-35. Птицын сказал ей: «Когда научишься работать вслепую, переведу в телеграфистки». И Галя старалась, даже в выходные дни приходила на телеграф «давить клопов», как подшучивали над ней старые телеграфистки — сочувственно и благожелательно. Только начальник узла капитан Рабинович гнал ее из аппаратной, и Галя пожаловалась на него Птицыну. «Работай спокойно, — сказал тот. — Он больше не будет гонять».

В тридцать девятом году, когда Галя успешно провела переговоры майора Карповича с одной из частей, ее перевели в аппаратную. Она попала в прекрасный коллектив опытных телеграфисток, таких как Женя Першина, Аня Кравченко, Тася Королева, Марина Телкова, Саша Сандалова, Вера Слопчакова, Люба Ермакова, Даша Зайцева и другие. Они работали на двух-трех типах телеграфных аппаратов, и Галя хотела работать так же. Она постоянно тренировалась, стараясь набрать как можно большую скорость. Ее усердие привлекло внимание начальника штаба полковника Худякова, пришедшего на узел связи для переговоров. «Почему эта девушка так много работает?..» — спросил он у Птицына, который пришел вместе с ним на узел. Узнав, что она хочет приобрести высокую квалификацию, похвалил ее. Это было тем более приятно Гале, что полковника Худякова уважали все за внимательное отношение к телеграфисткам, за приветливую улыбку, за спокойный, приятный голос.

В сорок первом году Галя стала квалифицированной телеграфисткой, работала и на СТ-35, и на морзянке, осваивала работу на Бодо. В июне телеграфисткам объявили, что ожидаются учения, и им, очевидно, тоже придется в них участвовать, поэтому надо заранее приготовить необходимые для выезда вещи. Им выдали противогазы. В ночь на 22 июля Галя и ее подруга по экспедиции Люба Логунова должны были заступить на смену, а перед работой решили отдохнуть в саду около дома. В это время послышался гул самолетов, раздался взрывы. Девушки подумали, что начались учения и решили, что их место сейчас на узле. Они вскочили, захватили противогазы (вещи пока решили не брать) и в чем были — побежали в штаб. Бомбежка

усиливалась, со звоном и треском разлетались окна, горели некоторые дома; дым и пыль клубились на улице. Добежали до трамвайной остановки, но трамваи уже не ходили — висели оборванные провода. Милиционеры приказывали прохожим спускаться в подвалы. На противоположной стороне улицы Галя увидела свою маму, бежавшую с работы домой, но ее задержали. Галя перебежала улицу, показала милиционеру свой пропуск в штаб и попросила отпустить ее мать (дома оставалась младшая дочь), а маму успокоила: сказала, что дом их цел, а она сама вернется домой после дежурства. Но в отчий дом она тогда не вернулась...

На узле связи на всех проводах, где еще сохранилась связь, отвечали, что их бомбят. Стало ясно — началась война. Бомбежка не прекращалась, но на штаб бомбы не падали. На крыше штаба стояла зенитная батарея, она и отгоняла стервятников. От близких разрывов здание содрогалось, все окна были выбиты, в аппаратную залетали комья земли и камни. На третий день войны, когда связи уже почти ни с кем не было, приказано было демонтировать узел связи и готовиться к эвакуации. 25 июня пропала связь с Москвой, и началась эвакуация. К штабу подгоняли машины, на них грузили телеграфную и телефонную аппаратуру. Немцы постоянно бомбили, обстреливали — препятствовали эвакуации; машины по несколько раз то подходили, то отъезжали из-под огня, и наконец — удалось погрузить аппаратуру, рассадить по машинам людей, укрыть их мокрыми брезентами, одеялами, чтобы оградить от огня, который полыхал вдоль всей Советской улицы. С ужасом выглядывали из-под брезентов притихшие, оглушенные девушки на неузнаваемую улицу, на трупы людей, на перевернутые, искореженные машины, на выпотрошенные витрины магазинов... Группа связистов на четырех машинах, в которой ехали Галя Запольская, Геня Артишевская, Зина Гоморева, Галя Олейник, Саша Сандалова, Вера Слончакова, Люба Ермакова, Аня Кравченко, Таня Алексеева, Гена Горностаев и Трофимов, направились в сторону Боровой. По дороге несколько раз прятались от немецких самолетов. Утром одну машину решили отправить обратно в Минск, чтобы проверить, все ли оборудование узла вывезено. Галя и Геня Артишевская попросились поехать с этой

машиной и узнать: живы ли их родные. В штабе было пусто-та. Все, что можно было забрать, вывезли; просматривая подвал, нашли несколько комплектов спортивных костюмов. Галя и Геня забрали эти костюмы, которые были очень кстати, так как почти все телеграфистки эвакуировались в летних платьицах. В Минске встретили командиров штаба Яхонтова и Гюппенена, объезжавших на мотоциклах город. Они сказали, что на аэродром сброшен немецкий десант, и надо срочно покидать город. Девушки так ничего и не узнали о своих родных.

Пока связисты грузились, во двор штаба ВВС въехала машина, из которой вышли двое в милицмейской форме с двумя чемоданами. Позже стало известно, что те, в милицмейской форме, были вражеские лазутчики, имели задание развернуть вблизи штаба радиостанцию...

Из Боровой связисты поехали в Могилев. Обосновались на аэродроме, развернули связь, но продержались недолго из-за постоянных бомбежек. По дороге в Смоленск сделали остановку в деревне Дресна, где снова развернули связь и работали месяц. В июле отступили на Гжатск, потом — на Вязьму. По дороге машины, на одной из которых ехала и Галя, потеряли свою колонну. Оказавшись без продуктов питания и без горючего, связистам пришлось свернуть вглубь леса, подальше от шоссейной дороги. Несколько раз майор Кротов и механик узла связи Фалалеев пытались пробраться в ближайшую деревню за продуктами и бензином, но вокруг были фашисты. Рисковать людьми и аппаратурой не решились...

Голодные, измученные страхом и неизвестностью, связисты все же не паниковали. Не дожидаясь, пока их накроют немцы, стали копать ямы, чтобы захоронить аппаратуру. Рыли кто чем — на всех было только две лопаты и несколько ножей. Рыли руками и корягами, щепками. Девушки очень боялись попасть в плен и просили ребят, если немцы вдруг обнаружат, застрелить их... И только на десятый день удалось-таки пробраться в деревню и достать ведро картошки и десятка два яиц. Картошку сварили в ведре из-под бензина. Варили с большими предосторожностями, чтобы не демаскировать себя.

На следующий день связистов обнаружили разведчики-пехотинцы и ужаснулись, что четыре машины застряли в тылу у

немцев. Разведчики помогли связистам достать бензин и указали путь, которым можно было выбраться из окружения. Ночью стали пробираться по проселочным дорогам, увязая в грязи. Приходилось разгружать машины, вытаскивая их почти на руках из грязи, грузиться и ехать дальше. Выбравшись на шоссе, присоединились к отступающим частям. Аппаратура и люди были спасены. Вскоре на шоссе встретили заместителя начальника связи подполковника Морозова, который как раз и разыскивал пропавшую группу связистов. Он вез бензин и продукты. Девушки — голодные, усталые, измученные пережитым, грязные и счастливые, что все-таки нашлись — плакали навзрыд, рассказывая Морозову о непредвиденных злоключениях. Морозов им рассказал, что в штабе все за них переживают, думают, что группа или погибла, или попала в плен; даже посылали на поиск пропавших машин самолет связи с продуктами и бензином. Вскоре здесь же, на месте, наварили из концентрата перловой каши, поели, напились чаю с сухарями и направились в Волоколамск, где в помещении школы уже действовал узел связи. Телеграфистки сразу же заступили на дежурство, хотя и устали очень — они были счастливы, что опять со своими, что не только остались сами живы, но и сохранили всю аппаратуру.

Вскоре пришлось оставить и Волоколамск. Штаб ВВС расположился в Горках под Москвой. Началась битва за Москву. В это самое тяжелое время для нашей родины многие связисты подавали рапорта в парашютно-десантный отряд, который формировал начальник парашютно-десантной службы капитан Старчак. Патриотам-связистам казалось, что они не все делают для того, чтобы как можно быстрее разгромить фашистов, отомстить за разрушенный, поработанный Минск. С такими чувствами Галя Запольская и Геня Артишевская подали рапорта, чтобы их тоже зачислили в парашютно-десантный отряд. Таких рапортов оказалось очень много. Птицын, собрав связистов, спросил у них:

— А как же узел связи?.. Оставим его без телеграфистов и радистов? — И обратился вдруг к Гале, стоявшей поблизости: — Пока мы обучим новых, мы действительно не успеем отомстить за твой родной Минск, дочка... Здесь тоже жарко, а будет еще жарче — война только началась.

— Я хочу саморучно убивать фашистов... Подрывать поезда с их живой силой и техникой.

Аня Кравченко, политконтролер смены, в которой была Галя, тут же добавила:

— Не волнуйся, Галочка, не горячись... Мы отомстим за наш Минск. Узел связи — это тоже фронт... Передовая позиция его. И каждый удар по клавиатуре СТ-35, каждый знак Морзе — это удар по врагу!

(Те, кто ушел тогда с капитаном Старчаком за линию фронта, с честью выполнили свое боевое задание, многие из них назад не вернулись.)

В ночь с 6 на 7 ноября сорок первого года на узел связи пришел начальник политотдела Воздушной армии с приказом: передать во все авиационные части о том, что в Москве на Красной площади, по сложившейся годами традиции, будет проводиться парад войск Московского гарнизона. В эту ночь телеграфистки работали особенно старательно, всех охватило радостное чувство ожидания приближающегося ответного удара по обнаглевшему врагу. 6 декабря началось наступление нашей армии под Москвой. Связисты работали в эти дни без сна и отдыха, но никто не жаловался на усталость. Они знали, что от них, связистов, зависит своевременное выполнение боевых операций летных частей и точное их взаимодействие с наземными частями, защищавших столицу.

В декабре штаб переехал в Москву. Она в то время была мрачной, тихой, кругом — баррикады, строились противотанковые заграждения, над городом парили азростаты воздушно-го заграждения. В эти декабрьские дни решалась судьба Москвы, решалась судьба Родины. Связисты понимали, какая ответственность возложена на них. Передавались боевые приказы летным частям, принимались разведсводки и разведдонесения, проводились переговоры — и все это с максимальной скоростью, четко и грамотно.

За отличное обеспечение связью командования 1 ВА при обороне Москвы многие телеграфисты были награждены боевыми наградами. Галя Запольская получила медаль «За боевые заслуги», а потом и медаль «За оборону Москвы».

В первых числах февраля сорок второго года всех телеграфисток, считавшихся вольнонаемными, привели к военной при-

сяге, выдали оружие и патроны. Из обмундирования получили только гимнастерки, да и те мужские, больших размеров. Но девушки — мастера, быстро подогнали гимнастерки к своим фигуркам. И все же у некоторых солдат с косичками из-под гимнастерок выглядывали порой потрепанные ситцевые платица, вызывавшие у штабных офицеров не только грустные улыбки, но и глубокое сочувствие. И вот результат — кое-кто из офицеров отдал телеграфисткам свои запасные гимнастерки, из которых те пошили себе прекрасные шерстяные юбки. А что было с сапогами? Когда Птицын увидел девушек в сапогах 43—44 размера, удивленно воскликнул: «Это что за коты в сапогах?!» — и дал указание интендантскому отделу перешить сапоги женскому персоналу.

После принятия присяги девушек-телеграфисток прикомандировали к батальону связи, где служили только мужчины. Птицын шутил: «Вот, вы мои хорошие, отдаю всех вас замуж...»

В Успенском, где стоял тогда батальон связи, Галя назначили редактором «Боевого листка». Ей хотелось, чтобы ее газета была не только содержательной, но и хорошо оформленной, а сама она рисовать, к большому ее сожалению, не умела. Зато редактор батальонной газеты радист Николай Вэиде был хорошим художником и никогда не отказывал в помощи своей скромной, миловидной коллеге. Газета их познакомила и сдружила. (Когда Галя демобилизовалась и уехала в Минск, Николай писал ей большие ласковые письма из Харьковского Военного училища, начальником которого после войны стал генерал-майор Птицын. В феврале сорок седьмого, окончив училище, Николай приехал в Минск, к Гале, и они поженились. Потом были — Закарпатье, Украина, рождение сына, ожидание Николая, командированного в Китай; затем — Сахалин, Эстония... Наконец — снова родной Минск.)

Итак, Тэна осталась один на один со своим аппаратом. Он стоял тихо и как будто ждал, как себя поведет новенькая телеграфистка. Она удобнее устроилась на ящике — крышке к аппарату, забросила за спину косы, подравняла стопку бланков, полистала журнал учета корреспонденции, сделала запись о приеме дежурства, покрутила пальцем деревянный валик клеянки (железной

прямоугольной баночки с клеем), заточила лезвием безопасной бритвы, обнаруженным под клеянкой, новенький карандаш, сохранившийся у нее еще с «гражданки», то есть — со школы. Не успела высыпать стружки от карандаша в ящик для мусора и обрывков телеграфной ленты, как вдруг аппарат ожил: тук, тук, тук...

Тэна опустила тумблер включателя. Слева из отверстия в капоте аппарата выползла лента, каретка, направляющая ленту, задвигалась взад-вперед, рычажки со шрифтом барабанили по ленте, выписывая вызов: тамли, тамли, тамли... Это напарник на другом конце провода запрашивал работу. Тэна постукала по широкой нижней клавише, перебивая его. Аппарат умолк. «Тут», — передала она. «ПП» — появилось на ленте, то есть: «Прошу принять». Тэна ответила: «ПД», что означало: «Прошу давать». Лента быстро побежала, Тэна держала ее за кончик левой рукой и читала: «Из Зари 5 25 9/3 16 05 Лира 85...» Затем пошли пятизначные группы цифр шифровки и в конце: «Дала Павлова 16 10» Тэна подтвердила прием, выключила аппарат, не спеша наклеила ленту на бланк, оформила его, записала депешу в журнал и отнесла на стол, где висела табличка «ДС» — место дежурного по связи. Здесь стоял телефон и лежал журнал дежурства. Дежурный сидел за столом и просматривал переданные телеграммы. Он взял у Тэны депешу, посмотрел на девушку улыбочиво и спросил:

— Как тебя зовут, чернокосяя?

Тэна назвала себя.

— Сколько же тебе лет?

Она ответила:

— Семнадцать, — и вернулась на свое место

Минут пять сидела в ожидании, не застучит ли снова ее аппарат. Он молчал. Тогда Тэна включила его и позвала: «Тамли, тамли, тамли...» «Заря» откликнулась: «Тут». Тэна сообщила: «Буду работать на себя». — «Валяй», — согласилась невидимая Павлова. Тэна, закрыв глаза принялась выстукивать вслепую горьковского «Буревестника». Она начала медленно, стараясь работать плавно, ритмично, постепенно ускоряя темп.

Вскоре к ней подошел Трофимов, спросил:

— Работаеть?.. Добро. А ну-ка, давай на время! — Он оторвал уже отпечатанную ленту, смял ее и бросил в урну. Потом

поднял руку и стал смотреть на часы. — Давай! — рубанул рукой и Тэна, зажмурив глаза, снова застучала «Буревестника», но уже с максимальной для себя скоростью.

— Все!.. — сказала она, напечатав последнее слово.

Оторвав контрольную ленту, Трофимов сказал:

— Пойду подсчитаю... А ты возьми у дежурного отработанные депеши и на них тренируйся.

Тэна взяла телеграммы и до десяти вечера работала «на себя». В десять принесли исходящие две телеграммы. Она их передала. Потом приняла еще одну телеграмму, и ближе к двенадцати часам ночи стала приводить в порядок рабочее место. В двенадцать пришла ночная смена. И тут она увидела Шурочку, которую днем не заметила, а та не стала ее отвлекать, поняв, что подруге не до нее. Разговаривать было некогда, и они договорились, что завтра Тэна вернется после утренней смены, они встретятся и поговорят.

В подразделение возвращались в крошечной тьме. Впереди шел Трофимов с фонариком, за ним гуськом семенили девушки, шеренгу замыкали два парня-морзиста этой же смены. В избу заходили тихо, чтобы не разбудить детей. Хозяйка сидела за столиком и при свете коптилки чинила какую-то одежку. На столе стояли шесть котелков с кашей и один с холодным чаем. На каше лежало по куску отсыревшего от каши хлеба. Тэна разломала свой кусок на два ломтя и один пододвинула хозяйке, а сама с котелком пристроилась на нарах. Поужинав и вымыв котелок, она быстренько разделась и юркнула под шинель.

Вот и кончился первый день ее фронтовой работы. Она не успела оценить, довольна ли им, как крепко заснула. Когда прозвучала команда «Подъем!», ей показалось, что ее разбудили в ту же минуту, как она закрыла глаза. Смертельно хотелось спать! Ее знобило. Тэна одевалась, как сомнамбула, не открывая глаз, и только по дороге на кухню сон рассеялся, прошел озноб и «ватность» ушла из ног.

На утренней смене ее посадили за морзянку в маленьком зале.

— Тренируйся, — сказал Трофимов и положил на стол стопку старых депеш.

Тэна была в восторге: перед ней была настоящая морзянка, а не ключ, прибитый к столу, — немецкий аппарат системы Siemens u Halske. Латунный корпус блестел золотом. В ящике под корпусом был почти полный круг чистой ленты, кончик которой продевался снизу вверх, проходил через направляющий стерженек над чернильницей, в которой вращалось маленькое колесико и чертило на движущейся ленте черную линию. Тэна подняла ключ — и железный якорь отскочил от двух электромагнитных катушек, пишущее колесико опустилось в чернильницу, между ним и лентой появился зазор, и черная линия на ленте пропала. Тэна опустила ключ — якорь тот же час притянулся к катушкам и колесико опять прижалось к ленте. Спереди корпуса находилась ручка часового механизма. Тэна завела его до предела. Набежавшую ленту намотала на приемное колесо, закрепленное слева на корпусе. Все, аппарат готов к работе. Записала прием дежурства в журнал. Подлила в клеянку клею и стала постукивать ключом, вызывая напарника. Ее перебили. И она включила лентопротяжку. На ленте побежали знаки: тире точка-точка тире тире. Это ей сказали: «Тут». — «На себя», отстукала она и стала прилежно, не спеша (помнила наставление Телковой) отстукивать одну телеграмму за другой. Время от времени приносили рабочие депеши, тогда Тэна дробным стуком вызывала напарника, передавала телеграммы, оформляла их и относила на стол дежурному. Иногда ее перебивали и передавали свою депешу. Она читала легко (видимо, ее напарник был хорошим морзистом, знаки были четкие, ровные), успевала записывать, особенно шифровки, и накручивать левой рукой ленту на колесо. Оформив и сдав полученные телеграммы, продолжала тренироваться. Смена прошла быстро. Тэна даже удивилась, когда незнакомая телеграфистка похлопала ее по плечу и сказала:

— Сматывайся!..

Днем дорога домой оказалась не такой длинной, к тому же подморозило, идти было легче. Когда узел связи остался далеко за спиной, сержант скомандовал:

— Запевай!

Строй на минуту затаил дыхание и, когда кто-то из девушек в середине строя, начав песню, допел куплет, все дружно подхватили припев:

Украина золотая,
Белоруссия родная,
ваше счастье молодое
мы стальными штыками защитим!

Тэна эту песню слышала впервые, но слова припева были простые, и она после второго куплета тоже громко запела. Было легко и приятно идти под мотив боевой песни. Тэна вдохновенно подхватывала каждый раз припев, пока соседка по строю не буркнула ей:

— Не ори так!.. Оглушаешь, — и засмеялась.

Тэна смутилась и примолкла, но про себя продолжала петь. Так с песней они и пришли в деревню.

После обеда полагался отдых перед ночной сменой. Но Тэне очень хотелось поговорить с Шурой. Они почти час бродили по улице, делясь впечатлениями о работе, о подругах и обо всем, что приходило на ум. Потом Шура убежала, она дежурила в офицерской столовой, а Тэна прилегла на постели, сняв только сапоги, хотела поспать, но сон не шел, и она мысленно перебирала события последних дней, намечая, кому что будет писать в письмах после ночной смены. За окнами уже потемнело, когда прозвучала команда:

— Ночная смена, стройся!

А Тэне как раз захотелось спать, но, хочешь не хочешь, а пришлось подняться и — бегом в строй.

Сегодня она снова работала на телетайпе. Сначала — тренировалась, потом — принимала разведанные, и — снова тренировалась. Передав шифровку, еще некоторое время работала «на себя», а после четырех часов утра ее «повело» — так захотелось спать, что даже затошнило. Глаза слипались, она их терла, пока не заболели. Трясла головой, дергала себя за косы, задерживала дыхание. Наконец устала бороться со сном, обмякла и, приткнувшись за аппаратом плечом и затылком к стене, уснула. Во сне она продолжала тренироваться, печатая так ловко, так быстро пальцы бегали по клавиатуре, что дежурный по смене подошел к ней и сказал громко, но почему-то сердито: «Молодец!..»

— Молодец, Карташова! Спишь за аппаратом?!. — Легко тряхнул ее за плечо. — Встать!.. Иди за мной. — Тэна, ослотившая от сна и испуганная, пошла за ним. По дороге дежурный

зачерпнул из ведра, стоявшего у двери, кружку воды и вышел из телеграфа. Тэна последовала за ним. — Умывайся! — и стал лить ей на руки воду. Тэна плескала ее себе в лицо и фыркала. Так с мокрым лицом, взбодренная, она вернулась на свое место. — В другой раз сама иди умываться, если «поведет», а спать не смей. Еще раз увижу — получишь наряд вне очереди.

После умывания и нагоняя, в сон уже не клонило. В шесть часов застучал аппарат. Включив его, Тэна прочла: «На себя, на себя...» И тут же выключила, подумав: «Тоже тренируется». Под утро принесли метеосводку. Она ее передала, а там и смена пришла.

Потекли дни и ночи армейской службы Тэны Карташовой. Однообразные, без каких-либо событий, если не считать событиями наряды, в которые ее теперь посылали наравне с другими. На кухне по-прежнему работать было трудно, но она уже научилась пилить и колоть дрова, растапливать походную кухню даже сырыми дровами, таскать из колодца воду — и ведрами, и в большом молочном бидоне — вдвоем с напарницей, мыть большие котлы, в которые она ныряла головой вниз так, что только ноги оставались вне котла, и, чтобы из него выбраться, приходилось звать на помощь напарницу или повара. Даже косы перестали доставлять ей адские муки — для мытья волос ей вполне стало хватать одного котелка кипятка (или чая).

Настроение у Тэны было постоянно хорошее, она чувствовала себя на своем месте, с нетерпением ожидала весеннего наступления наших войск, которое было не за горами, что чувствовалось по нарастающему объему работы на телеграфе, участвовавшим в переговорах офицеров штаба с подчиненными частями. На телеграф чаще стал заходить начальник связи полковник Птицын: ходил от аппарата к аппарату, приглядывался к работе телеграфисток, беседовал то с одной, то с другой. Подходил он и к Тэне, спрашивал:

— Ну, как живешь, дочка?

— Отлично!

— Ну-ну... Выглядишь ты хорошо. Солдатский хлеб тебе, видно, на пользу. С работой справляешься?

— Стараюсь, товарищ полковник.

— Старайся, дочка.

Зима быстрыми темпами сдавала свои позиции. Почерневшие сугробы стали рыхлыми, пористыми от пронизывающих солнечных лучей, оседали буквально на глазах. С крыш свисали зубья ребристых сосулек, обильной каплей оплакивающих кончину зимы. Середину улицы прорезал весело журчащий ручей, маленькими водопадами перепрыгивавший через многочисленные препятствия. В высоком серо-голубом небе плескался нежной трелью жаворонок. На обнажившихся от снега буграх, на проталинах среди поля по-хозяйски вышагивали лоснящиеся черно-фиолетовые грачи. И вдруг в одну ночь весь снег растаял и превратился в бурное половодье. Незаметный зимой ручеек, по льду которого телеграфисты переходили, торопясь на узел связи, стал полноводной рекой, волны которой перекачивались через кладку, и можно было идти только держась за перила из жердей. Ледяная вода заливалась за голенища сапог, и телеграфисты, перебравшись на другой берег, досадливо чертыхаясь, разувались, выливали из сапог воду, выжимали портянки, шли на смену. На обратном пути повторялось то же самое, только в темноте переходить разлившийся ручей было еще труднее. Ни сапоги, ни портянки, ни чулки сушить было негде — и телеграфисты ходили с мокрыми ногами все время, пока не спала вода.

Тэна простудилась, кашель мучил ее, но она терпела, как все, и думала про себя: «Если переживу эту весну — буду жить долго». И пережила. В полку было заведено неписаное правило: не жаловаться, не хныкать, не кивать на другого, если тебя, к примеру, посылают в наряд на кухню два раза подряд. Это было очень хорошее, полезное правило... Всем было трудно — война.

Однажды ясным осенним утром Тэна, дежурившая в ночную смену, вышла из телеграфа разогнать дрему и полюбоваться восходом солнца (чего до войны ей видеть не приходилось), как вдруг услышала пение. «Кто это поет?» Она огляделась, стараясь понять, где поют, и увидела на дороге маленькую процессию: несколько стариков без шапок и старух в белых платках медленно шли, неся в руках маленькие зажженные свечки, и пели.

— Что это они?.. — спросила Тэна часового, стоявшего у дверей телеграфа.

Парень был, видимо, из деревни и сразу понял в чем дело, ответил ей:

— Из церкви идут, со всенощной... Сегодня ведь Пасха. Христос воскрес! — И захохотал.

Тэна хлопала глазами и ежилась, как будто видела она не живых людей, а привидения. Эта Пасха, как и иконы в избе у старшины, были для Тэны таким архаизмом, что ей становилось не по себе, как будто ее занесло в прошлый век.

Накануне весеннего наступления в полк прибыло пополнение. Несколько новеньких появилось и в их смене. Внешним видом и манерами они резко отличались от «старичков» — и прежде всего: мешковатой формой, грязными подворотничками, нечищеными сапогами; почти все были коротко острижены, многие из них курили. Но потрясло Тэну другое — они все матерились. Когда первый раз услышала мат из уст девушки, ее словно кипятком ошпарило. Стало стыдно, будто это она, Тэна, сама площадно выругалась. Подойдя к новенькой, спросила, заикаясь от волнения:

— Т-ты чего вы-выражаешься?!

— А ничего, — ответила матерщинница. — Привычка! — и нагло ухмыляясь, плюнула себе под ноги.

— Привычка?.. Придется тебе отвыкать от этой привычки! — Тэна оглянулась на «старичков», перевела взгляд на новеньких. Старички выжидающе смотрели на Тэну, новенькие — на ее противницу. И те, и другие ждали, что же будет дальше. — Если я услышу, что кто-нибудь еще ругнется, буду бить ремнем... И тогда не обижайтесь. Я вас предупредила, — уже спокойно заключила Тэна.

И буквально на следующий день одна из новеньких, то ли забыв, то ли не придав значение Тэниным словам, ругнулась. Тэна молча сняла ремень и смаху огрела ругательницу по спине. Та даже заплакала от боли и неожиданности, вскричала:

— Ты что-о — сумасшедшая?!

— А я предупреждала, — Тэна спокойно затягивала ремень на талии, и так, как положено: чтобы палец не просунуть под ремень. — За каждое ругательное слово буду лупить... Я ведь не шутила. И еще раз предупреждаю.

За пострадавшую никто из новеньких не заступился, а «старички» даже одобрили Тэнин поступок. Как бы там ни было, но нецензурщина в роте не прижилась, и Тэне больше не пришлось прибегать к антипедагогическим мерам воспитания.

Весна была в разгаре. Апрель высушил лужи, украсил цветами мать-и-мачехи чуть зеленевшие молодой травой взгорки у заборов, опушил кусты краснотала и вербы серебристыми коти-ками. На смену уже ходили без шинелей, зимние вещи (валенки, шапки-ушанки, белье с начесом, шерстяные чулки сдали старшине) и получили новенькое летнее обмундирование (пилотки, нитяные чулки, бязевое белье). Только сапоги Тэне не поменяли, так и ходила в сороковом размере, пока не отдал ей отец свои старые, хромовые. Тэна надраивала их до зеркального блеска. Одно было плохо — они пропускали воду, но несмотря на это одна из новеньких предложила ей обменять их на ее английские бутсы. Тэна с радостью согласилась. Бутсы были маленькие, крепкие, будто из железа, внутри — гладенькие, удобные; зашнурованные, они плотно держались на ногах, и ногам было покойно. Ходить стало легко. Тэна хвалилась: «Бутсы сами меня носят!»

Еще в конце сорок второго года в полк прибыло пополнение из Средней Азии. В штабной роте оставили несколько человек, и среди них Нину Тарасову, Зою Заутинскую, Раю Чумакову, Алу Павлову, Галю Алексееву. Девушки были явно разочарованы: ехали, мол, на фронт, а попали в штабную роту. Но дисциплина есть дисциплина. Принимавший их полковник Птицын безапелляционно заявил:

— Вы нужны здесь! — И, глядя на их облезлые, почти до колен, с подвернутыми рукавами гимнастерки, приказал старшине Коневу: — Обмундировать немедленно!

Вот уж и правда, одеты были прибывшие не только не «модно», но, главное, не по погоде: все в тонких английских коричне-вато-зеленых шинельках, в пилотках, в английских «железных» бутсах. Пока шли от штаба до расположения полка, который обосновался в деревне Бурцево, пообмораживали уши, щеки, носы — ходили потом с черными пятнами на лице. Старшина выстроил вновь прибывших, покивал сокрушенно головой и говорит:

— Утеплять вас надо...

А одна из девушек отвечает за всех:

— Нет, не надо — мы закаленные!

Через несколько дней им всем выдали шапки-ушанки и кирзовые сапоги.

Нина, Зоя и Рая попали в смену Гены Горностаева, где работали в основном телеграфистки, отступавшие со штабом из Минска, испытанные специалисты связи. Одеты они были с иголки, в форменные темно-синие шерстяные платья, в аккуратные, по ноге, сапожки. К новичкам они отнеслись сначала недоверчиво и, как говорится, встретили их по одежке: думали, «клепалы» приехали, но выпускницы Харьковского Военного авиационного Училища Связи (ХВАУС) были прекрасно подготовлены и в работе, и, особенно, в военном деле. Когда они бойко заработали на аппаратах, сразу стали своими.

Из новичков старшей была младший сержант Тарасова. Еще в училище ее назначили командиром 124 отделения 4-го батальона, сформированного из 380-ти девушек (в этом же отделении была и Зоя Заутинская). В ХВАУС Нина и Зоя попали тоже вместе из Тимирязевской Академии. Первого мая сорок второго года (во время войны все праздники были рабочими днями) в Академию пришли представители из военкоматов и Горкома комсомола и прямо с лекций по два человека приглашали в деканат для беседы. Оказалось, что объявили массовый прием девушек в армию, и набирают добровольно в летную школу. Многие студенты откликнулись на тот призыв. Уже второго мая проходили медкомиссию. Нина прошла, а одна ее подруга была «забракована» по зрению. На следующий день Нина снова прошла медкомиссию, но уже под фамилией подруги. Всего с курса отобрали девять человек, и девятого мая отправили в город Коканд в училище, которое оказалось, к огромному огорчению Нины и ее подруг, не летным, а — связи... Они-то себя видели отважными летчицами... Но это было ХВАУС, училище связи.

Шесть месяцев напряженной работы на аппаратах Морзе и СТ-35, занятия по строевой подготовке (преодоление полосы препятствий, приемы штыкового боя, стрельба из боевого оружия, марш-броски), изучение устава, политзанятия и занятия физкультурой; из аудитории — в аудиторию, из столовой — в столовую только бегом. Учеба для девушек была нелегкой сама по себе, а тут еще жара в Самарканде, куда перевели училище: сорок — сорок пять градусов. Занимались в основном ночью, а спали днем под мокрыми простынями.

Девичий батальон был один, а мужских — три. И девушки старались ни в чем не уступать ребятам. На смотрах строевой подготовки и строевой песни они всегда занимали первое место.

Нина Тарасова, Зоя Заутинская и Рая Чумакова были ровесницами. Все трое в сорок первом закончили десятилетку. У Нины и Раи двадцать первого июня был выпускной вечер, а у Зои должен был быть двадцать второго, но не состоялся — война. А до войны они не были знакомы, жили в разных городах. Нина — на станции Завидово Калининской области в семье военнослужащего, в военном городке. С восьми лет вся жизнь была сосредоточена в школе и Доме Культуры. Кроме учебы увлеченно занималась в разных кружках, в том числе и военно-спортивных, особенно любила стрелковый кружок, была «Ворошиловским стрелком», сдала нормы на значок «ГТО». Но главным увлечением был драмкружок. Руководитель кружка находил у Нины большие способности, и готовил ее к будущей артистической карьере. Энергичная, общительная девочка много времени уделяла общественной работе — была членом комсомольского комитета школы, в каникулы участвовала в агитпоходах по соседним деревням, болела за школьную футбольную команду и не пропускала ни одной игры, часто ездила с кружком самодеятельности в соседний город Клин.

Нина с удовольствием вспоминала свои школьные годы, интересные комсомольские собрания, строгий прием в комсомол, вечера самодеятельности. Ученики все организовывали своими силами, самостоятельно, за помощью к учителям обращались только в крайнем случае. Сами составляли планы работы, сами выполняли запланированное. Старшеклассники жили интересами страны, все их дела и устремления были овеяны героикой гражданской войны, героикой ударного труда. Хотелось быть похожими и на Анку-пулеметчицу, и на трактористку Пашу Ангелину, и на ткачих сестер Виноградовых... Молодежь считала себя причастной ко всем делам комсомола, партии, народа. И это не просто громкие слова — это была убежденность молодых людей, смысл их жизни, вера. Иначе как объяснить тот единый порыв, когда началась война. Призыв: «Все на защиту Отечества!» нашел в душах юношей и девушек самый живой отклик. Так и только так понимали они свой долг перед Родиной.

Многие одноклассники Нины в первые же дни войны получили повестки и ушли в армию, а большинство девочек и оставшиеся ребята были организованы в комсомольские батальоны — и третьего июля отправились на трудовой фронт. Напутствием им была речь Сталина, прозвучавшая в то утро по радио. Комсомольский батальон оправился на укрепление берегов Волги около озера Селигер, где Волга берет свое начало. Сначала было очень трудно работать землекопами. С трех часов утра до пяти вечера и позднее — копали, копали, копали... От усталости и непривычки ныло все тело, но каждый старался изо всех сил. Нина была назначена комсоргом батальона, но никого не приходилось агитировать, хоть и работали без выходных. Несмотря на то, что на сон оставалось всего четыре часа, после работы молодежь ухитрялась еще и потанцевать, попеть — молодость брала свое! На работе во время «перекуров» читали газеты, которые привозили им, часто с большим опозданием, выпускали сами «Боевые листки».

В конце августа, сильно обносившихся, босых, но гордых, их вернули домой. Ушли в армию оставшиеся ребята-одноклассники. Тогда еще плохо представляли себе масштабы войны и ожидали ее скорого окончания.

Школа осталась позади, и Нина отослала документы в Институт кинематографии. Начало занятий в ВУЗах в тот год перенесли на первое октября, а тех, кто закончил школу в сорок первом, принимали в институты без экзаменов. Нине надо было сдать только предмет по специальности, но в это время ее с мамой эвакуировали в Тамбов, где она получила извещение, что набор на первый курс в связи с эвакуацией не состоится. Тогда Нина, чтобы не терять год, поступила в филиал Тимирязевской сельскохозяйственной Академии, открывшейся около Тамбова в Чаклино, в середине ноября эвакуированной в Самарканд. Там уже находилась вся академия.

Зоя Заутинская до войны жила в Зауралье в двухстах километрах от Свердловска в деревне Большая Меншикова. Ее отец был учителем в начальной школе. В семье — шесть братьев и три сестры. Старшие братья служили в армии, сестра работала, а Зоя — средняя — заканчивала десятый класс. В классе было тринадцать мальчиков и тринадцать девочек. Мальчики

сразу все ушли в армию (с фронта вернулось только трое). Три Зоины одноклассницы тоже ушли в армию. В школе была традиция: во время летних каникул работать в колхозе. Так было и в сорок первом. После работы в колхозе, в октябре Зоя поступила в Тимирязевскую Академию, закончила первый курс, отработала в марте-апреле сорок второго на весенне-полевых работах трактористкой и в мае по призыву Самаркандского горкома ВЛКСМ ушла добровольцем в армию. Вместе с Ниной Тарасовой попала в ХВАУС.

Рая Чумакова в сентябре сорок первого поехала в Ташкент учиться — поступила в Институт инженеров железнодорожного транспорта. Днем студенты занимались, после обеда работали на восстановлении эвакуированного сюда паровозоремонтного завода, а ночами дежурили в госпиталях у постелей тяжелораненых. Откуда только силы брались?!

В ноябре в газете «Правда» была напечатана статья «Таня» и фотоснимок повешенной партизанки. Раю потрясла судьба юной героини. «Все, — решила она, — уйду на фронт». Сдала экзамены за первую сессию, вернулась домой и больше в Ташкент не поехала — подала заявление в Горком комсомола и Горвоенкомат о желании служить в армии. Отказали. Поступила на курсы помощников машиниста паровоза, проучилась два месяца и узнала вдруг, что будет набор девушек в армию. Опять подала заявление. На этот раз заявление приняли, медкомиссия признала годной, но в армию не взяли — мало лет, только семнадцать. Домой Рая вернулась расстроенной, но с упрямой мыслью: «Все равно добьюсь!» Исправила в паспорте 1924-й год рождения на 1922-й и на завтра опять явилась в военкомат, пожаловалась, что неправильно записали ее год рождения и показала паспорт. Поверили, внесли в список изменение. Так Рая Чумакова стала на два года старше и попала в первую партию девушек, которых направили в ХВАУС.

До апреля сорок третьего года телеграф в Алабино работал в три смены, жизнь телеграфисток была не очень напряженной, и в свободное время можно было заняться мирными делами. Самым подходящим использовать свободное время для Нины — это самодеятельность. В полку ее организатором, руко-

водителем и душой был Николай Лукьянюк — бывший артист Смоленского театра, интеллигентный, талантливый, доброжелательный человек. Нина Тарасова сразу включалась в самодеятельность, и уже к Новому году они с Лукьянюком подготовили небольшую пьесу, героем которой был солдат по имени Тарасик (его играл Лукьянюк). После этой постановки кличка Тарасик прилипла не к Лукьянику, а к Нине, очевидно из-за ее фамилии.

На смене Нине поручили выпускать «Боевой листок», потом она вошла в состав редколлегии ротной стенгазеты. Способная телеграфистка и активная комсомолка, Нина Тарасова завоевывала все больший авторитет в полку. Вскоре ее назначили комсоргом роты (во время войны в армии комсорги и парторги не выбирались — их назначали), потом — комсоргом батальона, а позже она вошла в состав комитета комсомола полка.

Пока стояли в Алабино, Нине Тарасовой два раза повезло побывать в Москве, в театре. Ей, мечтавшей об артистической карьере, театр казался волшебным, загадочным храмом, сцена завораживала, вызывала непередаваемое волнение. Нина возвращалась из Москвы возбужденная, обновленная. Хотелось работать еще лучше, чтобы скорей кончилась война и чтобы можно было чаще ходить в театр, а может быть, не только ходить, но и самой работать в нем актрисой!

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Действия 1-й Воздушной армии весной 1943 года носили характер подготовки к операции «Кутузов», которая стала как бы прелюдией к исторической Курской битве, поставившей немецко-фашистскую армию перед неминуемой катастрофой.

В.Е. Кояндер

В середине апреля хозяйство полка в одночасье свернулось, и полуторки со скамейками поперек кузовов повезли телеграфистов куда-то по ночным дорогам. Машины шли без света, только под фарами светились синие лампочки, освещая перед машиной участок дороги не более двух-трех метров. Девушки дремали, ежились от холода, жались друг к другу. Ехали долго. Сначала — пели. Потом примолкли, даже разговаривать уже не хотелось. Наконец кто-то постучал по крыше кабины. Лейтенант, сопровождавший машину, вышел и скомандовал:

— Остановка — пять минут!.. Девочки — направо, мальчики — налево, разойдись!

...На место прибыли глубокой ночью. Кругом чернел лес. На поляне, где их высадили, была навалена большая куча соломы. В нее все приехавшие и зарылись, чтобы не замерзнуть до утра... Хоть немного, но поспали. Утром, кто раньше встал, наблюдал препотешную картину: куча соломы зашевелилась, из нее вылезали заспанные, мятые, с соломой в волосах, за шиворотом, в голенищах сапог солдатики обоего пола. Поглядывая друга на друга, начинали хохотать, помогали друг другу очиститься от соломы, причесывались, отряхивались и бежали умываться к реке, которая виднелась за деревьями.

Река Угра была широкая и с низкими берегами, заросшими кустарником. Туман плыл по ней, цепляясь за кусты. За рекой раскинулся луг и над ним вставало солнце, расплывчатое и дрожащее. На поляне дымила походная кухня, завтрак был уже готов. Утренняя смена, съев свою долю пшенной каши, бодро зашагала на новый узел связи. Телеграф под Юхновом расположился в нескольких крошках-избушках, правда, без курьих но-

жек. 12 июля перед началом смены к строю телеграфистов подошел начальник связи полковник Птицын.

— Товарищи связисты! — обратился он. — Сегодня началось наступление наших войск в направлении Можайска, Тулы, Юхнова... Работы на телеграфе очень много, — строгим, отрывистым тоном полковник подчеркивал серьезность обстановки. — Обращаю ваше внимание на то, что от четкости вашей работы зависят действия нашей авиации. Каждый удар по клавишам — это удар по врагу. Каждая ошибка — это смерть наших воинов... невыполненное задание, провал операции. Все время помните об этом. Я верю, что вы меня не подведете. — И заключил торжественно: — Поздравляю вас с наступлением!

— Ура!.. — вполголоса ответили телеграфисты.

Вот оно — наступление! Тэну от волнения знобило. Но когда она приняла смену за аппаратом Морзе, испугалась: каждые пять минут приносили все новые и новые депеши для передачи, а напарник все просил и просил принять его телеграммы. Телеграфная лента бежала и бежала, уже целый сугроб вырос около Тэниного столика. Лицо у нее горело и было мокро от пота. Она готова была зареветь, как маленькая, когда к ней подошел техник телеграфа Костя Градов.

— Что, зашиваешься, чернявая? — спросил он утвердительно. — Давай помогу.

Он поставил рядом скамеечку и сел на прием. Пока записывал и оформлял принятые телеграммы, Тэна передавала свои. Она очень торопилась, хотела скорей разгрузить свой провод. Рука быстро устала, отяжелела и плохо слушалась. Несколько раз ее перебили — просили повторить. Под конец смены она уже еле-еле поднимала ключ, закусив губу от боли в руке. А тут еще на ее несчастье к аппарату подсел офицер из оперативного отдела на переговоры...

Когда пришла смена, Тэна была в отчаянии. Если бы не Градов, ее бы сегодня выгнали с телеграфа...

(Так в первый же боевой день она сорвала руку и уже до конца войны не смогла восстановить ту легкость и свободу, с которой работала на морзянке до этого дня, хотя несколько раз начинала работать, как начинающая, медленно, со счетом, массажировала руку, делала гимнастику пальцами, кистью,

предплечьем... Увы! Работать она могла, но не быстро — немела рука, скорость передачи была уже не та. На морзянку теперь ее сажали только тогда, когда было мало работы или было некому, кроме нее. Зато на телетайпе дела у нее шли все лучше и лучше. И там, под Юхновом, она уже стала классным телетайпистом, правда, еще только телетайпистом третьего класса, и получила повышение — ей присвоили звание младшего сержанта, и она с удовольствием подшила еще по одной красной ленточке на свои погоны — к одной, ефрейторской.)

Вернувшись со смены в первый день наступления, девушки были приятно удивлены: вместо кучи соломы на поляне они увидели строение из жердей — стены из жердей, крыша из жердей, нары из жердей... Строение, в котором им теперь предстояло жить. Его соорудили солдаты из линейно-строительной роты. Нары были устланы той самой соломой, в которой они спали прошлой ночью. Отыскав свои вещмешки, девушки принялись обживать новый «дом». И вскоре в нем стало достаточно уютно. Между стеной и крышей кто-то воткнул букетик фиалок, которых в лесу было видимо-невидимо. Но ночью жердяные стены плохо защищали от холода, а тут еще весенний дождь подошел, так что и вторая ночь под Юхновом оказалась неласковой. Утром, выбравшись из-под мокрых шинелей, натянув отсыревшую форму, позавтракав, сидя на сырых бревнах — их теперешней столовой под открытым небом, — хмурые, не выпавшиеся, озябшие, телеграфистки снова шли на смену, где их ждала напряженная, ответственная работа.

Нина Тарасова, задержавшись со сдачей смены на узле (приводила в порядок небывалое количество телеграмм), одна возвращалась в подразделение. Весенний воздух кружил голову, хотелось забыть войну, встретить того, единственного, самого-самого... Нина сняла пилотку, засунула ее за ремень, ветер подхватил ее волнистые волосы и затрепал их своей ласковой рукой. Тропинка бежала мимо старых стройных елей, мимо молодых пушистых елочек, стоявших плотными группками, словно девчонки-подростки, а от их подолов разбегались сиреневые ручейки фиалок. Нина нарвала букетик нежных цветов и воткнула их в нагрудный кармашек гимнастерки. За деревьями слышались мужские голоса. На тропинку вышел генерал Худя-

ков с группой офицеров и дежурный по связи. Нина сошла с тропинки и встала по стойке «смирно», а дежурный по связи начал ее отчитывать за фиалки в кармашке, за нарушение внешнего вида. Худяков остановил его, сказав:

— Ну как тут быть?.. Весна! А она — девушка... Хочется быть красивой. Что тут страшного? Ничего! — и пошел по тропинке в сторону телеграфа. Нина смотрела вслед генералу и чувство глубокой благодарности переполняло ее — за то, что он порыцарски за нее заступился. На следующий день вчерашний дежурный по части подошел к Нине и стал оправдываться: мол, не обижайся за разнос, но форму нельзя нарушать...

Весна взбудоражила и Тэнину душу. После одной из ночных смен девушка пошла к Угре, остановилась на берегу. Река медленно катила чистые воды. Прибрежные кусты опушились нежно-зеленой листвой. Гнулись над волнами ветви белоснежной черемухи и сыпали в реку снежинки лепестков. Тэна отломила маленькую душистую гроздочку и жадно вдохнула терпкий запах. Аромат напомнил волнующее довоенное... Второе мая сорок первого года. Соседка Варвара Петровна пригласила их с мамой поехать за черемухой. Какой это был праздник для Тэны! Домой привезли огромный букет, запах от него был такой дурманящий, что ведро с черемухой пришлось вынести на балкон.

На ночной смене под утро, когда схлынул наплыв телеграмм, Тэна, прогоня дремоту, стала рисовать на обратной стороне бланка веточку черемухи, представила берег Угры в белом наряде. Вдруг ей захотелось выразить свои чувства в словах — и получилось стихотворение!.. Ее первое стихотворение:

Расцвела черемуха, снегом опушила
молодую зелень, берег голубой.
И одну я веточку с дерева сломила —
на окно поставила в комнате своей.
Осыпает медленно белые пушинки
бедная черемуха на моем окне.
Жизнь, как та черемуха, расцветет и сломится,
медленно завянет в дальней стороне.

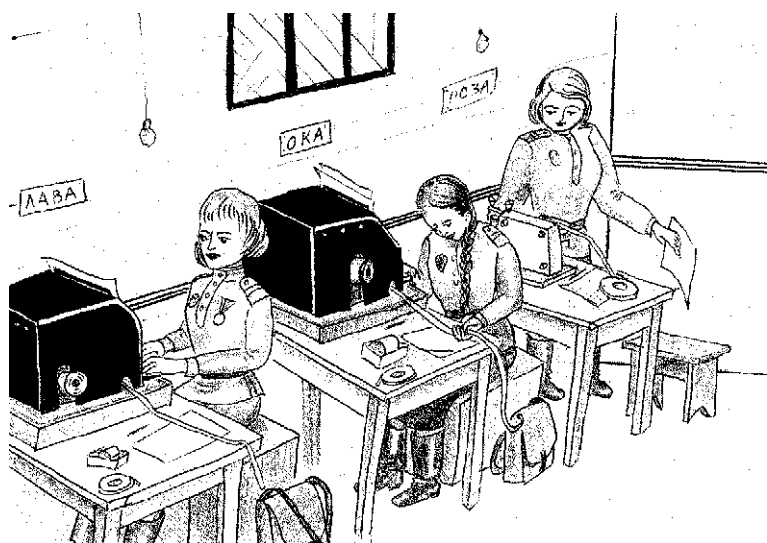
(Были потом еще стихи, но уже совсем другой тематики: о связистах, о Родине, о войне, о Победе. Их отдавала ре-

дактору «Боевого листка» и радовалась, когда эти ее стихи читали товарищи и, одобряя, хвалили автора.)

Здесь, под Юхновом, Тэна впервые услышала соловьев. По дороге на телеграф надо было проходить через небольшую рощицу, раскинувшуюся вдоль узкого ручейка. Эта рощица была каким-то соловьиным базаром. Ночью там стоял такой оглушительный гам, треск, писк, что разговаривать в этом месте было невозможно, услышать друг друга можно было только крича. Тэна удивлялась, за что так хвалят соловьиное пение и почему в этом месте собралось столько соловьев? Почему они так галдят?.. Ответа не нашла на эти простые вопросы.

Много позже, уже почти в старости, она услышала пение одного соловья и оценила его по достоинству.

И еще одна страсть обнаружилась той весной в душе семнадцатилетней девушки — любовь к лесу. Живя в нем днем и ночью, она наблюдала его пробуждение, ощущала дыхание каждого дерева, трепетность каждого листочка, каждой былинки, с трудом сдерживала непреодолимое желание вырваться из строя и бежать, бежать по лесу, пробираться сквозь чащу молодых елочек с еще мягкой хвоей, обхватить руками тонкую березку и кружить вокруг нее, кружить... Но, шагая в строю, она только удивляла своих подруг восторженными возгласами.

ЛЕТО СОРОК ТРЕТЬЕГО

Потерпев поражение под Сталинградом, враг готовился взять реванш в весенне-летнем наступлении в районе Курского выступа, где германское командование сосредоточило 50 лучших своих дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных, до 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и свыше двух тысяч самолетов. Готовились броситься в бой почти 900 тысяч человек.

К лету 1943 года Советские Вооруженные силы как в количественном, так и в качественном отношении превосходили немецко-фашистские войска. В составе нашей действующей армии было свыше 6,4 миллиона человек, почти 99 тысяч орудий и минометов, около 2200 боевых установок полевой реактивной артиллерии, больше 9,5 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, почти 8300 боевых самолетов. Каждый фронт имел свою воздушную армию численностью в 700—800 самолетов.

Г.К. Жуков

В июне сорок третьего часть полка была переброшена из-под Юхнова под Козельск. Там, на опушке соснового бора, были построены для связистов домики-временки, крытые еловой корой. Рядом с расположением связистов находилась зенитная батарея. Это соседство оказалось опасным: каждую ночь над местом, где жили телеграфисты, летал немецкий разведчик «Фокке-Вульф» или, как его называли из-за двойного фюзеляжа — рама. Самолет этот сбрасывал на парашюте осветительную ракету-люстру, и зенитчики усердно расстреливали ее. Осколки снарядов сыпались на казармы-временки, как бумагу, пропарывая тонкие коряные крыши. По счастливой случайности никто из связистов не пострадал.

При виде немецких «люстр», свет которых, плывущий, зеленоватый, казалось, просвечивал насквозь, качал и закручивал

столетние сосны. Их тени, словно стрелки огромных волшебных часов, описывали круги вокруг стволов. Связисты прятались от осколков в щель, вжимаясь спинами в ее песчаную стену. Было страшно и оскорбительно пострадать от осколков снаряда, выпущенного своей же зениткой. «Домики» вскоре заменили землянками с бревенчатым перекрытием в три наката, в которых было сухо, удобно и чисто.

Лето сорок третьего было жаркое, щедрое на зелень. Бор благоухал смолистым запахом разогретых сосен; луг пестрел разноцветьем, утопая в буйных травах; широкая, спокойная река Жиздра манила к себе прозрачной свежестью. После очередной ночной смены Тэна рискнула позагорать. Устроившись между кустов вербы и черемухи на берегу реки и убедившись, что никого поблизости нет, сбросила гимнастерку и юбку, сняла сапоги (она снова ходила в сапогах сорокового размера), улеглась на траву и, как струям дождя, подставила спину потоку солнечных лучей и теплому ветру. Никогда раньше (да и позже) не испытывала она такого блаженства, такого совсем мирного, детского мироощущения. Она поворачивалась то одним, то другим боком к солнцу, подставляя его чарующим лучам свое лицо, крепко зажмуривала глаза. Но вдруг почувствовала, что кто-то на нее смотрит. И правда, у кустов стоял невысокий, худенький смуглый солдат лет двадцати. На скуластом лице его поблескивали черные удивленные глаза. Он смотрел на девушку и приветливо улыбался.

— Здравствуйте! — поздоровался солдат.

— Здравствуйте!.. — ответила Тэна.

— Загораете?

— Загораю.

— Можно я сяду около вас?

— Садитесь.

— Вы оттуда? — кивнул он на опушку леса.

— Да... А вы?

— А я — с батареи. — Он замолчал, продолжая смотреть на девушку.

Тэна тоже молчала. Ей было неловко сидеть в «пляжном костюме» перед мужчиной, но и одеваться при нем тоже казалось неудобным. К тому же, она хотела еще позагорать до обеда, надеясь, что незванный собеседник догадается уйти.

— Вы не обижаетесь, что я помешал вам?

— Да нет, — Тэна пожала плечами и потянула к себе юбку.

— А у меня дома — такая, как вы, жена... — сказал вдруг солдат. Он расстегнул карман гимнастерки и достал фотокарточку. — Зульфия, — назвал он имя жены с нежностью в голосе. Протянул фото Тэне. Она ахнула: на нее глядели большие черные испуганные глаза худенькой девочки с множеством тонких косичек.

— Да она же совсем еще ребенок!.. Сколько ей лет?

— Уже шестнадцать!.. И у нас уже своя девочка есть, — гордо ответил юный муж.

Тэна вернула фотокарточку. Солдат спрятал ее в карман и нехотя поднялся.

— Ну, я пойду, а вы — загорайте... Извините, что помешал. До свидания! — Он повернулся, одел пилотку и пошел к батарее, угадывавшейся за лугом в молодом сосняке.

«Надо же, — думала Тэна, — шестнадцать лет — и уже мама...» — Ей почему-то стала жалко и девочку-маму Зульфию, и ее молодого мужа. Загорать расхотелось. Искупаться бы! Но телеграфистам строго-настрого было запрещено подходить к реке, да и сама бы не решилась: и река незнакомая — дна у берега не видно, и плавать она не умеет.

По дороге в часть Тэна собрала букет луговых цветов: ромашки, колокольчики, гвоздичка вперемешку с хохлатыми травинками были нарядными, праздничными, душистыми. Разыскав около кухни пустую банку, она, вымыв ее, поставила пышный букет на стол. Девушки, отдыхавшие после ночной смены, уже поднялись, приводили себя в порядок и готовились к обеду.

В землянку вошел старшина Вадим Тамм. Его недавно назначили на эту должность, а раньше он был телеграфистом. Став старшиной, Тамм возомнил себя большим начальством, стал покрикивать на девушек, и они его невзлюбили. Каждое его распоряжение встречали ропотом, а то и насмешками. Вот и сейчас на его приказ: «Выходи строиться!» — возмущенно спросили, почему он заходит в их землянку без стука.

— Ра-азг-г-говорчики! — оборвал ропшущих старшина. — В наряд захотели?.. Выполняйте приказание!

Девушки, захватив котелки, одна за другой потянулись из землянки и построились перед входом в одну шеренгу. Распределив наряды (Тэне досталось дневальство), старшина повел смену на обед.

Дневальить было легко, особенно летом. Тэна наломала березовых веток на веник, подмела пол в землянке, поправила постели и села на пень около землянки. Солнце уже садилось, жаркий день сменился теплым душным вечером. С луга от реки потянулся легкий дымок тумана. Над головой зажглась одна звезда, другая... И вот уже на потемневшем небе высыпало их неисчислимое множество. Тэна засмотрелась на звезды и вспомнила, как в прошлом году она с Мартой и Мариной в совхозе так же любовались звездным небом и рассуждали о том, каким образом свет от звезд доходит до земли. Девочки посмеялись тогда над ее предположением, что свет на землю передается по цепочке, как кирпичи строителями, а Тэна упрямо отстаивала свою точку зрения. Она и сейчас готова была поспорить с кем-нибудь на «звездную» тему или на какую-либо другую, но спорить было не с кем. Девушки, начистив после обеда картошки, отсидев на политзанятии, смазав карабины, подшив чистые подворотнички и спев десятка два песен, уже спокойно спали. Ночная смена ушла на дежурство, а вечерняя ужинала около кухни.

За рекой послышался знакомый подвывающий рокот — летела «рама». Вот от нее отделился огонек и поплыл над лугом, а через мгновение вокруг огонька вспыхнули яркие лучи огней, собранные в одну светящуюся гроздь — это включилась «люстра». В тот же момент заговорила зенитка: пах-пах-пах! — и «люстра» начала рассыпаться огненными каплями, свет ее поблек, после нескольких залпов зениток она и вовсе погасла. «Рама» улетела.

На вековые сосны, на землянки связистов, на батарею зенитчиков — на всю страну опустилась черная, тихая июльская ночь. Но ее тишина оказалась недолгой. После полуночи в лесу, постепенно усиливаясь, послышался треск, хруст, лязг; замелькали бледные огни, потянуло бензиновой гарью...

Девушка напряженно вглядывалась в темноту и уже подумывала вызвать дежурного (а вдруг это немцы!), как он сам подошел к ней, освещая перед собой дорогу фонариком.

— Кто дневалит?

— Младший сержант Карташова. Что там такое шумит?

— Похоже, танковая часть располагается. Значит будем скоро наступать!

Дежурный ушел. Шум в лесу постепенно затих, погасли огни. Ветер тихо шумел в кронах сосен. Тэна пошла будить свою напарницу по дневальству.

Назавтра, идя на вечернее дежурство со сменой, она увидела виновников ночного шума: в лесу, замаскированные молодыми сосенками, стояли танки. Множество танков. Около них копошились танкисты в черных комбинезонах. Увидев строй девчат, они подходили поближе, улыбались, здоровались, шутили, приглашали в гости. Девушки отшучивались, тоже улыбались, тоже приглашали в гости. Начальник смены старшина Петров хмурился, ревниво поглядывал то на танкистов, то на связисток. Наконец, не выдержав, скомандовал:

— Отставить разговоры в строю!.. Шире шаг! — А когда танкисты остались за спиной, добавил: — Запевай!

Девушки, будто ждали этого приказа, дружно запели: «Расцвела-али яблони и груши...»

Так с песнями и промаршировали они почти до самого телеграфа. Приближаясь к насыпи знакомого блиндажа, в котором располагался узел связи, старшина приказал:

— Отставить песню!

У входа на телеграф стояли начальник связи полковник Птицын и три офицера штаба. Вид у них был взволнованно-торжественный. Начальник связи прошел вдоль строя, останавливаясь то около одной, то около другой связистки, спрашивал, как себя чувствуют: хорошо ли отдохнула, почему похудела — не влюблена ли; тут же пошутил с другой: толстеешь, матушка!.. Потом, посерьезнев, обратился ко всему строю:

— Товарищи связисты! Сегодня ночью мы погоним немцев так, как гнали их зимой от Сталинграда. От вас сейчас требуется максимум четкости, максимум внимательности... Я надеюсь, что вы меня и на этот раз не подведете. Желаю вам успеха!

Полковник Птицын отошел к офицерам, а телеграфисты спустились в блиндаж, разошлись по своим рабочим местам и включились в работу. Начальник смены раздал по несколько горошин

драже-кола, чтобы не дремалось во время ответственного дежурства. В большом зале аппаратной уже стоял сплошной треск работающих с полной нагрузкой СТ-35.

Утром 12 июля 1943 года началась операция «Кутузов».

У стола дежурного по связи, как обычно во время боевой операции, расположились офицеры оперативного отдела и разведчики со своей картой, размеченной цифрами, красными и синими стрелками, различными условными обозначениями. Прямо с аппарата они брали депеши и, ознакомившись с их содержанием, делали отметки на карте или отправляли депешу в шифровальный отдел, откуда им уже несли расшифрованные данные. То к одному, то к другому проводу садились для переговоров офицеры штаба, а на иных проводах они сидели всю смену.

Тэна работала на СТ-35. Как видно было по депешам, на этом проводе находился разведывательный авиаотряд. Всю ночь она принимала разведсводки, наклеивать которые приходилось на четырех-пяти бланках. Депеши шли полускрытым текстом, и можно было оценить, против каких сил врага наступают наши войска и как успешно действует авиация Первой Воздушной. Телеграфистка радовалась этим успехам, как своим личным, будто это она сбросила бомбовый груз на эшелон с горючим в квадрате 425 и обнаружила колонну танков на подступах к населенному пункту Людиново.

На аппарате Бодо, державшем связь со штабом фронта, работала Рачка Хмелевская — стройненькая, миловидная хохотушка и певунья, но сейчас — строгая и собранная. Она вела переговоры начальника штаба армии генерала Громова, знаменитого летчика, Героя Советского Союза с Москвой. Работала Хмелевская красиво. Руки ее спокойно лежали на столе аппарата и только пальцы, — средний и указательный левой руки и средний, указательный и безымянный — правой, быстро и легко, с максимальной скоростью касались плоских клавиш, не пропуская ни одного такта. Телеграфная лента скользила из-под каретки и исчезала в руке генерала. Закончив переговоры, Громов еще раз просмотрел собранную в кулаке ленту. Наконец встал — высокий, стройный, подтянутый, кивнул Хмелевской:

— Спасибо, старшина!

— Пожалуйста! — привстав, ответила Рая.

Когда генерал Громов покинул землянку, она села, аккуратно поправив юбку. Аппарат молчал, депеш на передачу не было. Рая привела в порядок журнал, прибрала на столе и глянула на часы: до конца смены оставалось пятнадцать минут. Она достала из противогаса круглое зеркальце, заправила выбившуюся прядь волос за ухо, критически осмотрела каждую черточку своего лица, вздохнула — бледное, мол, усталое. Спрятав зеркальце, задумалась. А думы — все одни и те же: о доме, о маме, о сестрах и брате — где они сейчас, живы ли?..

Дружно жила семья Хмелевских до войны в поселке Круглое, что на Могилевщине. За поселком по лугу бежала речка, за лугом — начинался лес-кормилец. Ягоды, грибы, орехи были серьезным подспорьем в не такой уж сытной жизни. На берегу реки стояла школа. Рая любила школу, училась хорошо. Весело было на переменах. После занятий ходила в кружок «Затейник», которым руководила учительница Александра Сергеевна Титова. Она научила Раю танцевать, и танцы стали любимым увлечением девочки. А какие чудесные вечера самодеятельности устраивались по праздникам! «Затейники» выступали перед учениками, учителями, родителями. После концерта получали «премию» — пачку печенья. Счастливый детский сон! Он окончился в 1939 году. В школе было только восемь классов. Рая уехала в Минск и поступила в техникум электросвязи...

Хмелевская взглянула на часы — время шло медленно, и воспоминания снова вернули ее в ту, довоенную жизнь.

Телеграфный класс... На столах аппараты Бодо, СТ-35, морзянки. Первый учитель — Клокоцкий — посадил ее за Бодо, учил терпеливо, строго. А как он отчитывал Раю, когда газовая козыночка, соскользнув с ее плеч, накрутилась на регулятор! Через десять месяцев техникум был окончен. По распределению Рая попала на узел связи в штаб ВВС, который находился на улице Советской, недалеко от реки Свислочь, а напротив, через улицу, было красивое здание Дома Красной армии...

Хмелевская опять взглянула на часы — медленно ползет минутная стрелка, а мысли бегут быстро, возвращая ее в такое близкое и далекое-предалекое мирное время.

Узел связи штаба ВВС... Какая она была тогда? Худенькая, невысокая, с короткой стрижкой, в ситцевом платье в горо-

шек, в белых прорезиненных тапочках. А другие телеграфистки — такие взрослые, нарядные!.. Мечтала стать и она такою же. На первую зарплату купила туфли. Потом — розовый батист на платье, примерять которое пошла утром 22 июня. Вдруг над улицей пронеслись самолеты и впереди ее громыхнул взрыв. Домой, на улицу Тихую, где жила на квартире с подругой Галей, Рая прибежала ни живая, ни мертвая. А там у репродуктора уже причитала хозяйка:

— Война!.. Беда, Раечка... Война!

Галя бросилась к ней, сказала:

— Идем в Круглое!..

А Рая — ей:

— Нет-нет... На работу! — и побежала в штаб.

Самолеты бомбили город беспрестанно. Между налетами она перебежала из подъезда в подъезд. Добежала до штаба, как была: в летнем платье и тапочках. Домой уже не вернулась. Ни денег, ни вещей... Четыре дня работала Рая на Бодо с Москвой. Во время бомбежки выбегала в коридор, а Москва зовет: «Рая, ответь!» Только успела передать: «Нас бомбят...» — в окно влетел камень и связь прервалась...

Их — связисток — посадили на машину, накрыли мокрыми одеялами, потому как кругом был огонь и дым. Рая только выглянула из-под одеяла, как вдруг услышала крик:

— Рая, Рая!..

«Это же — Соня, землячка!..» — узнала она девушку, несищую в узле из простыни какие-то свои вещи. Рая успела ей только махнуть рукой, как Соня скрылась в дымной дали. Но эта мимолетная встреча оказалась счастливой: Соня, как позже узнала Рая, добралась домой и сказала, что Рая жива...

Застучал аппарат. Начинаясь второй день наступления наших войск на Орловско-Курской дуге.

Возвращались со смены страшно усталые, но радостно возбужденные. Только Рая шла задумчивая, грустная. Зина Гомарева, идя рядом с ней, спросила:

— О чем задумалась, дорогуша?

— Ох, Зина, вспоминаю, как мы из горящего Минска бежали... Каждый раз, как подумаю об этом, душа горит. А ты помнишь, как в первую ночь остановились в лесу, вырыли щель и ночевали в ней? А как приехали в Касню и нас бомбили там?

— Помню, Рая... Конечно, помню! Когда телеграф размонтировали и увезли. Таня Алексеева, Женя Хаятина и я остались... Бегаем около штаба — не знаем, что нам делать. Тут подъезжает генерал Худяков. Мы — к нему, спрашиваем: куда, мол, нам идти?.. Он приказал шоферу посадить нас к себе в машину. Поехали, где-то ночевали, по-моему, — в парке Челюскинцев. И дальше ехали, ехали...

Девушки примолкли, думая каждая о своем.

Вблизи расположения телеграфистов уже не было ни танкистов, ни их танков — вся бронетехника ушла в бой. Ночью немецкий бомбардировщик сбросил на подразделение бомбу. Крупная фугаска упала рядом с землянкой телеграфисток. Воронка от нее была такая, что в нее вместились бы грузовая машина. Осколки от бомбы, как спичку, срезали толстенную сосну. Взрывной волной выбило окошки в землянке, но усталые девушки так крепко спали, что ничего не слышали. Только утром, обнаружив на своих постелях битое стекло, щепки, комья земли, они, было, возмутились чьим-то хулиганством, но, выйдя из землянки и увидав результаты бомбежки, удивились: такую бомбежку не услышать! А если бы попала бомба в землянку?!. Пали бы боевые подруги, как говорится, смертью храбрых.

Все это время телеграфистки работали в две смены. Часть связистов следовала за передовыми частями и развертывала связь на новых местах. Те, что были под Козельском, — поддерживали связь с ними и тылом. Наступление продолжалось, работы было много, тем более, что оставшиеся телеграфисты должны были обеспечивать не только работу узла связи, но и нести внутриполковую службу. После памятной ночи в наряд на кухню пошли Рая Хмелевская и Зина Гоморева. Занимаясь кухонными делами, девушки продолжили начатый накануне разговор.

— Я тоже все время вспоминаю довоенную жизнь и начало войны... — говорила Зина. — Нас в семье было пятеро детей. Папа работал врачом, а мама — растила нас, присматривала за дедом и бабушкой... Жили мы в Смоленске. Там я окончила среднюю школу и устроилась на курсы телеграфистов в Центральном телеграфе. Работала на Бодо. В 1937 году меня перевели на узел связи в штаб Белорусского Военного округа, а в тридцать девятом штаб переехал в Минск. Пришлось мне распрощаться с лю-

бимым городом. Знаешь, когда поют: «Любимый город, может спать спокойно...» — я плачу и вспоминаю Смоленск. В Минске стала работать в штабе ВВС. Началась война, я была дома. Вдруг ночью вызывают на смену. Не сказали, что война. Пришла на узел в старом ситцевом платье, в тапочках, с собой взяла только сумочку с мелочью... Домой уже так и не вернулась. Горько плакала, что остались там только что сшитое платье и 700 рублей, собранных по копейке на покупку туфель и пальто... А как работали в первые дни войны! Пять минут у аппарата... Бомбят... Бежим в убежище. Кончили бомбить — опять к аппарату. И снова бомбят! Опять прячемся... Кормили нас, чем придется. 24 июня начали свертывать связь. Из парка Челюскинцев ехали на машине с аппаратурой. Когда на очередной стоянке стали бомбить, переехали в Могилев... — Зина говорила медленно, в такт срезаемой кожуры. Бросая очищенную картофелину в ведро с водой, на минуту умолкала. Потом снова продолжала свой неторопливый рассказ: — Помню, в Могилеве стали нас кормить за длинным столом. Налили в алюминиевые миски горячего супа и дали по куску хлеба, а тут — бомбежка. Схватила я хлеб — и бежать в щель. А дело было ночью, холодно. Съела хлеб — и так жалко стало не съеденного супа. От холода начала дрожать, выбивая зубами дробь. Рядом сидел капитан Парнас. Снял он с себя свою кожанку и мне на плечи накинул. Закуталась, согрелась. Слышу, в кармане кожанки что-то шуршит. Проверила — пачка печенья. А есть хочется — кусок хлеба только растравил аппетит. Стала я отламывать печенье... Так по кусочку за ночь всю пачку и съела. Когда не бомбили, мы устраивались спать под машинами — там, казалось, теплее, а главное — не страшен был случайный дождь...

Рая отложила нож, обеими руками перемешала в ведре очищенную картошку, слила воду под куст, налила в ведро чистой воды, еще раз перемила картошку и стала перекладывать ее в кастрюлю. Зина принялась резать картофелины на дольки (для супа) и снова продолжила свой рассказ:

— Из Могилева переехали в Смоленск, остановились в лесу, около аэродрома. Думала, может, в последний раз в своем любимом городе, может, не увижу больше своих родных, надо отпроситься на пару часов. Отпустили. По городу шла и не узнавала его — пустой, на улицах ни души. Добралась до

своего дома — цел! А родных никого нет. Сунула в дверь записку и побежала обратно...

Картошку порезали, высыпали в котел полевой кухни с кипящей водой. Зина бросила туда несколько горстей соли, деревянной веселкой размешала варево, своей ложкой попробовала на соль. Убедившись, что посолила хорошо, закрыла крышку кухни. Захватив ведра, Зина и Рая пошли к реке. Зина все еще жила воспоминаниями и продолжала рассказывать:

— Из Смоленска нас перебросили в Касню. Ты помнишь, Рая, как мы жили в Касне? — Рая, кивнув головой, зачерпнула ведром чистую, прозрачную воду из реки. — Так вот, в Касне, — набрав воды, девушки отправились обратно, — мы жили три месяца. Сначала было тихо. После работы вечерами пели, танцевали. Днем в свободное время ходили в соседнюю деревню за молоком и картошкой, стряпали, другими делами занимались — мылись, стирали. А потом снова начались бомбежки, сосны и ели выворачивало вверх корнями... Там погибли две наших телеграфистки. Помнишь это, Рая?

— Как же не помнить, Зиночка? Все помню... Но ты рассказывай, я внимательно слушаю и по-новому переживаю все, что было в начале войны.

— Так на чем я остановилась?

— В Касне нас снова стали бомбить...

— Зверски бомбили!.. Потом нас еще стали посылать рыть окопы, но вскоре мы уехали из Касни и какими-то окольными дорогами-проселками добирались до Москвы. В Москву нас не пустили, пока не выяснили, кто мы... Какая тогда Москва была, помнишь? Дома закрашены пятнами, витрины завалены мешками с песком...

— Да, да!.. — откликнулась Рая. — И аэростаты над домами, окна крест на крест заклеены белыми полосками, ночью затемнение, тьма повсюду — глаз выколоть можно...

— Со мной тогда смешной случай произошел, — усмехнулась Зина. — Послали меня однажды с каким-то документом к начальству на другую улицу. Я пошла, в чем была: в шинели, платке, рваной юбке и тапках. На улице меня задержал патруль. Привели в комендатуру, спрашивают: кто я, куда и зачем шла? А

я и сказать не могу — боюсь военную тайну выдать. Но все же выспросили. Позвонили в штаб. Лейтенант Черепанов за мной приехал.

— А я помню, как в Москве Птицын достал пять билетов в театр им. Вахтангова и дал мне, Гене Артишевской, Вере Слончаковой, Лёле Шапчиц и Тане Алексеевой. Мы принарядились, кто во что мог, и пошли. Что смотрели — уже не помню, но ощущение праздника осталось в памяти...

— Да, — подхватила Зина. — Птицын очень заботливый командир. Когда мы в Алабино переехали, первое время было очень трудно. Расселились по хатам. Постелей не было, белья не было. Вши завелись... Мы бегали к болотцу вытряхивать паразитов... В свободное время копали окопы, строили шалаши... Совсем обносились. И нам выдали ватные штаны и огромные сапоги. Увидел нас такими Птицын, возмутился: «На кого вы похожи?!» Выхлопотал сносную форму, послал в Москву за парикамахером для нас...

Из лесу показался строй девушек. Утренняя смена возвращалась с дежурства. Пора было раздавать обед.

Июль подходил к концу. Фронт ушел далеко на запад. На телеграфе работы было мало. В ночную смену совсем нечего было делать. Телеграфистки, сидя за своими аппаратами, переговаривались, шутили, рассказывали, кто что вспомнит, а то и просто сказки рассказывали про всякую чертовщину.

Однажды Тэна вышла ночью из телеграфа. В лесу — темень непроглядная, деревьев в двух шагах не видно. И вдруг в нескольких метрах от себя она увидела два красных глаза на высоте в два человеческих роста. Первое, что ей пришло в голову — черт... Вот здорово! Пошла к нему — проверить, какой он... и стукнулась о кузов машины. На телеграф вернулась, хохоча:

— Девчонки! Я чуть было с чертом не познакомилась, да он в машину превратился...

К шести часам, как водится, — повело: Тэна стала дремать, потом положила локоть на стол, а голову — на локоть... И заснула. Проснулась вдруг от нестерпной боли: кто-то дернул ее со страшной силой за косу.

— Ах ты, черт!.. — выругался техник Федя Девочкин, который включил СТ-35, чтобы отрегулировать его работу, и не заметил, что коса девушки попала на вращающийся регулятор. — Разложила тут свои косы!

Тэна охала и морщилась, пока Федя выпутывал ее волосы из регулятора. Его злость быстро прошла, и он сочувственно ворчал на Тэну за ее беспечность. Наказана она была потерей половины косы — большой ком волос пришлось выбросить; кожа на голове болела целую неделю.

В конце июля смена, закрывавшая связь на телеграфе под Козельском, простилась с сосновым бором. На этот раз ехали днем. Настроение у всех было хорошее — девушки всю дорогу балагурили, пели. Проезжая через деревни, во весь голос орали разудалую «Калинку». Жители встречали их радостными улыбками и приветливо махали руками.

В село Зиновино прибыли под вечер. Их разместили в большом деревянном сарае. Прошло полчаса — и сарай стал неузнаваем: на чисто вымытом полу ровным рядом расположились аккуратные постели. У многих появились подушки — подарки сердобольных хозяек, — байковые одеяльца, простыни, марлевые занавесочки, покрывала на подушках — женская натура брала свое на фронте. Несколько консервных банок с цветами венчали организацию уюта. Только разместились, пообедали и — на смену. По деревне шли с песней мимо высыпавших на улицу женщин и ребятишек.

В конце деревни кто-то «засек» огород с огурцами. Это было невиданное чудо — огурцы! Ночью, вернувшись со смены и поужинав, самые отчаянные совершили налет на грядки. Тэна была среди них. Ползая по-пластунски, она ощупывала низкие шершавые кустики, и, обнаружив пупырчатый, с палец величиной огурчик, обрывала его и совала за пазуху. До утра в сарае под приглушенное хихиканье солдаты с косичками хрумкали огурцы. А наутро (о-хо-хо!) ограбленная хозяйка подняла шум. На общем построении замполит полка с возмущением и презрением клеймил жалких воришек. На вопрос: «Кто это сделал?» из строя вышли все виновницы. Им всем объявили по три наряда вне очереди на кухню. Стыдно было до слез. Задним числом стало жалко хозяйку и ее трех ребятишек. Посоветовавшись, вся смена от-

дала им свой суточный хлебный паек, напилили дров, натаскали воды, а когда получили «табачный» паек — сахарные подушечки, тоже отдали детям ограбленной хозяйки. Кроме того — каждый день «воришки» по двое ходили в свободное от смены время поливать грядки со злосчастными огурцами, большинство из которых, как ни странно, уцелели от набега. Хозяйка, оттаяв от огорчения, объяснила, что огурцы предназначены для засолки и будут существенным подспорьем к скудному меню семьи зимой. Виноватые только вздыхали удрученно, прятали глаза да шмыгали носами.

Вечером 5 августа, когда смена отдыхала перед ночным дежурством, в сарай зашел замполит. Он был взволнованно-торжественный. Подошел к столику, на котором стоял букет полевых цветов, сел на табурет и улыбнулся девушкам:

— Знаете, зачем я к вам пришел?.. Не знаете. А я принес вам прекрасную новость: Совинформбюро сообщило по радио, что сегодня вечером столица нашей Родины Москва будет салютовать частям доблестных войск Брянского, нашего Западного и Центрального фронтов, занявших Орел, и войск Степного и Воронежского фронтов, занявших Белгород. Вы представляете, девушки, какая это победа! После такого мощного удара немцам уже не оправиться. Мы погоним их все дальше и дальше. Близок день, когда наши войска освободят Беларусь. — Замполит умолк и горестно вздохнул.

Девушки, оживившись при известии о московском салюте, тоже примолкли. Они знали, что у замполита в Орше остались жена и двое детей. У многих телеграфисток родные тоже остались на оккупированной территории, живы ли они?..

НА СМОЛЕНЩИНЕ

После освобождения Орла и Белгорода войска Западного фронта продолжали теснить врага на запад. Готовился следующий удар — освобождение Смоленска... Перед связистами стояла сложная и ответственная задача: в условиях продолжающегося наступления обеспечивать непрерывную связь иттурмовой и бомбардировочной авиации, действовавших вблизи переднего края.

В.Е. Кояндер

2 октября был освобожден Смоленск... Телеграфисты снова погрузились на машины и — в путь. Дороги, по которым они ехали, деревни, мимо которых проезжали, были еще недавно оккупированы и теперь освобождены. На обочинах дороги лежали не захороненные трупы фашистов. Один из них лежал в кювете ногами к дороге. Голова была закинута назад, ветер шевелил светлые волосы над бледным лицом. Шутники-пехотинцы приложили его руку к голове — козырай, мол, фриц, русскому солдату! Покойник был в темно-зеленом кителе, но без брюк и подштаников. Девчата, увидев немца в таком виде, расхохотались было, но потом застеснялись своего веселья — все-таки это был мертвый человек, хоть и враг.

В деревнях избы были почти все сожжены, над огородами среди пепелищ высились закопченные печи с длинными трубами. У печей хозяйничали почерневшие крестьянки, да чумазые ребятишки копошились на пожарищах. Картина была гнетущая. Девушки смотрели по сторонам, потрясенные, не разговаривали, не пели — было не до шуток, не до песен.

Когда прибыли на место дислокации в деревню Усохи, началось дивное бабье лето. Девушки расположились в бывшем немецком «шалаше» из бревен, поставленных «крышей». Бревнами был ограничен проход вдоль всего строения, а также каждое «спальное» место. Старую солому выгребли и сожгли, полати застелили свежим, хорошо высушенным сеном — скосили на поле перестоявшую траву, вместе с васильками и ромашками. Под-

разделение было размещено в большой осиновой роще, как остров возвышавшейся среди волнующегося под ветром травяного моря. Толстые, прямые бледно-зеленые стволы осин венчали шапки из трепещущих на тонких черешках листьев. Была середина октября, и роща с каждым днем становилась все прекраснее. Темно-зеленая листва бледнела. В одно прекрасное утро вспыхнула желто-красно-фиолетовым костром. Тэна никогда не видела такого буйства осенних красок, не могла сдерживать про себя восторг от окружавшей ее красоты. То и дело слышались ее ахи:

— Ах, девочки, посмотрите, какая прелесть эта осинка!.. Посмотрите, посмотрите — эти деревья в огне!

Бабье лето растелило на травах свои паутинные холсты, а утренние туманы навесили на них алмазные росинки, переливавшиеся всеми цветами радуги в лучах восходящего солнца.

Как-то после ночной смены Тэна решила прогуляться вокруг рощи. Позавтракав, она, никого не предупредив, потихоньку улизнула из подразделения. Опыаненная свежестью ясного осеннего утра, брела она по полю, любовалась и не могла налюбоваться милой прелестью родной природы. В подразделение вернулась часа через два и испугалась: кругом ни души. Она знала, что полк уже готовился перебазироваться... Мелькнула ужасная мысль — уехали на новую точку! Но подойдя к своему «шалашу», услышала вдруг голос старшины Бардаха, который нудно и монотонно читал вслух ее смене Устав воинской службы. Тихо, стараясь не обратить на себя внимание, Тэна шмыгнула в помещение и присела рядом с Шурой.

— Что он надумал читать нам устав? — спросила подружку шепотом.

— Из-за тебя, — шепнула ей на ухо Шура. — Где ты была?

— Гуляла... А что?

— Знаешь, какой был переполох?!. Карташова пропала!.. В самоволку ушла!.. — усмехнулась. — Ох и влетит тебе.

— А-а!.. — махнула Тэна рукой. — Подумаешь, погулять нельзя.

Вскоре, слушая монотонный голос Бардаха, Тэна задремала. Встрепенулась, когда старшина строго ее окликнул:

— Карташова, встать!

Она поднялась и от души зевнула.

— За самоволку — два дня гауптвахты!

— Есть два дня гауптвахты! — лихо козырнула Тэна, хотя и была без пилотки, и расхохоталась.

Старшину Бардаха в роте не любили и не уважали. Он был несправедлив, заносчив и, говорили, нечист на руку. На гауптвахте Тэне сидеть не пришлось. Приказав комсorghу отделения Зине Баденской снять с провинившейся ремень и сопроводить на «губу», Бардах отправился искать подходящее для такой функции помещение, но все землянки были без дверей и полуразрушены. Пришлось старшине заменить наказание — послал Тэну во внеочередной наряд на кухню. Это было единственное наказание, полученное ею в полку.

Через пару дней у Тэны пропали сапоги, месяц назад выданные ей вместо осточертевших сорокового размера, — маленькие, по ноге, аккуратные женские сапожки. Она надышаться на них не могла. И вдруг — пропали. Бардах выдал ей другие — и опять «сороковики». И что удивительно — даже не отчитал ее за потерю казенного имущества. Вскоре Бардаха накрыли в деревне, когда он менял на самогон солдатские вещи. Туда же, наверное, по самогонной реке и уплыли Тэнины сапожки. Вора-старшину разжаловали и направили в штрафную роту.

В конце октября пошли дожди и смыли осеннюю красоту. Листья с осин как-то вдруг опали и покрыли землю бурым шуршащим, а после дождей — скользким ковром. Ночью то там, то тут засветились зеленоватым призрачным огнем гнилые пни. Смена, закрыв связь в Усохах, выехала на соединение с полком. Штаб армии к тому времени находился уже в Алексино.

На новом месте связисты разместились по-разному: одних поселили в избах, которые немцы не успели сжечь, других — в немецких землянках, одна из которых была офицерская. Стены и потолок в ней были обиты тонкими белыми стволиками молодых березок, а пол выстлан «паркетом» — шестиугольниками из березовых кругляшей. Хотя землянка была чистая, уютная и теплая, но все равно жалко было красавиц-берез, загубленных гитлеровцами.

Рядом с землянками бурело огромное поле, засаженное брюквой для немцев. Они не успели ее ни вывезти, ни уничтожить, и жители деревни дружно выкапывали крупно-желтые, сладкие кор-

неплоды — ели их сырыми, вареными и пареными. Связисты не отставали, так как солдатская кухня не баловала овощами, хотя кормила сытно и достаточно вкусно. Даже американская консервированная колбаса попадала в солдатский котелок по праздникам. Но брюква оказалась очень кстати — она заменила собой овощи и фрукты.

Брюква даже спасла однажды землянку от пожара. В тот вечер телеграфистки спали перед ночной сменой. Вдруг раздался пронзительный визг... Одна из девушек вскочила с нар и, увидев пылающий стол, загоревшийся от опрокинутой коптилки-гильзы, схватила спросонок с пола шайку с помоями и очистками от брюквы и вывернула содержимое на стол. Очистки сбили огонь. Пожар не состоялся. Но будь в шайке только вода, пожар так легко не сдался бы.

Узел связи расположился в Алексино в помещении бывшей помещицкой усадьбы. Наступление на смоленском направлении продолжалось, и работы было много. Из-за осенней непогоды связь часто нарушалась, пропадала, провода «землили», как говорили техники, и это очень нервировало всех. Тэна, чтобы успокоиться, в таких случаях замыкала ключ морзянки пальцем, принимая на себя постоянный ток напряжением в 80 вольт — можно сказать, занималась электротерапией. И помогало! Успокаивалась и терпеливо ждала восстановления нормальной связи. А связь нарушалась очень часто. Техники телеграфа еле успевали регулировать «барахлящие» аппараты. Им на помощь частенько приходила техник телеграфного кросса старшина Шапчиц.

Людмила Георгиевна или, как ее звали телеграфисты, Лёля Шапчиц, была техником связи с 1934 года. Среднего роста, женственная, спокойная, с приятным не броским лицом, обрамленным светло-русыми волосами, в форменном темно-синем платье, она всю войну работала на телеграфе в две смены и была незаменимым работником кросса — сердца и мозга телеграфа, от работы которого зависела вся проводная связь штабе 1-й ВА. Во время войны выучила и воспитала в полку двух прекрасных техников: Федю Девочкина и Костю Градова, которые стали ее надежными помощниками.

Выросла Лёля в многодетной семье лесного объездчика. Отец умер, когда ей было семь лет, а на руках у матери — культур-

ной, степенной женщины — осталось пятеро детей. Жалованье отца — 40 рублей — уходило на жизнь, и после его смерти не осталось никаких сбережений. Мать вынуждена была отдать троих детей в детдом. Старшая сестра, к тому времени окончившая гимназию, работала учительницей. Вскоре она перешла на работу в этот детдом. Лёлю мать оставила с собой, воспитав ее скромной, трудолюбивой, совестливой и такой же строгой, какой и сама была. В деревне Мостище, где они жили, не было школы, и семья переехала сначала в Бобруйск, а затем — в Смоленск. Там Лёля закончила семилетку и техникум связи. Два года проработала техником Бобруйского телеграфа, обслуживала аппараты Морзе и Клопфер (работал как аппарат Морзе, но без записи знаков на ленте, требующий приема на слух), Тримля — предшественника СТ-35. Инженер Голованевский помог ей освоить аппарат Бодо и пообещал, если она подготовит себе смену, перевести ее в Минск. Смену Лёля подготовила через полгода. В 1936 году ее перевели в Минск.

В Бобруйске на телеграфе Лёля прошла отличную школу, и в Минске ей было работать легко и интересно.

В тридцать девятом году пришло письмо из Смоленска от сестры, которая настойчиво звала Лёлю домой. И Лёля была не прочь поехать к своим — трудно было жить одной. Но она боялась, что ее не отпустят с работы. Все же решилась — подала заявление. Через три недели (по закону), несмотря на сопротивление главного инженера, технику Шапчиц Л.Г. разрешили переехать в Смоленск, где Лёля устроилась техником связи в штаб ВВС Западного Военного Округа. Там она познакомилась со своим будущим супругом Вячеславом Андреевым. Будучи еще красноармейцем, он обслуживал аппараты узла связи штаба ВВС, а после службы остался в армии вольнонаемным инженером связи. Вскоре штаб ВВС переехал в Минск. Так Лёля опять оказалась в Беларуси.

22 июля сорок первого года Лёля, как обычно, пришла на смену. На узле в тот день с нею дежурили лейтенант Андреев и инженер младший лейтенант Ермаченков. Большая часть связистов была на учениях. Лёлю удивила суета. Командиры штаба ходили взволнованные, у телеграфисток был испуганный вид. На кросс зашел помощник начальника связи Кояндер и сказал:

— Война, Лёля, началась... Война!

— Конечно, — поддержала Лёля разговор, — раз идут учения, то как их еще можно назвать, как не войной...

— Нет, — перебил ее Кояндер, — война с немцами!

И тут послышался волнами приближающийся грохот. Лёля подбежала к окну и увидела, как начали бомбить район улицы Садово-Набережной, за штабом ВВС. Загорелись деревянные дома. Телеграфистов домой уже не отпустили. Срочно вернулись с учений ребята-связисты, начали готовить узел связи к эвакуации. Связь оставалась только с Москвой по Бодо. Андреев достал машину, погрузили на нее аппаратуру, посадил Лёлю, техника Пашутина, которому камнем от взрыва бомбы повредило руку, молоденькую девушку из экспедиции. Он велел им ехать в Оршу. А сам с Ермаченковым остались держать связь с Москвой.

В двадцати километрах от Минска машину остановил патруль, посадили раненых — грязных, угрюмых, приказали довести их до Орши и сдать в госпиталь. Доехали до Орши — город бомбят. Решили ехать дальше. Смоленск тоже бомбили. В Доме Красной Армии пытались узнать, где штаб ВВС — их направили в военный городок. Там Лёля с попутчиками пересидели в подвале бомбежку. На пятый день пути их отыскал Кояндер, с которым они и приехали под Вязьму.

Андреев и Ермаченков еще полдня держали в Минске связь с Москвой. Когда связь пропала, они тоже выехали в Вязьму. Из-под Вязьмы связисты, которые там были, переехали в Касню, а затем — в Москву.

Еще до войны в Смоленске Андреев стал проявлять к Лёле интерес не только как к собрату-связисту, но и как к миловидной девушке. Он был умным парнем, веселым. И специалистом прекрасным, внимательным помощником. Но!.. Был женат. Лёле он тоже нравился, и даже очень, однако она не смела и думать о нем более серьезно, чем как о товарище по работе. Да и кое-какие черточки его характера иногда коробили. Ее шокировали мальчишеские выходки Вячеслава, и она старалась не реагировать ни на его комплименты в свой адрес, ни на внимательные взгляды, ни на охи-вздохи по причине ее хо-

лодности. Так продолжалось до войны. И только война заставила Лёлю изменить свое отношение к Андрееву. Его постоянная близость в тяжелых условиях отступления, напряженная работа во время битвы за Москву показали ей качества этого человека словно в увеличительное стекло — и его отношение к ней все более горячее, все более заботливое, родственное, сломали в ней «барьер невозможности». Она полюбила Вячеслава первой и единственной любовью. Всепоглощающей и требовательной любовью, нежной и возвышающей. Не было рядом ни ее родных, ни его семьи. Война отбросила их из сознания в далекое довоенное время. Были только их настоящее и будущее. Андреев подал рапорт командиру полка с просьбой разрешить ему жениться на Елене Георгиевне Шапчиц, технике полка связи. Не сразу, но разрешили. В день рождения Вячеслава, 24 января 1943 года они поженились.

Каждый имеет право на свое мнение. Женитьбу Андреева и Шапчиц по-разному восприняли в полку. Кто знал их ближе — сочувствовали и радовались их счастью, но кое-кто и осуждал. Женитьба оказала благотворное влияние на Андреева — стал сдержаннее в своих поступках, исчезли легкомысленные порывы, и на работе был спокойный, сосредоточенный: обострилось инженерное чутье. Он постоянно что-то исправлял на кроссе, усовершенствовал. Его детищем стал Бодо в чеходах и дуплекс-СТ-35.

21 сентября Лёля родила сына. А было все так. Только что завершилась битва на Орловско-Курской дуге. Узел связи еще не свернули под Козельском. Лёля шла ночью со смены, в темноте споткнулась и упала на живот. Днем ее знобило, но на следующую ночь она еще пошла на дежурство. На узле связи у нее начались схватки. Привезли на мотоцикле из штабного госпиталя врача. Он констатировал роды: «Немедленно в роддом!» Роженицу посадили в самолет и доставили в Алабино. Вячеслав вернулся, а Лёля родила и около двух месяцев была с сыном в отпуске. В демобилизации ей отказали. К тому времени освободили Смоленск. Лёля оставила сына на попечение матери и двух сестер, а кормилицей сына стала детский врач, которая тогда же родила дочку... Сына Анд-

реевым отдали только через три года, когда они после войны получили в Минске квартиру.

В Алексине очень часто нарушалась связь со штабом тыла — вторым эшелон — и, поскольку он находился недалеко от телеграфа, телеграфистов посылали с депешами туда пешком. Однажды и Тэне довелось побыть курьером. Путь ее лежал сначала через парк с вековыми черными липами, потом — по лугу, через ручей, и наконец — надо было одолеть еловый лесок. Днем эти походы ей даже нравились: старые липы покачивали своими голыми ветвями, роняя на землю крупные сладкие семенокрылатки, и Тэна набирала их полный карма и грызла как семечки. Луг — болотистый, и трава, вернее, осока, пробивалась сквозь мох. Идти по лугу было мягко, как по толстому ковру. В лесу — сумрачно и тихо, пахло хвоей и грибами. Ночью тут было менее приятно: липы, казалось, обступали дорогу со всех сторон, как грозные великаны, листья под ногами шуршали таинственно, и Тэне казалось, что кто-то крадется за нею следом. Луг ночью тоже терял свою привлекательность. Сырой холодный туман забирался за шиворот, лез в рукава, лицо и руки покрывались влагой, маленький карманный фонарик не пробивал толщу тумана и, чтобы видеть тропинку, приходилось руку с фонариком опускать как можно ниже и идти согнувшись. Тут, на лугу, девушка испытала неожиданный страх: вдруг что-то мокрое, холодное стукнуло ее по щеке. Потушив фонарик, она присела, прижав к себе противогаз, где лежали депеши, прислушалась. Было тихо. Лишь слышался стук своего сердца. Сколько можно сидеть — встала, сделала шаг, как тут же снова «что-то» мазнуло ее по щеке. Тэна отпрянула и ужаснулась: а вдруг это немец! Вот так убьет, заберет телеграммы, она даже защититься не сможет. Что же делать? Не сидеть же в этом болоте всю ночь — телеграммы надо доставить срочно!.. Ладно — решила: если нападут — будет драться кулаками, ногами, кусаться, кричать... В штабе, может быть, услышат... И, протянув поднятую руку вперед, шагнула еще раз. Это «что-то», мокрое и холодное, оказалось провисшим кабелем. Чертыхнувшись и плюнув с досады, Тэна пошла дальше уже без приключений.

В штабе тыла постоянно дежурил один телеграфист. На этот раз дежурной оказалась симпатичная незнакомка, пышноволосая, полногрудая. Из-за отсутствия связи девушка, похоже, скучала и, ожидая курьера, рисовала на телеграфном бланке детские толстые мордашки, веточки с яблоками да вишнями. Познакомясь с нею, Тэна рассмотрела ее рисунки, которые очень понравились, тем более, что она сама любила рисовать. В новой знакомой она почувствовала родственную душу. Это так обрадовало, что она, нарушая дисциплину, проболтала с Кларой Фирсаковой — так звали девушку — целый час. Обратно бежала сломя голову.

Клара оказалась тоже дочерью офицера штаба. Она была в полк из учебной роты в конце сентября с двумя подругами — Элей Птицыной и Лилей Константиновой. Этих девушек Тэна знала еще до войны. Они жили в Минске в одном доме, учились в одной школе, но в разных классах. Клара до войны жила в Смоленске и познакомилась с Элей и Лилей только в учебной роте. Итак — Тэна познакомилась с Кларой. Но дружба их была впереди...

Вечером 2 октября, когда смена пришла на ночное дежурство, узел связи встретил девчат ликованием: наши войска освободили Смоленск и Рославль!

Приближалась зима. На фронте наступила длительная пауза. Штаб перебазировался под Смоленск в деревню Сырокоренье. Туда же переместились и связисты, расположившись в пяти километрах от штаба в деревне Михайловка. Часть полка осталась в Алексино до января 1944 года закрывать связь. Работы было мало. Ночью телеграфисты буквально дремали за своими аппаратами. Вторично Тэна поплатилась за сон в аппаратной. Она уснула, сидя на ребре скамейки, прижавшись спиной к теплой печке. Услышав «зов» своей морзянки, она вскочила на ноги и не почувствовала их под собой — со всего роста грохнулась на пол... Надо же, обе ноги отсидела! Еле-еле добралась до аппарата.

Ночные смены были тяжелым испытанием и для девушек, и для ребят. Каких курьезов только не случалось! Однажды Клава Ковалева задремала, передавая разведдонесение, заключив его словами: «...война кончилась. Ковалева». Очнувшись и прове-

рив переданную депешу, громко рассмеялась, позабавив своим сообщением всю смену. А Леша Лапшин приспособился в короткие перерывы в работе дремать, заслоняясь газетой, будто бы читает. Как-то раз, устроившись «читать» стоя, прислонившись к стене, он упал на пол, после чего был высмеян в «Боевом листке».

Зима наступила снежная, вьюжная. Дороги заметало большими сугробами, и связисты пробирались к узлу связи, а потом и домой, по пояс в снегу. Пользуясь затишьем в работе, телеграфистки готовились к зачету на классность и к Новому году. Тэна и ее подруги успешно сдали зачет и стали телеграфистками первого класса. Их наградили почетным значком «Отличный связист» и присвоили звание старший сержант.

Новый год решили отметить с елкой. Украшение делали всей сменой из фольги (ради этого раскурочили испорченный конденсатор), цветных телеграфных бланков и телеграфной ленты. За елкой отправились двое — Тэна и Леша Горшков. Выбрали высокую, пушистую и ужасно тяжелую: вдвоем еле дотащили. Ребята установили елку в просторном зале аппаратной. Оттаяв, она заполнила весь зал свежим, острым еловым запахом. Вот так же первая елка в 1936 году заполнила смолистым ароматом небольшую комнату в довоенной квартире Карташовых. На эту, телеграфную елку даже лампочки повесили, питавшиеся от аккумулятора. Ужин под Новый год принесли на телеграф. В честь праздника всем выдали табачный паек — конфеты — и фронтовые сто грамм. Раньше девушки отдавали водку ребятам, на этот раз решили воспользоваться спиртным сами, чем явно огорошили своих товарищей... Захмелев, неискушенные «пьяницы» закужились в веселом хороводе вокруг елки, распевая детскую песенку «В лесу родилась елочка». Из малого зала время от времени выглядывали дежурившие у аппаратов связисты и на минутку другую включались в общее веселье. Из флигеля на телеграф пришел «штатный» баянист — радист Коля Пронин. Начались танцы. Томное танго сменялось стремительным фокстротом, вальс следовал за вальсом, за «бальными» танцами последовали цыганочка, барыня, гопак, лезгинка... Плясуны, раскрасневшись, выделяли одно коленце замысловатее другого. Тэна тоже пустилась вприсядку, выкидывая в сторону то одну, то другую ногу, обутые в огромные валенки, пока не плюхнулась на пол — прямо под елку...

Молодежь веселилась от души, с наслаждением. Солдаты могли себе позволить такое веселье — советские войска гнали фашистскую нечисть с родной земли.

По аппарату Тэна познакомилась с девушкой из авиачасти, расположенной недалеко от Алексино, и в один из свободных от работы дней решила навестить Катюшу Дузеву, свою новую подругу. Расспросив у линейщиков дорогу в эту часть, Тэна заявила в гости. Катя с Аней Синельниковой — тоже знакомая Тэне по аппарату — были искренне обрадованы неожиданным визитом соседки. Как раз и у них в этот день не было работы, и втроем пошли гулять по деревне, зашли к ребятам, у которых был фотоаппарат, и сфотографировались на память. А через несколько дней лейтенант Розет, друг Катюши Дузевой, принес Тэне долгожданные снимки.

Вскоре связь в Алексино закрыли. Телеграф свернули — и в Михайловку. Снега были такие, что машины на некоторых участках дороги шли в снежном коридоре, стены которого высились даже над головами людей, сидевших в кузове поверх ящиков с техникой. Не раз приходилось телеграфистам высаживаться, прорубаться лопатами сквозь сугробы и наметы. Если бы не эта работа, солдаты в своих шинельках намерзли бы за дорогу, а так, наоборот, разогрелись, разругманились, развеселились.

В Михайловке расселились у местных жителей. Тэна, узнав, в какой избе расположилась Шура Артеменкова, попросила и ее к ней подселить. Шура только что вернулась со смены и ужинала, когда в избу зашла Тэна. Сунув котелок под подушку (чтоб не остыл), Шура бросилась в объятия Тэны. Обе соскучились друг по другу. Присев на край нар, долго делились впечатлениями прожитых дней. Шура рассказала, что первое время в Михайловке жилось тревожно. Каждую ночь над селом пролетали немецкие самолеты — бомбили Смоленск. И почти каждую ночь в той стороне полыхало зарево.

Зимнее затишье на фронте начальство полка использовало для активных занятий личного состава: свободные от дежурства и нарядов связисты занимались строевой подготовкой, вникали в премудрость воинского устава, на политзанятиях изучали приказы Верховного Главнокомандующего. Тэна записалась в группу по подготовке к вступлению в партию, изучала историю, ус-

тав и программу ВКП(б). Ей осенью исполнилось 18 лет. Она считала, что вступление в партию — естественный шаг в ее жизни. Весной все, кто занимался в группе, были приняты кандидатами в члены ВКП(б). Все — кроме Тэны... Это был удар! Девушка болезненно и оскорбленно переживала это несправедливое (с ее точки зрения) решение парткомиссии. Парторг полка успокаивал:

— Молода ты еще для партии, — говорил он сочувственно. — Надо бы еще в комсомоле себя лучше проявить... Дадим поручение посерьезнее и посмотрим: как справишься, тогда и в партию можно будет принять.

Тэну назначили агитатором в линейный взвод. Она еженедельно проводила там политзанятия и удивлялась, как серьезно солдаты относятся к этим занятиям — вскакивают и вытягиваются по стойке смирно, когда их вызывают отвечать на вопросы, как четко, с готовностью отвечают. На смене ей поручили выпускать «Боевой листок». Стенная газета с тех пор стала ее постоянным общественным делом.

Однажды в руки Тэны попал школьный учебник — задачник по алгебре Шапошникова. Она попыталась решить одну, вторую задачи и с ужасом убедилась, что все начисто забыла... Не только алгебру забыла, но и другие предметы. «Как же я училась? — с отчаянием думала Тэна. — Уже все забыто... Все! — И ей так захотелось опять в школу, за парту, за учебники, что даже всплакнула. — Скорее бы война кончилась!.. Вернусь в школу и буду так учиться, чтобы всю жизнь все помнить. Потом в Тимирязевку поступлю... Обязательно. Ведь я еще в восьмом классе думала об этом...» — мечтала она, листая задачник и сокрушенно вздыхая.

В Михайловке Тэна вдруг заразилась чесоткой (и не одна она). Сначала зачесался большой палец на руке. Фельдшер полка, которому она показала, сказала, что это не чесотка, а нервы. А эти «нервы» вскоре расползлись по всему телу. Серная мазь не помогала. Тогда Тэна отпросилась в штабной госпиталь. Там сестра поставила ее нагишом в большой эмалированный таз, большим ватным тампоном смазала всю ее раствором гипосульфита, дала ей флакон с соляной кислотой и велела, когда гипосульфит высохнет, до боли втирать солянку везде, где зудит. И —

чудо! — одного сеанса этой процедуры хватило, чтобы избавиться от пренеприятной, а главное — заразной болезни, от которой, как она где-то вычитала, умер какой-то римский папа.

Как-то после утреннего дежурства, выйдя из блиндажа, Тэна обратила внимание, что все, кто находился рядом с телеграфом, смотрят в небо. Там в лучезарной синеве кувыркался, выделявая замысловатые виражи, мертвые петли и другие упражнения высшего пилотажа маленький серебристый самолетик.

— Во дает!.. — восхищались одни.

— Кто же это позволяет себе такой кордебалет? — спрашивали другие.

— Как — кто!.. Да это же наш Громов! — произнес кто-то с гордостью.

«Громов?!.. — думала Тэна. — Вот он какой, Герой Советского Союза Громов, соратник знаменитого Чкалова, кумира довоенных мальчишек и девчонок, гордость советской авиации. Посмотреть бы на него не в небе, а на телеграфе, например. Вот бы потом можно было похвастаться перед Мартой и Мариной...»

Очень часто задумки девушки сбывались. Довольно быстро сбылась и эта: Громов пришел на телеграф, когда Тэна сидела за морзянкой на неотвественном проводе и работала «на себя». Генерал сел у аппарата Саши Сандаловой, тоже работавшей на морзянке. Ведя переговоры, он время от времени поглядывал на Тэну с явным неудовольствием. Она подумала, что ему мешает стук ее аппарата и убрала руку с ключа. Кончив переговоры, Громов спросил у нее:

— Девушка, почему вы так тяжело работаете ключом?.. Посмотрите, как легко и красиво работает ваша соседка!

— Я сорвала руку... — ответила Тэна. — Никак не избавлюсь от спазмов.

Громов вскоре ушел, а она долго еще переживала замечание генерала. Действительно, работа на морзянке никак у нее не налаживалась. Стоило поработать десять минут, ускорить темп, как рука деревенела, а ключ казался тяжелее чугунного утюга.

Наряды на кухню в Михайловке, где весь полк жил и столовался вместе, стали суровым испытанием. Одной воды за дежурство надо было натаскать из далекого колодца около десяти молочных бидонов. Носили их вдвоем на шесте. А сколько дров

напилить, наколоть! Но Тэна к тому времени уже настолько окрепла и закалилась, что без особого неудовольствия шла в этот наряд, только бы напарник не оказался хлипким. Однажды во время ее дежурства на кухню заглянул солдат из радиороты, прозванный Иваном Семеновичем-Неторопясь. Попросил напиться, ему ответили, что воды нет. Он не поверил, а идти к колодцу самому не хотелось — стал заглядывать во все емкости. В темном углу кухни на лавке стояло ведро с грязной водой, в котором только что сполоснули тряпки после мытья посуды и стола. Иван Семенович-Неторопясь обнаружил эту воду и, не спросив, какая она, стал пить, а когда распробовал, бросился вон, вытаращив глаза и надув щеки. Девушки, конечно, посмеялись от души, а Тэна потом всякий раз при встрече с ним спрашивала: «Водички не хочешь?»

Из Михайловки на телеграф и обратно ходили пешком. Пятикилометровая прогулка была приятна и полезна для телеграфистов, отсиживавших за аппаратами по восемь часов подряд. Тэна и Клара оказались в одной смене и быстро подружились, обнаружив много общего в своих взглядах на жизнь. В строю они становились рядом и весь переход увлеченно беседовали, благо начальник смены старшина Иван Петров смотрел сквозь пальцы на разговоры в стою и даже не без интереса прислушивался к ним. *(Может быть, это и были его первые профессиональные интересы. И. Петров уже в то время был спецкором армейской газеты, а после войны стал писателем, и одна из его книг «Будьте красивыми» — как раз о военных связистках.)*

Подружки, бывало, увлекшись обсуждением волнующего вопроса, разгонялись и оставляли строй далеко за собой, тогда Петров кричал им: «Карташова, Фирсакова, приставить ногу!» Или, заметив, что подружки отстали, настроившись на лирический лад, командовал: «Шире шаг, Карташова, Фирсакова!» Но однажды, когда смена шла домой после вечернего дежурства, старшина не заметил, что они сильно отстали и обнаружил пропажу двух солдат только в Михайловке. Распустив строй, Петров побежал обратно. И очень кстати: Тэна и Клара, убедившись, что они в поле одни, струхнули, запаниковали и стали метаться то в одну сторону, то в другую. И когда собрались зарываться в снег, чтобы не замерзнуть на ветру, увидели вдруг огонек фонарика, с которым бежал Петров. Ох, и влетело им!

Но официального наказания не последовало: Петров был рад-радехонек, что нашел их живыми и невредимыми. Но замыкающими их уже никогда не ставил.

Дорога из Сырокоренья в Михайловку была особенно хороша утром после ночной смены в тихую, ясную погоду. Разгорающаяся заря румянила небо и снежную равнину. Вдалеке голубела деревня, в розовеющее небо тянулись сиреневые, почти неподвижные дымки. Звенела под ногами снежная дорога, пар от дыхания оседал сединой на ресницах и кудряшках, выбившихся из-под серых шапок-ушанок. После духоты в аппаратной телеграфистки дышали с наслаждением чистым морозным воздухом. Зима подходила к концу, начались оттепели, дорогу развезло. Ежедневные прогулки перестали радовать, пока апрель не высушил лужи и не забрызгал молодую зелень полей золотыми кляксами одуванчиков.

Зине Гоморевой не спалось. Она тихонько вышла из хаты, весенний ветер дохнул на нее запахом распускающихся тополей. Ах, какой дивный, родной запах! Сердце защемило от желания оказаться в родной деревне под Смоленском на знакомой с детства улице под старыми тополями. «А что, — подумалось ей вдруг, — попрошусь у командира полка в отпуск, это же совсем рядом. Работы сейчас немного — может отпустить». Зина успокоила себя этой мыслью, вернулась в хату и сразу уснула.

Назавтра после смены она пошла отпрашиваться. Узнав, что ее дом находится в нескольких километрах от Михайловки, комполка вызвал мотоциклиста и приказал отвезти Зину туда и обратно. Достал карту, показал, куда ехать и отпустил их.

Ехали с «ветерком» по неровной, но уже просохшей дороге, мимо зазеленевших первой полевой травой незасеянных полей и черных полупустых деревенок. На место прибыли в полдень. Зина сначала не поняла, что за столб стоит у околицы, а под ним раскачивается какой-то мешок. Когда подъехали ближе, она поняла, что это не мешок, а труп. На груди повешенного была прикреплена дощечка с надписью: «Предатель!» Мотоциклист газанул — и виселица скрылась за первыми хатами.

Вот Зина и дома. Слезла с мотоцикла и, размяв затекшие ноги, вошла в калитку. Приоткрылась дверь — и на крыльцо

выбежала худенькая, в черном платке женщина и, всплеснув руками, бросилась к Зине:

— Доченька!

— Мама!..

Они обнялись и несколько минут стояли, покачиваясь и всхлипывая. Потом оторвались друг от друга — пошли в дом. В дверях Зина остановилась и позвала мотоциклиста — Колю — идти вместе с ними. Мать выставила на стол немудреный обед — миску щей из щавеля и чугунок последней картошки. Зина достала из вещмешка буханку хлеба, кусок сала и банку американской тушенки (сухой паек, полученный перед отъездом). После обеда мать стала рассказывать, как она жила всё это страшное время, как немцы расстреляли мужа еще в сорок первом. Они поплакали вдвоем — Зина о смерти отца не знала. Она спросила о соседях и знакомых, рассказала о себе... Пообещав часто писать матери и скоро вернуться, Зина послала Колю заводить мотоцикл, чтобы пуститься в обратный путь.

Однажды в Сырокоренье в клубе штаба армии состоялся концерт, гвоздем программы которого было выступление солиста ансамбля песни и пляски Западного фронта Николая Ворвулева. Высокий, стройный, симпатичный солдат, белозубо улыбаясь, исполнял одну за другой украинские народные песни. Не избалованные увеселениями связисты, отбили ладони, требуя еще и еще петь. Прозвучали так же совсем новые песни «Огонек», «О чем ты тоскуешь, товарищ моряк?», «На солнечной поляночке».

Вечером Тэна, переживая впечатление от концерта, особенно от выступления Ворвулева, стала делиться своими чувствами с Верой Слончаковой. Оказалось, Николай — довоенный знакомый Веры, ухаживал за ней, звал замуж, но она не захотела выйти за артиста, хотя ей он, конечно, нравился. *(После войны Николай Ворвулев из ансамбля перешел в Минский театр оперы и балета и завоевал искреннюю симпатию и любовь у многих минчан.)*

В Михайловке тоже был клуб, полковой, размещавшийся в одной из хат. Там время от времени устраивались вечера самодеятельности, иногда выступали артисты концертных бригад. Был

в Михайловке и полковой Дом отдыха. Некоторым телеграфисткам удалось в нем отдохнуть, в том числе и Нине Тарасовой, недавно получившей значок «Отличный связист» и повышение в звании — стала старшиной. Ее назначили начальником смены, а за активную общественную работу была награждена грамотой ЦК ВЛКСМ.

Как-то через руки Нины Тарасовой прошла телеграмма, в которой сообщалось, что разрешен прием девушек в школу стрелков-радиов. Нине давно уже казалось, что она мало делает для победы и мечтала попасть на более «горячую точку», и тут — эта телеграмма!

— Вот бы куда попасть! — открыла она свою мечту Шуре Голенковой, с которой тогда дружила.

— Под лежачий камень вода не течет, — подогрела ее порыв Шура. — Сегодня же пишем рапорта с просьбой перевести нас в эту школу.

Написали и отдали командиру роты Медведеву. Он — дальше по инстанции. Вскоре генерал Птицын вызвал телеграфисток к себе

— Так значит для вас работа связистов — это не настоящая работа?!. — встретил он Нину и Шуру гневным вопросом. — Да понимаете ли вы, что без нас, связистов, без связи не может существовать армия?!. Сопливые девчонки! Романтики вам захотелось?.. Жизнь надоела?!. Чтоб ничего подобного больше не писали. — Порвал их рапорта. — Идите!

Пристыженные, ушли они от генерала — было обидно, досадно, но пришлось смириться. А вскоре на узле связи подвалило работы.

С апреля 1944 года Западный фронт был переименован в Третий Белорусский. Приближалось лето сорок четвертого.

РОДНАЯ БЕЛАРУСЬ

...В конце апреля Верховное Главнокомандование приняло окончательное решение о проведении летней кампании, в том числе и Белорусской операции.

...Всего Белорусская операция должна была охватить огромную территорию — более тысячи километров по фронту от Западной Двины до Припяти, и до 600 км в глубину от Днепра до Вислы и Нарева.

Г.К. Жуков

В 6 часов утра 23 июня наша артиллерия открыла по противнику сокрушительный огонь. Началась крупнейшая операция — Белорусская, под названием «Багратион».

Е.В. Кояндер

В эту ночь Тэна была дежурной по телеграфу. Перед концом смены ее подменил за аппаратом свободный от работы техник, а она начала уборку: вытряхнула из мусорных ящиков обрывки телеграфной ленты и испорченные бланки, сожгла их, подмела и вымыла пол. Выливая за блиндажом грязную воду, слышала, как в группе штабных офицеров, стоявших у входа в блиндаж, кто-то сказал:

— На моих — шесть ноль-ноль... Сейчас начнется!

Все офицеры посмотрели на свои часы. И тут же за лесом загудело, завывало. Земля содрогнулась раз, другой, третий... Офицеры взволнованно пожимали друг другу руки:

— Началось!..

— «Катюши» заработали... Поздравляю!

Все они поспешили на телеграф. Их взволнованность передавалась Тэне. У нее задрожали ноги, когда она спускалась по ступенькам в блиндаж. Подбежав к своему аппарату, еле сдерживая слезы, крикнула:

— Девочки, наши наступают... Идем в Беларусь!

Как и всегда в первые дни наступления работы было так много, что смена пролетала, будто один час, и телеграфистки, обессиленные, усталые, но довольные, еле плелись в свое подразделение. Вскоре поток телеграмм спал, часть телеграфистов уехала вслед за фронтом открывать новый узел, часть осталась держать связь на старом месте, пока не наладят нормальную работу нового узла, а их не заменят тыловые части.

В один из таких дней Тэна узнала от Шуры Артеменковой, что погиб от шальной пули сын генерала Худякова Витя — первый убитый знакомый, близкий человек, Тэнин довоенный друг и сосед по дому. Он был моложе ее на три года, но они нашли общий язык — оба любили мастерить, а Витя был влюблен в авиацию; они делали деревянные самолетики, красили их серебряной краской и играли то в спасение челюскинцев, то в беспосадочный перелет в Америку, то воображали себя добровольцами республиканской Испании. Их мамы тоже дружили, и они все вместе иногда ходили в театр. Тэна даже вспомнила, какие пьесы смотрели: «Голубое и розовое» — В ТюЗе (он находился тогда в здании костела, что рядом с Домом Правительства). В Русском театре слушали оперетту «На берегу Амура». Тэне очень понравилась оперетта и содержанием и музыкой. Вот и сейчас она как-будто услышала знакомую мелодию... Тэна заплакала: «Витю убили... Нет моего давнишнего друга, такого веселого выдумщика их игр!...» Шура тоже плакала. Она в сорок первом году, до работы в столовой, была домработницей у Худяковых, и Варвару Петровну, Витину маму, очень любила и уважала за доброту и справедливость, и за то, что она увезла Шуру, шестнадцатилетнюю девочку из горящего Минска.

В Михайловке полк стоял до июля сорок четвертого. После отъезда передового отряда телеграфистов у оставшихся стало больше свободного времени в периоды между дежурствами на узле. Можно было сходить в баню (в деревне была маленькая банька, топившаяся по черному), постирать и, наконец, ответить на письма трехмесячной давности, выспаться, в конце концов. В один из таких дней после ночной смены Тэна обнаружила, что на чердаке хозяйского дома очень уютно и прохладно. Кроме десятка льняных снопков там ничего не было. Под кровлей чирикали воробьи да гулял легкий летний ветерок. Она разложила рядом снопики,

накрыла их простыней и растянулась на восхитительном ложе. Прохлада и полумрак усыпили, и проспала солдат с косичками, ни много ни мало, до следующего утра, почти сутки.

3 июля был освобожден Минск. Связь в Сырокоренье закрыли. Последняя смена выехала из Михайловки ночью под проливным дождем. Девушки, несмотря на то, что были в шинелях, промокли насквозь. Тэна спрятала руки в рукава и забавлялась тем, что шлепала ладошками по лужицам дождевой воды, скопившейся в рукавах. Вода с пилотки стекала за воротник, косы намокли, стали тяжелыми. Тэна отжала их и спрятала под шинель. Дождь вскоре прекратился, но от мокрой одежды было холодно и противно. Девушки жались друг к другу, толкались плечами, топали ногами — грелись.

Машина катила с ветерком по шоссе Москва-Минск. Утром проехали Борисов и за Крупками свернули к деревне Нача, растянувшуюся в одну улицу между шоссе и лесом; от шоссе ее отделяло широкое поле. Около штаба полка телеграфистов встретил старшина Конев. Он взялся разводить прибывших по квартирам. Тэна узнала, где живет Клара, и прямо с машины побежала к подруге. Предвкушая радостную встречу, она распахнула дверь избы и увидела за столом ревущую страхолюдину, уставившуюся в зеркало. Судя по шевелюре, это была Клара. Но что с ней случилось?!. Под распухшим красным носом блестели вздувшиеся пузырями губы, вместо глаз — две щелки, из которых в два ручья катились слезы...

— Клара, это ты? — спросила удивленно Тэна.

— Я-а-а!..

Подруги кинулись друг другу в объятия. Оказывается, пока Клара спала, комары искусали ее и так обезобразили. Как ни жалко было Тэне пострадавшую, но она расхохоталась и, поглядывая на подругу, долго смеялась, чуть ли не до слез.

Место это — деревня Нача — оказалась для телеграфистов Первого отдельного полка связи злосчастным. После отхода немецких войск в белорусских лесах еще оставалось много гитлеровских солдат-окруженцев. Приходилось выставлять усиленный наряд для охраны подразделения. Однажды в такой наряд к лесу был послан Костя Градов. На его пост вышли два окруженца. Костя скомандовал им:

— Стой! Руки вверх! — и вскинул карабин.

Немцы продолжали идти, и Костя нажал на курок, но выстрел не последовал — осечка. В тот же момент выстрелил немец, и разрывная пуля попала Косте в грудь. Вслед за выстрелом по тревоге несколько солдат бросились к лесу догонять немцев, а девушки понесли истекающего кровью Костю в ближайшую хату, где, как могли, перевязали его, а потом на машине повезли в армейский госпиталь... По дороге Костя умер. Погиб Костя Градов, техник телеграфа, прекрасный специалист, хороший человек, скромный товарищ. Там, в Наче, Костю и похоронили.

Долго после Костиной смерти телеграфисты ходили притихшие, грустные. Не слышно было песен, вечерами не устраивали танцев. Острее всех, наверное, переживала утрату Зина Гоморева, к которой Костя был особенно внимателен и заботлив. Еще в Перхушкове он подарил Зине пушистый, теплый шарф, и сейчас, прижимая к груди дорогую память, Зина, горько плача, рассказывала:

— Если бы вы знали, девочки, какой он был добрый человек, вежливый, спокойный. Придет чистить аппарат, шутит, подбадривает... Вот — шарф мне подарил, сказал: «Теперь не будешь мерзнуть, Зиночка». Когда переезжали в Алабино, я чуть не потеряла шарф... Все уже ушли со смены, связь свертывают, а я не ухожу — ищу шарф, ищу. Вдруг Птицын заходит, спрашивает: «Вы что тут делаете?» А я такая злая была, что шарф пропал, и брякнула: «Идите к черту!.. Шарф ищу!» Ну, Птицын, не долго думая: «Пять суток гауптвахты за оскорбление начальства!.. Передать командиру роты!» Конечно, я никому ничего не сказала, а Птицын на телеграфе, уже в Алабино, подходит ко мне, спрашивает: «Была на губе?» — «Нет». — «Почему?» — «Не знаю...» А тут праздник — День Красной Армии. Командир роты Якушев выстроил нас, в честь праздника награждают медалями. И меня тоже — медалью «За боевые заслуги». Птицын дает медаль и говорит: «Никогда больше не посылай меня к черту...» А ведь — все из-за Костиного подарка... Ох, Костя, Костинька!.. — Зина опять залилась слезами.

Немцев, убивших Костю, поймали и привели в деревню. Они сидели на земле, привалившись спинами к штакетнику палисада. Грязные, тощие, небритые, злые, глаза затравленные... Тэна

с ненавистью смотрела на этих нелюдей, убийц, фашистов и думала, что если бы ей сейчас разрешили, она сама бы их расстреляла. Кто-то принес из кухни два котелка щей и поставил перед пленными. Те с жадностью набросились на еду, видно, долго голодали. Тэна с недоумением и злостью уставилась на принесшего котелки.

— Ты что — пожалел этих гадов?! — спросила она возмущенно. — Они же Костю убили!.. А ты их кормишь — с ума, что ли сошел?!.

И солдат, будто извиняясь, но убежденно ответил ей:

— Все же, и они — люди...

Нет, Тэна этого не понимала. Фашисты — не люди. Они такое горе принесли Родине, безжалостно убивали детей, женщин, стариков... Жгли, вешали, живыми зарывали в землю... Нет! Таких жалеть нельзя! Она долго остро переживала этот инцидент. И потом, в Зиновино, узнав, что в штабе оставили переводчиком немца-перебежчика, антифашиста, тоже выходила из себя, пока замполит не втолковал ей, что среди немцев не все фашисты, а в Германии антифашисты были поставлены в такие условия, что действовать открыто против фашистского режима не могли. Да, Тэне это было известно. Она узнала о фашистах не только во время войны, но и задолго до нее. О фашизме писали в газетах, показывали в кино. Читала «Бойскаут № 89» — книгу о том, как фашисты воспитывают из немецких мальчиков и девочек себе подобных; смотрела фильм «Семья Оппенгейм», в котором была показана жестокость фашистских фанатиков по отношению к евреям. Не сразу Тэна поняла не только умом, но и сердцем, что не все немцы — враги...

После освобождения Минска большая группа связистов ехала в Рудню. Колонна машин шла по шоссе. У поворота на Рудню услышали стрельбу и взрывы. Стало понятно, что впереди за лесом идет бой с немцами-окруженцами. Вездеходы с солдатами сворачивали с шоссе и на большой скорости устремлялись к месту боя. Вскоре они привезли раненых. Наши самолеты сделали несколько заходов над лесом — «проутюжили» сопротивляющихся недобитков и бой утих. Связисты заночевали на опушке леса. Утром им разрешили следовать дальше. Вдоль шоссе вытянулась длинная колонна машин. Впереди шли радиостанции,

за ними — машины с телеграфным оборудованием и телеграфистами. На месте боя то там, то тут валялись перевернутые мотоциклы, вездеход, вперемежку лежали обгорелые трупы немцев и наших солдат. Смерть подвела общую черту.

При переезде через небольшой ручей под одной из радиостанций обрушился мост. Колонна остановилась. Вдруг перед колонной показалась цепочка немцев, перебежавших дорогу. Ребята, подхватив карабины, бросились за ними. Однако ни немцы, ни наши не стреляли. Когда стали нагонять немцев, последний в цепочке бросил мешок картошки. Немцы скрылись в лесу, а наши вернулись к колонне с трофейной картошкой и были встречены дружным хохотом.

— Зачем вы ихпустили? — спрашивали героев погони. — Вы же могли запросто всех перестрелять.

— Не стали убивать... Зачем? Они тоже в нас не стреляли, хотя и были с автоматами.

Пленить недобитков надо бы обязательно, но очевидно сработала русская пословица: мол, лежачего не бьют... Это благородство русского солдата всегда отличало его от фашистских извергов.

Мостик починили. Связисты благополучно добралась до деревни Стаи, где и закрепились на некоторое время. Однако ни одной ночи спокойно не проходило. Немцы, зажатые в кольцо, голодные, взбешенные, пытались вырваться из окружения. По несколько раз в день вспыхивала перестрелка между ними и нашими ребятами, дежурившими в охране. Телеграфисткам смены Нины Тарасовой под эту «музыку» не спалось. Лежали одетые, с нетерпением ожидая рассвета. При каждом выстреле Люба Ермакова охала, нагнетая и так напряженную обстановку. Девушки сердились на нее и ворчали:

— Тебе одной страшно, что ли... Переживай про себя!

— Ой, девочки, жалко наших ребят...

— Не одной тебе жалко... Молчи, не травми душу!..

Постреливали немцы не только ночью, но и днем. Однажды, когда смена Тарасовой шла на обед, вдруг раздался выстрел и пуля звонко щелкнула о котелок одной телеграфистки. Девушка подобрала пулю и взяла «на память» — могла ведь не в котелок, а в нее угодить. Потом немцы поняли, очевидно, что

война для них закончена, и стали «пачками» сдаваться в плен, выходя на дорогу с поднятыми руками.

В Стаях к связистам «прикомандировали» лошадь для всяких хозяйственных нужд, а караулить ее приставили Любу Ермакову. Она была и не прочь, с детства любила лошадей. Однажды, когда Люба чистила лошадь, раздался грохот. Она выскочила из конюшни и видит, что барахтается вся ее смена в рухнувшем погребе, куда девчата спрятались от жары и мух, а крыша погреба возьми да обвалится. Вылезают они из-под обломков и мусора, хохочут, глядя друг на друга, и — гуськом на речку мыться. Ну и Люба, глядя на них, посмеялась досыта. Работа в конюшне не мешала Любе перебирать свои мысли, а они, как многих на войне, уносили ее в довоенное время. Жила она до войны в Калининe, бывшей Твери, работала телефонисткой. Родителей потеряла рано: мать умерла, когда Любе было три года, а в четырнадцать лет потеряла и отца. Воспитывала Любу и ее младшую сестренку бабуля. Она часто говорила внукам: «Вот умру и некому будет похоронить, может, вороны мне глаза выклюют...» Так и случилось. Люба недавно получила письмо от знакомых с родины. Пишут, что при отступлении немцы вывозили население и где-то по дороге ее бабулю, больную, выбросили из эшелона. А сестренка умерла в оккупации от тифа. Ах, война проклятая, что наделала! И ее, Любино, личное счастье рассеялось, как дым. Она познакомилась с Жорой Ковалем по телефону еще в тридцать девятом, потом стали встречаться. Он был сержантом, уехал учиться в Сталинград, а в отпуск поехал в Есентуки, к себе домой, и оттуда в мае прислал Любе открытку, звал к себе, но она, гордая, не поехала. Он снова написал, что в августе приедет и они поженятся... А тут — война. Так они и потеряли друг друга. Где он сейчас? Жив ли... Люба погладила лошадь по бархатистому храпу и смахнула со щеки невольную слезу.

На улице послышался говор и смех — это возвращалась с дежурства смена. Девушки забежали в избы, бросали на нары противогазы, ставили в пирамиды карабины и брели к кухне, позвякивая котелками. Клава Беззуб, Любина подруга, пообедав на кухне, принесла обед и Любе: щи в ее котелке, кашу — в своем. Устроившись на бревнышке около конюшни, они разговаривали о том, о сем. Люба, продолжая свои думы о довоенном, говорила:

— Вот приставили меня к лошадке, и я так благодарна за это, хоть немного отдохну от напряжения. Ведь я пять лет уже на телеграфе... До войны, еще телефонисткой, научилась работать на морзянке. На телеграфе и про войну узнала... В субботу еще на танцы ходила, а в воскресенье была не моя смена, вдруг в девять утра вызывают меня на работу. Ну, что ж — вызвали, значит нужно. Села за аппарат. Работаю... И вдруг принесли телеграмму о мобилизации. Только тогда поняла, что началась война... И слезы градом покатились. Поплакала, поплакала, а работать-то надо. Потом оказалось, что на узле остались только четверо: я, начальник узла, сортировщица и телефонистка. Остальные все удрали. Мы уже с военными уходили из города... — говорила Люба, выскребывая остатки каши из котелка. — Еле ноги унесли... В лесу встретили начальника линейного участка связи, потом нашли и некоторых других сослуживцев, с ними и явились в управление связи в Калинин. Меня и сортировщицу направили в Кимры, там в июле и мобилизовали. — Люба налила из ведра в котелки воды, вымыла их и ложку, и снова села на бревнышко, где дремотно покусывала травинку Клава, ожидая продолжение Любиного рассказа. — Направили меня под Днепропетровск, — Люба уселась рядом с Клавой, — в шестую наземную армию... Тогда шли бои на Днестре. В декабре сорок первого я, Соня Малеваная и...

— И я, — встрепенулась Клава. — Мы же с тобой вместе были в шестой армии!

— Да, я и хотела сказать, что и ты была с нами... Мы попали в Сталинград. Там, помнишь, я заболела. Хотели положить в госпиталь, но я отказалась: не такая уж больная, чтобы по госпиталям валяться!

— По-омню, — опять перебила Клава, — из Сталинграда нас направили в Новосибирск в запасной полк...

— Да, верно, — согласилась Люба. — Там я и лечилась в городской поликлинике.

— Ох и муштровали нас крепко в запасном... — Клава расхохоталась.

— Что правда, то правда. Хм... — хмыкнула Люба. — И попластунски напознались, и штыком накололись... Все команды помню: «Коли коротким! Длинным коли!» Четыре месяца муш-

тровали!.. И только в апреле сорок второго направили на фронт. Помнишь, как долго мы ехали, каким трудным маршем добирались до Москвы?

— Еще бы не помнить!.. И добрались мы до Первой Воздушной, куда нас командировали. Штаб тогда был под Москвой, а батальон связи в Подчервино... Там и полк сформировался.

— А сколько уже с полком пройдено!.. В полку я и на СТ-35 стала работать и Бодо освоила... Устала я. Хорошо, что к лошадке прикрепили. Люблю я ее... Смотри, как глядит и ушами стрижет, словно слушает, что я говорю... Она все понимает. — Люба встала с бревна и подошла к лошади. — Ах, ты моя красавица... — Похлопала ее ласково по шее, лошадь откликнулась на ласку тихим ржанием.

Как только въехали в Беларусь, Рая Хмелевская потеряла покой: совсем рядом дом, мама, сестры! Промаявшись пару дней, решила попытать счастья — пошла к командиру полка. Полковник Рознатовский сидел на скамейке около избы, где расположился штаб, читал газету. Рая подошла к нему, спросила:

— Разрешите обратиться, товарищ полковник!

— Обращайтесь, — Рознатовский приветливо кивнул Рае и подвинулся на скамейке, приглашая сесть.

Рая села и, горестно вздохнув, сказала:

— Товарищ полковник, у меня недалеко дом... В Круглом. Отпустите на два дня повидать родных...

Голос у нее задрожал и слезы готовы были хлынуть ручьем, но полковник погрозил пальцем:

— Не реветь!.. Дай подумать. — Помолчал немного, что-то, очевидно, прикидывая, сказал уверенно: — Увидишься с родными. Шофер мой едет за имуществом, отвезет тебя... И на обратном пути — заберет. Годится?

Рая так обрадовалась, что захлопала в ладоши и готова была броситься Рознатовскому на шею.

— Годится... Конечно, годится! — Спросила: — А когда ехать?

Полковник встал, одернул гимнастерку и, похлопав свернутой в трубку газетой по левой ладони, ответил:

— Завтра в восемь ноль-ноль будешь здесь, с вещами. Скажешь старшине, что я приказал выдать тебе сухой паек на два дня. Ясно?

— Ясно, товарищ полковник!.. Можно идти?

— Идите.

...Рая ехала в кабине полуторки и всю дорогу, волнуясь, и от волнения нервно смеясь, рассказывала шоферу о себе, как жила до войны, как попала в связь, в штаб полка, как отступали из Минска. Когда показалось село Круглое, ей стало страшно, и она примолкла. Около дороги по полю шли женщины и тянули за собой борону... Машина медленно въехала в село, остановилась, и Рая не сразу увидела свой дом. Улица, заросшая травой-муравой и приторно пахнущая мыльнянкой, жмущейся к заборам, была пустынна, только одна женщина в синем платье шла Рае навстречу, перекидывая из руки в руку кошелку с травой. Шагов за двадцать от Раи она остановилась, опустила кошелку на землю и воскликнула:

— Ра-ая-я!

— Тетя...

Да, это была Раина тетя. Она скорее догадалась, чем узнала племянницу. Обнялись, заплакали.

— Райка!.. Живая. Откуда ты?

— Тетя, где мама?! Где Варя, Надя?..

— Ей дали землю... Она на делянке, — тетя махнула рукой в сторону поля, что было за селом.

Рая, чмокнув тетю в щеку, бросилась к шоферу:

— Браток, подвези еще немножко — мама в поле...

Проехали вдоль села, в конце его горбнулись бугры землянок. Рая спустилась в крайнюю и увидела там своего дядю.

— Рая, ты?!.

— Я, дядя... Здравствуй! — Рая подала руку, поздоровались. — Где мама?

Они вышли из землянки. Дядя показал на полоску ржи выше человеческого роста:

— Там, за рожью...

Рая побежала по меже в конец делянки. А шофер, развернув машину, поехал по своему делу.

Брат помогал маме жать. Уже несколько золотых копешек стояло на стерне. Рая на бегу крикнула:

— Мама!

Мать выпрямилась. Узнав Раю, выронила серп и села на землю — ноги подкосились.

— Доченька моя, это ты!..

А слезы — градом у обеих. Рая помогла матери встать на ноги, обняла ее и так, обнявшись, они пошли к дому. Брат молча шел за ними, утирая рукавом рубашки то глаза, то нос, и улыбался.

Дома устроили пир. Отварили большой чугунок молодой картошки, нажарили шкварок из Раиного пайка, тетя принесла крынку кислого молока. Буханку хлеба из привезенного Раей пайка и тминную колбасу, нарезанную кружками, положили на чистое полотенце. Брат нырнул в погреб и вынес миску квашеной капусты и несколько сморщенных соленых огурцов; посыпали крошенным укропом картошку. Дядя поставил на стол бутылку из-под уксуса — самогон. Выпили за встречу. Ели молча, со вкусом, смакуя каждый кружок колбасы, каждую шкварку, хрустя капустой; картошку запивали простоквашей...

Потом мать стала рассказывать, как они тут прожили эти тяжкие три года:

— В конце лета, когда немцы заняли Минск и фронт отодвинулся далеко на восток, я с Галей, твоей подругой — помнишь ее, дочка? — поехала в Минск, зашла в дом, где ты жила, забрала твои вещи. Да. Соня мне рассказала, что видела, как ты уезжала на военной машине и махнула ей рукой. Сразу от сердца отлегло — жива! Вскоре сестер твоих, Надю и Веру, угнали в Германию. Вере один пленный помог бежать. По дороге ее ранили. Но этот человек привез ее, раненую, домой к себе, хотел на ней жениться. Но она не согласилась на брак без любви... Устроилась работать в госпиталь, передавала партизанам медикаменты. Вместе с нею в госпитале работала и ее подруга Люся. Однажды к нам зашли какие-то люди. Я поняла, что это провокаторы, а Люська попалась... Болтливая была, доверчивая. Ну, ее и забрали вместе с шестимесячной дочкой. Девочку потом отдали — смотрели ее по очереди всем селом. Люсю били, пытали... Она передала Вере записку: «Не бойся, не выдам». И сдержала свое слово. Ее расстреляли. А о Наде так ничего и не знаю...

За грустными воспоминаниями, за рассказом Рая о себе подошел вечер, а когда смерклось, вернулся шофер... И Рая расталась с родными.

Под телеграф в Наче оборудовали большой, просторный дом, стены в его комнатах были оклеены немецкими газетами с издательскими карикатурами на Красную Армию, на Сталина, на Буденного, на наш народ. Заместитель начальника связи майор Кояндер приказал содрать со стен все эти газеты.

В Наче полк стоял всего девять дней. Выехали оттуда ночью, ехали быстро, не останавливаясь. Надежда увидеть Минск хотя бы проездом не оправдалась — проехали стороной. Через полеские болота перебирались медленно и осторожно по бревенчатой дороге. Бурая пузырящая жижа хлюпала под настилом, просачиваясь сквозь щели между бревнами. По бокам от дороги за деревьями, росшими на болоте, то с одной стороны, то с другой видны были затонувшие машины, пушки, повозки, лошадиные ноги торчали из бочагов, затянутых ряской, плавали распухшие трупы.

Машина, на которой ехала Тэна, вдруг вильнула и, закрипев тормозами, остановилась. Шофер и сопровождающий офицер, оба бледные, испуганные, стали по очереди снимать с машины сначала девушек, потом ящики с аппаратурой. Оказалось, что машина правым задним колесом сбила боковое бревно и зависла над трясиной. Ребята, ехавшие на следующей машине, помогли поставить соскользнувшую полуторку на дорогу и опять загрузить ее. Укрепили сбитое бревно... И ехали уже без приключений.

К концу июля сорок четвертого года Беларусь была очищена от немецко-фашистских оккупантов. Советская Армия приступила к освобождению Литвы.

LABA DENA*, ЛИТВА!

1 августа в 22 часа в Москве прогремело 22 артиллерийских залпа из 224 орудий. Победным салютом Родина отметила успешное завершение Белорусской наступательной операции. В приказе Верховного Главнокомандующего... среди отличившихся при освобождении Каунаса были названы и связисты генерал-майора Птицына... За хорошее обеспечение связью одной из крупнейших операций Красной Армии, завершившейся освобождением от противника Белоруссии и почти всей Литвы, большая группа наших связистов, руководителей и рядовых была награждена орденами и медалями.

В.Е. Кояндер.

В Литву приехали ночью 21 июля и остановились на ночевку в Вильнюсе. Телеграфистки разместились на антресолях какого-то особняка. Утром с интересом разглядывали обширный вестибюль дома, непривычной постройки. Кое-кто успел прогуляться по узким улочкам литовской столицы, даже заглянуть в магазинчики, и уже пошли примеряться покупки — стеклянные переливающиеся всеми цветами радуги бусы и брошки. После завтрака связистов повезли на место их базирования — в Цветники, что в двенадцати километрах западнее Вильнюса.

Дома в этой красивой деревне стояли на высоком берегу, окружавшем маленький кольцеобразный пруд. По счастливой случайности деревню нем.цы сжечь не успели, так стремительно погнали их наши войска. В пруду на зависть взрослым с веселыми криками плескалась ребятня. Для вновь прибывших соблазн искупаться, смыть с себя дорожную грязь оказался непобедимым, и они, захватив полотенца и сухое белье, бросились в воду, хоть и сомнительной чистоты, но все равно хорошо освежающую. Кто-то из шоферов прикатил на пруд надутую камеру

* Здравстуй (литовск.)

от колеса — и началась потеха с кувырканием, нырянием, уха-нием и девичьим визгом.

Поспать перед сменой не удалось и, наскоро пообедав, телеграфисты отправились на дежурство.

В Цветниках Нина Тарасова, как только приехали и устроились с жильем, разговорилась с хозяином дома о том, как местное население жило при немцах, и узнала от него, что в самой деревне оккупанты не безобразничали, а вот недалеко от них, в местечке, гитлеровцы уничтожили всех евреев: женщин, стариков и детей поставили над большим рвом и расстреляли. Упавших в ров, засыпали песком, а среди них были еще живые, слышны были стоны и земля шевелилась. Он на другой день шел мимо в соседнюю деревню и видел и слышал все это сам. А подойти не мог — часовые не подпускали к рву никого.

— Я с того дня, — заключил старик, — совсем поседел и руки стали дрожать... А как иду мимо того места, так и кажется — стонет земля...

Там же, в Цветниках, Нина познакомилась с Ирой Серовой на концерте самодеятельности, который полковые артисты устроили для жителей села. На этом концерте Ира пела романс «Сухой листвою шумит в саду печально осень». Этот, любимый Нинин романс, до войны исполняла популярная эстрадная певица Изабелла Юрьева. С этого времени Ира и Нина стали неразлучны. Оказывается, Ира прибыла в полк в июле сорок третьего с Северо-Кавказского фронта. Она рассказывала Нине, что война застала ее в Сталинграде на втором курсе медицинского института. 22 июля Ира сдала последний зачет по гистологии. День был солнечный, жаркий и вся студенческая группа собиралась ехать за Волгу загорать и купаться. Настроение, как и погода, было прекрасным, впереди — каникулы, целое лето безмятежного отдыха. И вдруг... бледная секретарша из деканата закричала на весь коридор: «Товарищи! Слушайте: Молотов говорит, что немцы бомбят наши города... Война!» В актовом зале на полную мощь гремел репродуктор: «...вероломно напали на Советский Союз...» Студенты молча, с недоумением переглядывались, не сознавая еще настоящего смысла этого ужасного слова «война». Ира быстро собрала вещи и поехала домой в Михайловку, где родилась и окончила десятилетку. Отца уже призвали в армию.

Иру встретила заплаканная и растерянная мать: «Доченька, что же теперь будет? Как будем жить?..» При отце семья и то жила небогато, и голод испытали в тридцатых годах (Ира до сих пор помнит мамины распухшие от голода ноги и умерших от истощения соседей), и с одеждой было трудно: каждое платье носили штопанное-перештопанное, и обувь — пока с ног не свалится. А теперь? Институт придется отложить до «после войны» — поняла Ирина. Надо идти работать. Поступила на консервный завод рабочей и сразу подала заявление с просьбой направить на фронт. Отказали — недавно перенесла воспаление почек. Правда, занятие спортом (первый разряд по плаванию) восстановили здоровье, и она решила, что, наверное, мать упросила не брать ее в армию, так как дома она со слезами уговаривала Иру не делать этого шага. Но в ноябре Ира добилась своего. И вот — она вместе с другими добровольцами в теплушке едет из Михайловки в Сталинград. Еще стоит в ушах гул голосов на перроне, из-за чего не слышно, что ей кричит на прощанье мама. Но не обязательно было слышать — Ира и так знала, что могла сказать она: «Береги себя!.. Пиши чаще... Возвращайся скорей!»

Эшелон с добровольцами прибыл в Сталинград и остановился в Красных Казармах, что за вокзалом. Иру и других девушек с консервного завода направили на специальные Курсы Связи. В июле сорок второго немцы начали бомбить Сталинград, а в августе, за один день до массированной бомбежки города, курсантов срочно эвакуировали. Только успели добежать до Волги и погрузиться на баржи, как их начали бомбить. Загорелась передняя баржа — море огня и дыма, вопли раненых, визг насмерть перепуганных девчонок, вой летящих и грохот рвущихся бомб... Когда ушли из-под бомбежки, долго еще носили в себе ужас пережитого.

Потом была Москва, Сорок девятый отдельный запасной полк связи, продолжение учебы. Ира писала маме: «На это письмо в Москву мне не отвечай. Скоро буду рядом с домом...» В сентябре транспортным самолетом «Дуглас» первая группа выпускниц «Сорок девятого» летела в Сталинград. Рядом с Ирой в самолете сидел «пожилой» подполковник — Сергей Александрович Коротков. *(С Коротковым Ира прошла всю войну: и Сталинград, и Северный Кавказ, и Третий Белорусский фронт. Со стороны*

он казался грубоватым, а на самом деле был добрым, чутким человеком, и телеграфистки его уважительно звали Батей.)

Ира летела на самолете впервые. Ее порядком мучило, особенно, когда самолет падал в «яму», но тошнота моментально прошла, когда самолет подлетел к линии фронта и стрелок-радист вдруг объявил: «Мессер на хвосте!» Всем стало ясно: если начнется бой — конец, самолет рухнет в Волгу. К счастью, мессера отогнали и, может, даже сбили, а их «Дуглас» благополучно приземлился.

Сталинград... Трудно передать словами впечатления от того, что осталось от города, который Ира знала ярким, красивым, а теперь превращенным в дымящиеся груды кирпича, и она, Ира, бывшая студентка мединститута, теперь — механик-телеграфист роты связи Первого Гвардейского Бомбардировочного корпуса, прибыла защищать этот город. Несмотря на то, что узел связи был в надежном укрытии, Иру нашел осколок снаряда и царапнул по колену, хорошо еще, что только слегка. Сама себя перевязала, похромала немного. Обошлось. Хуже было, когда обморозила ноги, но тоже зажили. Дольше болела сердечная рана...

До войны был у Иры жених — Борис Смоленский. Дружила с ним с детства. Когда учились в восьмом классе, Борис с родителями уехал в другой город, но часто писал хорошие, ласковые письма, а в одном из них даже вспомнил, какая на Ирином детском комбинезончике была вышита аппликация. Этот комбинезончик она носила, когда им было где-то около пяти лет... Вот как — он уже тогда называл Иру своей невестой!

На фронте они неожиданно встретились и... трогательно расстались. Потом были письма с планами на послевоенное время — опять он называл ее своей милой невестой... И вдруг — письмо из его части, за которое она, счастливая, танцевала, а письмо-то оказалось не от Бориса, а от командира части. В нем сообщалось: пал смертью храбрых. Из Сталинграда Иру перевели на Северный Кавказ, а оттуда с группой подполковника Короткова — на Западный фронт. Так Ира попала в Первый отдельный полк связи в смену Горностаева.

Нине Тарасовой, как начальнику смены, надо было особенно внимательно следить за работой новичков, постоянно помогать им. Она заметила, что телеграммы, принятые Леной Соло-

вьевой, идут с «жуками», то есть с зачеркнутой ошибкой перед правильным текстом. Она подошла к Лене и стала объяснять ей:

— Если сделаешь ошибку, то пробей несколько букв «ж», а потом повтори нужное слово и печатай дальше. Когда принимаешь телеграмму и есть в ней «жуки», ты их заклеивай или отрывай. Поняла?

— Поняла, — кивнула Лена.

На столе начальника смены собралась стопка телеграмм. Нина стала разбирать депеши, одна из них была адресована подполковнику, а фамилия не была указана. Телеграмма шла с провода, на котором работала Лена. Нина подошла к ней, сказала:

— Запроси фамилию подполковника, — и тут же ушла к своему рабочему месту.

Но Лена снова положила телеграмму без фамилии адресата. Тогда Нина сама села за аппарат. Ей ответили: «Телеграмма — подполковнику Жуку!.. Сколько можно повторять?» Нина упрекнула Лену:

— Что же ты так невнимательно работаешь?!

Лена с обидой ответила:

— Но ты же сама распорядилась «жуков» не клеить!

Вообще эта Лена была большая чудачка. Однажды на ночной смене она очень хотела спать и, чтобы глаза не слипались, вставила между веками спички... Такая смешная девчонка!

В деревне с красивым названием была тьма-тьмущая мух, но обилие их оказалось наименьшей неприятностью, чем клопы... Они объявились ночью. Такого количества, таких огромных и свирепых не было, очевидно, ну нигде на свете! Они заедали бедных связистов и на квартирах, и на телеграфе. То и дело приходилось снимать этих паразитов не только со стен, но даже с офицеров, приходивших на переговоры («Извините, товарищ майор, у вас на рукаве клоп, бр-р-р!», а отдельные экземпляры умудрялись даже наклеиваться на телеграммы. Обнаруженный «зверь» тут же окунался в банку с водой...

К счастью в Цветниках пробыли только десять дней. Работа закончилась, и 31 июля последняя смена покинула деревню с красивым названием.

Выехали днем. Погода была хорошая, небо ясное — ни облачка. Ехали с песнями, с шутками, как вдруг кто-то из ребят крикнул:

— Воздух! — и забарабанил по верху кабины.

Над головами высоко-высоко шел строй немецких бомбардировщиков. Кругом ровное поле. Лес далеко. Машина помчала по целине к одинокому дереву, росшему среди поля, и остановилась под ним. Все поспрыгивали на землю и молча следили за вражескими самолетами. Но те полетели дальше — им было не до одинокой машины; не то, что в начале войны, когда немецкие летчики гонялись даже за одним человеком! Выждав, не вернется ли какой стервятник, чтобы атаковать их (не вернулся!), связисты поехали дальше.

Ночь застала их в дороге. Остановились на хуторе. На ночевку расположились в большом сарае с сеном. Была ли рядом деревня, в темноте определить было трудно. Съели сухой паек, поставили часовых и забрались на сеновал спать со своими карабинами в обнимку. Ночью Тэна провалилась в щель между двумя кучами сена. Утром ее еле обнаружили. Ночь прошла тихо. Лейтенант Зиненко, сопровождавший их, не спал до утра: не дай Бог искру занесет ветром в сарай — сено сухое, вспыхнет, как порох.

Утром, позавтракав, снова тронулись в путь.

На новом месте, в Бутриманцах, Тэне повезло: наконец-то она попала в группу, направлявшуюся на наблюдательный пункт, на передовую. Ехали ночью в крытом брезентом студебеккере, высадились около избы, стоявшей среди поля. Спать устроились на полу, подстелив под себя шинели. Утром за телеграфистами зашел разводящий и повел смену из трех человек на узел связи. Он предупредил:

— В дороге не разговаривать!

Тэна во все глаза смотрела вокруг, стараясь разглядеть приметы передовой: окопы с солдатами, артиллерийские гнезда, замаскированные танки... Но ничего подобного не было. До самого горизонта расстилалось бугристое поле. Ветер шевелил пожелтевшую траву, вдали сквозь дымку угадывались очертания города Расейняй, из которого предстояло выбить противника. Над полем летал самолет. По звуку угадывался — немецкий. А через пару минут показалась «рама». Разведчик. Тэна подумала: «Не заметил бы их этот разведчик...» Но разводящий дальше не пошел, остановился — они были на месте. Заглядевшись на самолет, Тэна и не заметила, как смена подошла к команд-

ному пункту. Это была широкая полоса местности, пронизанная ходами сообщения, укрытая сверху маскировочной сеткой с укрепленными на ней пучками сухой травы. В глубоком песчаном коридоре, в который они спустились по деревянным ступеням, то вправо, то влево отходили еще коридоры, на табличках-указателях было написано: хозяйство такого-то. На одной из них они прочли: «Хозяйство Птицына». Разводящий повел связистов в сторону этого «хозяйства». Толкнув дверь в конце короткого коридорчика, зашел в маленькую землянку.

— Вот ваш телеграф, — сказал он. — Принимайте скорей смену... В шестнадцать ноль-ноль зайду за вами.

Разводящий ушел. Телеграфисты заняли свои места.

Сначала работы было мало — наступление на Расейняй еще только готовилось. Наконец ночью (Тэна была на смене) телеграммы пошли потоком, аппараты не умолкали ни на миг, а на рассвете связисты услышали над головами гул. Зазвонил телефон, дежурный снял трубку. Через минуту объявил:

— Началось!.. Бомбардировщики Первой Воздушной пошли на Расейняй.

И действительно, тут же вздрогнула земля — это бомбы рвались на подступах к городу. Вслед за бомбовыми ударами пошли танки. На головы связистов посыпался песок из щелей в потолке, задрожал столик, за которым сидела Тэна, закачались лампочки над аппаратами. Через несколько минут гул прекратился. Стало тихо-тихо, даже аппараты перестали работать. Потом — еще один шквал депеш, в основном с переднего края в штаб: докладывали о результатах действия нашей авиации. В конце смены дежурному по связи передали по телефону, что город Расейняй взят. Операция закончилась, и вскоре связисты вернулись в полк. За участие в ней связистов наградили медалями «За боевые заслуги».

Перед Белорусской операцией несколько телеграфисток были направлены во вновь сформированную группу РСТ (радиотелеграфистов). Радиотелетайпы представляли собой аппараты СТ-35, работавшие без проводов: электрические сигналы с них поступали на радиопередатчик и в виде радиосигналов передавались в эфир, на принимающей радиостанции они преобразовывались

опять в электрические сигналы, поступающие в СТ-35, поэтому телеграмму не надо было принимать на слух — она печаталась на телеграфной ленте. Радиотелетайпами были снабжены радиостанции, смонтированные в автомашинах, что позволяло быстро менять дислокацию. РСТ обеспечивали связь авиационных представителей в наземных, танковых и механизированных корпусах Третьего Белорусского фронта. На РСТ попали Зоя Заутинская, Рая Чумакова, Валя Лушакова, Аля Павлова, Галя Алексеева и несколько других девушек.

Радисты группы наведения, а с ними и радиотелеграфисты, во время наступления находились на переднем крае фронта и часто были не только свидетелями, но и участниками боев.

Экипаж РСТ, в котором работала Зоя, остановился около села Красное. Поле за селом еще дымилось после недавнего жестокого боя. Догорали подбитые немецкие танки и автомашины, чернели трупы немцев, словно небрежно разбросанные по всему полю, хрипели умирающие немецкие кони-битюги да время от времени через головы проносился с воем снаряд дальнобойной «Берты» — пушки, обстреливавшей наступающие части Советской Армии, действия которой поддерживали эрэстисты. Немцы сопротивлялись ожесточенно. Работы у группы наведения было очень много, спали урывками, подменяя друг друга, устроившись между могильными холмиками кладбища, под сенью старых берез которого расположилась машина РТС. Случалось всякое — война и есть война. Перед Минском еще, при передислокации, две роты РСТ попали вглубь окруженной группировки гитлеровцев у села Ключи и два дня держали оборону. Там же находились две радиостанции, где работали Рая Чумакова и Аля Павлова. На них вышел отряд немецких окруженцев. Завязалась перестрелка. Осколком гранаты был тяжело ранен в живот шофер радиостанции. Рая перевязала, и с Алей оттащили его к деревне, в санчасть. На помощь связистам подоспела пехотная часть и закончила бой с немцами.

РСТ, где работали Валя Лушакова и Галя Алексеева, находилась под Оршей в расположении пятой и одиннадцатой танковых армий, начинавшими освобождение Беларуси. Утром, в день наступления, после авиаудара в бой пошли танки, а за

ними — РСТ. Работы у связистов было столько, что им некогда было реагировать на то, что происходило на поле боя. За грохотом и воем снарядов не слышно было треска телетайпа, от бензиновой гари и порохового дыма слезились глаза и мучил кашель. Несколько раз прерывалась связь. Связистки не находили себе места, понимая, что из-отсутствия связи могут погибнуть под своими же снарядами советские солдаты. Наступление было стремительным — танковые части почти не останавливаясь шли вперед... После одного из боев Валя вышла из машины, чтобы отдышаться, и содрогнулась от чудовищной картины, открывшейся перед нею: земля, деревья, люди, машины — все было перемешано, перекручено, искорежено, словно пропущенное через гигантскую мясорубку. Можно было сойти с ума, если бы не телетайп, вдруг застрекотавший в кратковременной тишине, и Валя, проглотив подступивший к горлу комок слез, бросилась к аппарату — ее бой еще не кончился.

Валя Лушакова родилась и выросла в деревне Телентеево в семье железнодорожника. После 8-го класса поступила в железнодорожный техникум на отделение связи. К началу войны была уже опытной связисткой. В сентябре тридцать девятого года на телеграф приехал из Минска военный (Е.В. Кояндер) и забрал трех лучших телеграфисток в штаб ВВС БВО. Одной из них была Валя. Как самой опытной телеграфистке — ей доверили обслуживание главных проводов и проведение переговоров таких крупных военачальников, как маршалы авиации А.А. Новиков, С.А. Худяков, Ф.Я. Фалалеев и генералы Т.Т. Хрюкин, М.М. Громов и другие. Четкая работа связистки всегда вызывала их глубокую благодарность.

На РСТ Валу откомандировали, когда полк находился в Литве, а экипаж, в который направили ее и Галю Алексееву, стоял в Иглевке. Обе девушки быстро освоились с новым видом работы, и командир роты эрэстистов Архипов был ими вполне доволен. Несмотря на то, что Валя была телеграфисткой, ей нередко приходилось работать радиоключом, и радисты-слухачи свободно «читали» ее руку. Она и после войны еще долго работала в авиаполку; вышла замуж за своего ко-

мандира по РСТ Петра Лаврентьевича Буглеева. За многолетнюю отличную работу в связи Валентину Лушакову наградили орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Группа связистов, выезжавшая на операцию по взятию Рассейня, в Бутриманцы уже не вернулась, а поехала сразу в Стернишки, куда перебазировался полк. Телеграфисты жили в здании местной школы, разместились в двух больших классных комнатах. В маленькой комнате за классом жил молчаливый учитель. Когда его о чем-нибудь спрашивали, он отвечал: «Не супранту...» То есть — не понимаю. Изредка в полк привозили кино. Летом показывали где-нибудь на полянке, натянув между двумя деревьями простыню. В Стернишки тоже однажды привезли кинокартину. Это был киносборник об одесских партизанах. Фильм смотрели сидя и лежа на нарах. Песню из него Тэна запомнила на всю жизнь.

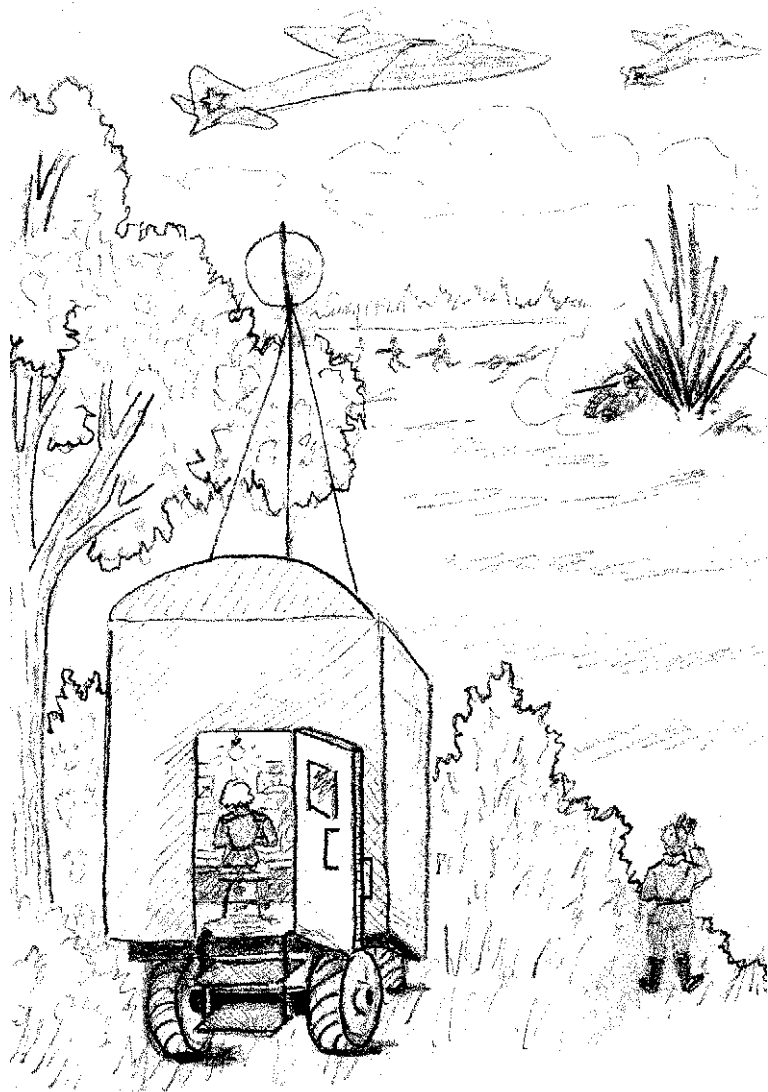
Из Бутриманцев полк перебазировался в конце ноября в Большие Зорюшки. Однажды к аппарату Бодо, на котором в тот день работала Рая Хмелевская, пришел генерал Белый. Закончив переговоры с Москвой, он стал расспрашивать Раю, из каких она мест и не хочет ли съездить домой. Рая, конечно, сказала, что очень хочет, да Птицын не Пускает. Генерал засмеялся:

— Пустит!.. Полетите самолетом.

И устроил ее на транспортный самолет «Дуглас», где было в тот день одно свободное место. Полететь — полетела. И дома побывала. Но зима — не лето. Намерзлась Рая в самолете, особенно на обратном пути. На грузовой машине добралась от аэродрома до Толочина. Оттуда надо было ехать поездом до Минска, а в поезд — не пускают. С трудом забралась в тамбур и чуть было там не замерзла. К счастью, ее заметил солдат и втянул в вагон. Снял с нее сапоги и стал оттирать ноги, а потом надел на них свои меховые рукавицы... В Минске Рая пошла к военному коменданту и рассказала, что едет из отпуска в полк. Он устроил ее ночевать там же, в комендатуре, а утром посадил в солдатскую теплушку. Так, с солдатами, и доехала до Литвы. Добралась до Больших Зорюшек, а полк уже перебазировался в Стернишки. Девушки из дивизии, стоявшей в Больших Зорюш-

ках, приютили Раю, обогрели и рассказали, как добраться до Первой Воздушной. Долго Рая шла пешком, потом попросилась на телегу к местному крестьянину, доехала до штаба, и там... свалил ее сыпной тиф. Больную отправили в госпиталь. После тифа началось воспаление почек, потом стало худо с сердцем. Долго лечили ее... Выкарабкалась.

Госпиталь Первой Воздушной к тому времени был уже в Пруссии, в Инстенбурге. Начальник госпиталя майор Шапиро, как дочку, опекал ослабшую, но веселую худенькую девушку, и решил не отпускать ее в полк. Поселил Раю в госпитале, назначив ее заведующей клубом. Вместе с другой девушкой, тоже работающей в госпитале, она организовала самодеятельность: Рая плясала, а ее напарница пела. Но самодеятельности скоро пришел конец. Генерал Птицын, узнав, что Хмелевская уже выздоровела, потребовал вернуть ее в полк (бодистов на узле связи — раз-два и обчелся, а Хмелевская — одна из лучших!) Послал фельдшера разыскать Хмелевскую и доставить в полк. Разыскал и доставил, но без документов. Потом пришлось посылать самолет У-2 в Инстенбург за документами Хмелевской. Так Рая наконец-то вернулась к своему Бодо и проработала на нем до конца войны.

ПО ДОРОГАМ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Восточно-прусская операция началась утром 16 октября 1944 года мощной двухчасовой артиллерийской подготовкой. Вслед за этим на врага ринулись группы «летающих танков»...

Жаркие бои разгорелись в Восточной Пруссии. Наши войска настойчиво ломали сильно укрепленную оборону противника.

Е.В. Кояндер

Осенью освобождение Литвы от немецкой оккупации было завершено. Готовилась Восточно-Прусская операция. Предстояло отправление боевых расчетов на пункты управления. В полк приехали начальник связи со своим заместителем. Объявили общее построение части, и генерал Птицын выступил с краткой речью перед личным составом. Он говорил, что Восточная Пруссия — древнейший рассадник прусского милитаризма, главный плацдарм немецкой агрессии против нашей Родины. Гитлеровцы долгие годы готовили ее к войне, там каждый городишко был превращен в крепость, каждое здание — в огневую точку. Но нет таких крепостей, которые не смогли бы взять советские воины. И заключил:

— Приложим, товарищи, все силы, чтобы скорее добить фашистского зверя в его собственном логове!

После отъезда генерала полк был готов к передислокации. Машины одна за другой выехали из Стернишек и направились в сторону границы с Пруссией. Взвод старшего лейтенанта Вистунова должен был развернуть узел связи в одном из пограничных городков Восточной Пруссии. Подъезжали к границе поздней ночью. По дороге нескончаемой вереницей шли машины, черные силуэты которых высвечивались на черном фоне огнями далеких пожаров. Время от времени над полем проплывали люстры осветительных ракет. Машины шли без огней, только синие лучики подфарников освещали путь перед колесами. Утром, когда рассвело, глазам предстала чужая земля. Узкая, прямая дорога, обсаженная кургузыми деревьями, похожими на гигантских чер-

ных засушенных гидр, была засыпана чем-то белым, будто снегом. Потом разглядели — перья из распоротых перин. Наши пехотинцы вспарывали ненавистным фрицам не только животы, но и их перины и подушки. Вот к чему привела жестокость немецких молодчиков во время их «блицкрига» на восток. Вдоль дороги валялись распотрошенные чемоданы, тюки, разорванная одежда, белье и много другого барахла. По пешеходной тропе шли и шли беженцы с тележками, велосипедами, неся на руках детей; ребяташки постарше — плелись рядом, усталые, испуганные, жалкие. Зрелище было угнетающее. Одна из телеграфисток прошептала с мстительной горечью:

— Ну что, гады, дождались?! Отольются вам слезы наших беженцев, женщин, детишек, стариков... Ох, мамочка моя! — Она заплакала. Ее мать тоже ушла из дома, влилась в колонну отступающих, но через два дня вернулась, потеряв и вещи, и свою старуху-мать, задавленную немецким мотоциклистом, которому та не хотела отдать свой узелок...

Связисты выгрузились на окраине маленького прусского городка, взятого нашими войсками стремительно и, похоже, без боя. Дома все были целы и, в большинстве, оставлены жителями, по-видимому, второпях — на столах была посуда с едой, валялись вещи, детские игрушки, не было видно трупов. Дома не были похожи на наши: крутые черепичные крыши с длинными трубами на краю конька. Раздражал какой-то вонючий дым, стлавшийся по улицам. Пахло не просто гарью, а какой-то вонючей гарью. В домах тоже стоял специфический парфюмерный запах.

Взвод расположился в усадьбе немецкого генерала, вернее, во флигеле, замыкавшем большой двор, ограниченный с трех сторон хозяйственными постройками и огромным коровником. Коровы были, наверное, давно не доены и громко мычали, даже не мычали — ревели. Очень жалко было бедных животных. Одну корову вывели во двор, и Оля Дубкова подоила ее. Больше никто доить не умел. Предлагали выдоить коров немкам, но те отказывались: то ли боялись, то ли не хотели помогать русским. В группе никто не знал немецкого языка, и контакт с местным населением не получался.

Узел связи почему-то не открывали, на смену телеграфисты не ходили. По двое, по трое отправлялись на «экскурсию» в го-

родок. Тэна решила осмотреть генеральский дом, стоявший чуть в стороне от флигеля, на берегу пруда. За ним виднелись холмы, покрытые лиственным лесом, по-зимнему оголенным и прозрачным, просвечивавшимся далеко вглубь. Дом был двухэтажный, серый. Сбоку лепилась деревянная пристройка. Дверь в нее была открыта, и Тэна вошла. Справа тянулись дощатые нары — видимо, это была казарма для солдат, охранявших генерала. Дойдя до конца пристройки и ничего интересного не обнаружив, Тэна повернула назад и... как от удара, присела: на нарах, около входа, было расстелено знамя — красное, с белым кругом посередине, в центре которого растопырилась черная свастика. Переведя дух, внимательно огляделась: под нарами — никого. Откуда взялось знамя? Или она, войдя со света, его не заметила, или его разложили у нее за спиной? Выглянув из двери, неосторожная экскурсантка тихонько обошла вокруг здания — кругом ни души. Страх прошел, и она решила продолжить «экскурсию»... В вестибюле дома с потолка свешивалась на цепях большая люстра из оленьих рогов с большими белыми свечами. «Вот это да!.. — подумала Тэна. — Столько свечей, а мы сидим без света.» Под люстрой стоял небольшой круглый стол. Она поставила на него стул, влезла и взялась за свечку. Каково же было ее разочарование — свечка-то стеклянная! В комнате слева — библиотека. Книги в шкафах, на полу. Сквозняк... Шелестят страницы. Тэна полистала несколько книг — ничего интересного, и перешла в другую комнату, очевидно, столовую. Массивный овальный стол занимал почти все пространство, вокруг него — такие же, массивные, стулья с высокими спинками. Вдоль стены — длинный, с разбитыми стеклами, буфет; над ним — в вычурной раме натюрморт, разрезанный крест-накрест. На втором этаже была спальня с широкой двуспальной кроватью. Перина, белье — изорваны и затоптаны. Напротив спальни — туалет и ванная комната; все выложено белым кафелем. Были и еще какие-то спальни: то ли для детей, то ли для прислуги или гостей... И везде — разгром, сквозняк, противный запах и ничего достойного внимания.

После обеда Тэну послали в наряд часовым. До вечера дежурилось весело. Погода была хорошая — теплая, сухая. Не занятые нарядом девушки устроились на солнышке около флигеля и вполголоса пели. Ребята посреди двора раскапывали землю то

в одном месте, то в другом. «Чего они ищут? — думала Тэна. — Клад, что ли?..» Оказалось, действительно — клад. И нашли. Из одной ямы они извлекли ящик, в котором были аккуратно упакованы бокалы и рюмки из цветного то ли стекла, то ли хрусталя — красные, синие, желтые. Однако ребята были разочарованы — на что им стекляшки! А ведь надеялись найти столовое золото да серебро. И как они догадались, что генерал спрятал на хозяйственном дворе свое добро? Нашли клад, но тут же все перебили вдребезги.

Ночная вахта была тревожной на чужой земле. Связисты во флигеле спали. Немцы в городке тоже, наверное, спали. По крайней мере, было тихо и темно. Даже коровы перестали мычать, только дышали да стучали рогами в стенку. Их, видимо, немки все же подоили. Тэна ходила с заряженным карабином наперевес вокруг флигеля, вдоль хозяйственных построек и коровника, заглядывая во все углы. Вдруг за коровником послышались шаги. Она осторожно подошла к углу коровника, быстро заглянула за него и увидела... козу. Козочка шарахнулась от Тэны, но одной ей, видимо, было страшно, и она, замакав, подбежала к девушке. Так и ходили вдвоем: Тэна с карабином наперевес, а за нею — коза. Когда пришли сменять ее — сдала пост и козу.

Узел связи в этом месте так и не развернули. Потом стало известно, что их взвод завезли чересчур далеко, и они чуть было не попали в окружение.

И снова — дороги, дороги... Вонючие погорелища, прусские городки с домами непривычной архитектуры, вереницы беженцев, ненавидящие взгляды... Жалко было только детей — они-то не виноваты в преступлениях своих отцов и дедов. Иногда девушкам удавалось отдать им горсть карамелек — свой табачный паек, или кусок хлеба. Матери отворачивались, делая вид, что не замечают, но попадались и такие, что вырывали угощение из рук своего ребенка и швыряли на землю... Так-то!

В Шталуппенене повстречали колонну пленных немцев: на головах — полотенца, тряпье разное, на ногах — какая-то соломенная обувь... Жалкое зрелище. Где подевалось высокомерие и спесь завоевателей сорок первого?.. Ни жалости не было к ним, ни сочувствия. Свора убийц, насильников, поджигателей — и только! И вот — теперь их города в развалинах, беженцы тянут по доро-

гам свой скарб, везут в колясках детей... А кто в этом виноват? Виноват их бесноватый фюрер и фашистская партия, они сами!

В Вилькендорфе по дороге на телеграф и обратно в подразделение смена Нины Тарасовой проходила мимо убитой, вмерзшей в лед немецкой женщины. Девушки старались не смотреть в сторону трупа — было жутко и неприятно, хотя немало уже повидали и своих, и вражеских покойников. Здесь же, в Вилькендорфе, Нина отметила свой двадцать второй год — посидели у печурки за кружкой чая, напелись в охотку, насмеялись от души — чувствовалось, что скоро уже конец войне, скоро можно будет вернуться домой. Кстати, в разговорах уже меньше вспоминали довоенную жизнь, и все больше мечтали о том, как будут жить после возвращения домой, мечтали о гражданской одежде, о туфельках на каблучках, об освещенных улицах, об окнах домов без светомаскировки, о домашних пирожках и котлетках, о танцплощадке в городском парке, о театре, о библиотеке, об учебе...

Во время переезда с Зиной Гоморовой произошло ЧП — она забыла свой карабин на старом месте. Что было бы с ней, если бы ребята, закрывавшие связь, не прихватили его и не привезли с оборудованием на новую точку! Хорошо, что Зина помнила номер своего оружия (48045) — ей отдали карабин. Отделалась испугом и строгим выговором.

Кто-то из ребят подарил девушкам трофейную куклу. Это был симпатичный гуттаперчевый пупс с голубыми стеклянными глазами в кружевном чепчике и розовом шелковом платьице до пят. Девушки, стесняясь друг друга, по очереди нянчились с куклой. Ах, как давно это было — довоенное детство, тряпичные и резиновые куколки, игры в дочки-матери где-нибудь в уголке двора! А теперь они уже взрослые, и взрослые желания пробудила в них эта немецкая кукла: ребеночка бы понянчить — своего, тепленького, ласкового; спеть бы ему песенку, пеленать, купать, кормить... Глаза у девушек стали мечтательные, они улыбались смущенно, делились своими чувствами.

На телеграф смену возили на стареньком грузовике без скамеек. Шофер был лихой, гонял машину быстро. Тэна полюбила быструю езду, и стояла всегда около кабины, держась за ее верх. На поворотах девчата взвизгивали, цепляясь друг за друга, руга-

ли шофера за лихачество. И не напрасно. Однажды, уже подъезжая к телеграфу и сбросив скорость, машина вдруг круто повернула — левый борт отвалился и телеграфистки, как орехи из кошелки, посыпались на дорогу и друг на друга... Тэна слетела последняя, успев заметить пустую машину и удивленную Нину Величко на ней. Приземлившись на «кучу малу», она сначала рассмеялась, увидев, как девушки ползают на коленях в поиске своих шапок. Одна из них приговаривала:

— Где моя шапка... Где моя шапка?!.

Но вот верхние поднялись, а те, кто упал на землю, продолжали лежать. Тэне стало жутко! Склонилась над Диной Рябцевой... Мало того, что Дина ударилась при падении, так ее еще придавили упавшие на нее... Этой же машиной Дину отвезли в госпиталь. К счастью, отделалась она только синяками да ушибами. Когда генерал Птицын узнал, что связистка покалечилась, и поэтому один из основных проводов остался без смены, и Жене Хаяутиной пришлось дежурить две смены подряд, то есть шестнадцать часов без отдыха и обеда, — он снял незадачливого водителя с машины и отправил на гауптвахту.

Зима сорок пятого подходила к концу. Да и какая это была зима — сплошная слякоть! Наши войска все ближе пробивались к Берлину. Уже была освобождена Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария. Войска Третьего Белорусского и Прибалтийского фронтов осадили город-крепость Кенигсберг. За успешное наступление в Восточной Пруссии войска Третьего Белорусского фронта, в том числе и связисты, десять раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего. Первому отдельному полку связи ВВС и 208-й авиаэскадрилье связи было присвоено почетное наименование Тильзитских.

Работы на телеграфе было много, но Тэна давно уже не «зашивалась». Работала она, как и все ее подруги, быстро, четко, грамотно, и получала от работы большое удовлетворение. Но главным было сознание, что ее работа нужна фронту, что она не просто сидит за аппаратом, а обеспечивает боевые действия советской авиации, что переданные и принятые ею депеши приближают час победы над врагом. Она давно уже перестала ощущать себя ребенком среди взрослых: окрепла, подросла, стала серьезнее. В роте к ней относились с уважением, как к равной, убедив-

шись, что она не белоручка, не маменькина (вернее, не папенькина) дочка, что не избегает трудностей, не сваливает свои наряды на других даже тогда, когда нездоровится, не тяготится военной дисциплиной, доброжелательна и приветлива. И Тэна была счастлива, как можно быть счастливой в то суровое время. И тут ей показалось, что она опять влюбилась...

Тэне нравился младший лейтенант из шифровального отдела. Офицер заходил иногда на телеграф для переговоров. Она замечала, что он, закончив переговоры, подсаживался каждый раз к одной и той же телеграфистке, крупной, спокойной, с грубоватыми чертами лица — Лене Соловьевой. Они подолгу о чем-то тихо беседовали. Тэна удивлялась, ревнуя: «Что он нашел в этой Лене? Почему ни разу не подошел к ней, Тэне? Она же глаз с него не сводит!» И он однажды подошел — на переговоры. У нее голова пошла кругом, дрожали руки и колени. Если бы она не сжала изо всех сил свои челюсти, то защелкала бы зубами, как от озноба. Лейтенант спокойно переговаривался со своим товарищем по работе на другом конце провода и не замечал, по-видимому, волнения девушки. Когда он, закончив переговоры, отошел от ее аппарата и подошел к Лене, Тэна вздохнула с облегчением: «Фу, какое противное состояние!.. Хорошо еще, что он ничего не заметил. Вот было бы стыдно, если б спросил: «Что это вы дрожите?!» Но почему он опять разговаривает с Леной? Неужели у них роман?! Тэну больно кольнула эта мысль, и она стала мечтать, чтобы лейтенант перестал подходить к Лене, а обратил внимание на нее.

На следующий день лейтенант снова пришел на переговоры и, окончив их, направился... Нет, не к Лене — к Тэне! Сел на скамейку рядом с ее столиком, поздоровался и спросил:

— Я не помешал вам?

— Нет, — ответила Тэна радостно: оттого, что он сразу подошел к ней, а не к Лене и заговорил так просто, дружелюбно, она почувствовала себя на верху блаженства.

Он спросил ее имя. И назвал себя:

— Орлов Владимир Михайлович. — И рассказал Тэне, что он — москвич, ему девятнадцать лет...

— И мне — девятнадцать! — обрадовалась Тэна.

До армии Володя (так он просил себя называть) окончил один курс института, потом — военное училище, и через шесть

месяцев был направлен шифровальщиком в штаб Первой Воздушной. Тэна не удержалась и задала ему коварный, как она думала, вопрос:

— Ты давно знаком с Леной Соловьевой?

— С Леной-то, — держался он спокойно, — мы земляки... А точнее — одноклассники. Я с ее братом дружил, — и стал рассказывать о своей школе, как учился, чем увлекался.

Как раз пришла смена. Володя ушел к себе в отдел, а Тэна, сдав дежурство, вышла с узла связи. Во дворе было темным-темно. Телеграфистки, переговариваясь вполголоса, усаживались на машину (после ЧП в кузове соорудили скамейки). Тэна устроилась на средней, около правого борта, и, ожидая отправления, вглядывалась в темноту сырой январской ночи. Около машины кто-то шел, и Тэна услышала, как ее окликнул Володя:

— Тэна!

— Я здесь, — отозвалась она тихонько и опустила за борт руку. Пальцы ее коснулись его руки.

Он спросил:

— Это твоя рука?

— Да, — выдохнула Тэна и замерла от волнения и нежности, нахлынувших на нее.

Володя держал ее руку между своими ладонями и, когда машина заурчала, чуть коснулся губами ее пальцев. Машина поехала. Володя выпустил руку и успел сказать в темноту:

— До встречи!

Всю дорогу Тэна ехала с закрытыми глазами, но не дремала, а вслушивалась в свои ощущения, нежилась в проснувшемся в ней чувстве невыразимой радости. В эту ночь ей не спалось. Она вспоминала его чуть волнистые волосы, зачесанные вверх, и мысленно гладила их — наверное, мягкие! Представляла себе его глаза — карие, ласковые: когда Тэна вглядывалась в них, сердце ее обрывалось, как когда-то на парашютной вышке: пыталась прыгнуть вниз, но так и не осмелилась. Она в десятый, в сотый раз повторяла их разговор.

Теперь Володя почти каждый вечер подсаживался после переговоров к Тэниному столику, и они несколько минут задушевно беседовали. Он признался ей, что заметил ее в первый же день, как пришел на телеграф, но подойти стеснялся, и только, когда

увидел, что она на него поглядывает, решил познакомиться. А Тэна призналась, что ревновала его к Лене. Они весело подтрунивали друг над другом и были очень рады состоявшемуся знакомству. Неожиданно их встречи прекратились: Володю откомандировали в одну из эскадрилий.

Через пару дней после Володиного отъезда ее позвали к соседнему аппарату. Кто-то на конце того провода, явно не телеграфист, по одной буковке выстукивал: «П-о-з-о-в-и-т-е Т-э-н-у К-а-р-т-а-ш-о-в-у». Девушка ответила: «Я у аппарата». — «Я В-о-л-о-д-я. Т-э-н-о-ч-к-а, я т-е-б-я л-ю-б-л-ю. Ж-д-и п-и-с-ь-м-о». — «Здравствуй Володя! — застрочила Тэна в ответ. — Куда ты пропал? Мне так грустно! Я тоже тебя люблю!» Как легко отпечатать это слово «люблю» на телеграфной ленте. А смогла бы она сказать то же самое ему в глаза? Об этом Тэна не задумывалась, не взвешивала свои чувства, не задавала себе никаких вопросов. Было радостно знать, что Володя любит ее, и ей казалось, что она тоже любит.

В один из февральских дней, слякотных и хмурых, Тэна сидела у окна казармы, пришивала чистый подворотничок к гимнастерке, когда дневальный вызвал ее к командиру полка. Наскоро закончив шитье, одев и оправив гимнастерку, она побежала в штаб. Там в кабинете полковника застала старшего лейтенанта Жоли, старшину Лукьянюка и телеграфистку Дусю Кузьмину.

— Рисовать умеете? — спросил Тэну полковник.

— Умею немного.

— Очень хорошо! Поедете в Гумбинен помогать в оформлении выставки войск связи. К двадцати одному ноль-ноль быть около штаба с вещами. Идите! — Это он сказал Тэне и Дусе, и они тут же отправились в казарму за вещами.

Под выставку был отведен в Гумбинене второй этаж большого мрачного дома. В комнате с четырьмя высокими окнами были расставлены столы, на которых солдаты монтировали телеграфную и радио аппаратуру. На одном из столов готовили макет блиндажа с телеграфом. Этой работой руководил Лукьянюк. Он поручил Тэне закрашивать черной краской модельки аппаратов СТ-35. Заготовки для моделек были напилены из деревянных брусков. Когда краска высохла на модельках, Тэна подрисовывала белой краской клавиатуру, пюпитр и сбоку приклеивала маленькие

цилиндрики, обернутые «серебряной» фольгой — регуляторы аппарата. Дуся красивым почерком писала этикетки к экспонатам.

Над лестницей, ведущей с первого этажа на второй, прямо на стене старший лейтенант Андреев рисовал большую картину: группу наведения на передовой — около машины радиотелеграфа, стоявшей на опушке молодой березовой рощицы, расположились несколько бойцов-связистов. Люди на картине были, как живые, и, казалось, подует ветер — и березки закачают ветвями, зашелестят листвой, и облака уплывут вдаль к горизонту, где угадывались очертания города, и куда летели в вышине эскадрильи бомбардировщиков. Тэна зачарованно следила за работой Андреева. Она уважала его как прекрасного специалиста по связи, а теперь еще зауважала и как художника. Однажды вечером, когда они все отдыхали после работы в столовой на первом этаже, уютно устроившись в мягких креслах, и, рассматривая великолепные рисунки немецкого художника Буша в шикарном толстом альбоме, раздобытом где-то старшим лейтенантом Жоли, Андреев продемонстрировал еще один свой талант — талант декламатора: он весь вечер вдохновенно читал стихи Симонова и Есенина.

Как-то днем, выполнив свою работу, Тэна отпросилась побродить по городу. Далеко от «своего» дома она не пошла — боялась заблудиться, и брела по тротуару в одну сторону, никуда не сворачивая. Дома, мимо которых она проходила, были одинаково скучными, с узкими высокими окнами. Вдоль тротуара стояли черные, мокрые от дождя деревья. Сырой холодный ветер продувал сквозь шинель. По брусчатой мостовой проезжали машины с солдатами. Увидев Тэну с ее развевающимися за спиной длинными, толстыми косами, они махали ей руками, смеялись, звали ехать с собой. Некоторые шутники отпускали в ее адрес непристойности. Было противно и очень обидно. Она завернула за угол и зашла за ограду, окружавшую высокое остроконечное кирпичное здание кирхи, немецкой церкви. Дверь была открыта, и Тэна вошла внутрь. Справа и слева рядами стояли длинные, темные скамейки, а в глубине она разглядела толстые и тонкие вертикальные трубки. Подошла поближе и догадалась, что это — орган. Клавиатура — в два ряда, какие-то кнопки, ручки, педали. Тэна потрогала клавиши — молчание. Оглядела орган со всех сторон и обнаружила

меха и педаль, с помощью которой их надувают. Надула немного воздуха в мех и снова подошла к клавиатуре. Тронула одну клавишу — загудело где-то вверху, тронула другую — второй звук присоединился к первому. Тэна попыталась выключить гудение, стала нажимать кнопки, поворачивать ручки, но орган все гудел и гудел. Тэна струхнула и быстренько убралась из кирхи, пока ее здесь не застали. Гулять по городу расхотелось, и она вернулась «домой», где ее давно ждала Дуся.

Дуся Кузьмина — нет, уже не Кузьмина, а Панина — проснулась в седьмом часу у себя дома в Михнево. Не открывая глаз, прислушалась: ребенок, которого она носила в себе, стукнул чем-то тупым в правый бок и один раз, и другой. Потом еще и еще. «Ему, наверное, неудобно, — подумала она, повернулась на спину и расслабила мышцы. Встать не хотелось. Мама только что вышла в сарай доить корову. — Принесет молоко, выпью парного, тогда встану», — оправдывалась она сама перед собой.

Уже третий месяц она дома. Алексею дали отпуск, и он привез ее в Михнево. А самолет им выхлопотала гостившая тогда в штабе Алла Константиновна Тарасова, народная артистка, жена генерала Пронина. Она своим чутким сердцем посочувствовала беременной женщине-солдату. Дома в поселковом совете их с Алексеем и расписали, вечером сыграли свадьбу, на которой было восемь человек и одна бутылка водки. На следующий день Алексей уехал в часть, а Дуся осталась дома ждать ребенка и конца войны.

С Алексеем Дуся познакомилась, когда стояли в деревне Гречишка. После вечерней смены он пригласил ее погулять, и они гуляли до самого утра. Алексей рассказывал всякие были-небылицы, загадывал армянские загадки, которые невозможно отгадать, и она хохотала до слез, а когда утром девчата спросили, над чем она так громко смеялась, Дуся не могла объяснить. Просто ей было очень хорошо, она была влюблена, она была счастлива. Они стали встречаться каждый свободный вечер, и стали друг для друга самыми близкими, самыми родными, стали мужем и женой. Алексей рассказал Дусе о себе, и она ему рассказала, как жила до войны: о том, что отец работал в по-

жарной охране торфопредприятия, часто пил, ругался с матерью. Жили бедно, хотя держали корову и продавали молоко за хлеб. В семье было трое детей, все они очень дружили между собой и очень любили родителей. Перед войной Дуся окончила семь классов и пошла работать на почту. Там ее, семнадцатилетнюю, и застала война. Сначала послали Дусю на трудфронт рыть траншеи, пилить лес. Стала проситься в армию. В первый раз — отказали; продолжала работать на почте. Мечтала стать летчицей. Наконец узнала, что набирают добровольцев, и отправилась с подругой в военкомат, прошла медкомиссию — и оказалась в армии. Добровольцев привезли в Алабино, построили, и отобрали кого куда. Дуся попала в ПСД*. В свободное время тренировалась на СТ-35. Понравилось. Стала проситься в связь, и ее отправили в учебную роту. Так она стала телеграфисткой, и в полку попала в смену Иващенко, а потом — на РСТ...

Дуся заулыбалась, вспомнив смешной случай: работала на РСТ в ночную смену, вдруг услышала крик, выглянула из машины — никого; закрыла дверь — крик повторился, и опять никого не увидела. Не на шутку испугалась. А утром узнала, что это кричала сова.

В сенях звякнула щеколда, хлопнула дверь — это мать пришла из сарая, сейчас процедит и принесет Дусе пол-литровую банку теплого, пенного молока. Она взялась руками за никелированную спинку кровати, подтянулась и села, прижавшись спиной к подушке и снова закрыла глаза, задумалась, и еще один случай всплыл в памяти...

Полк уже стоял в Литве. После ночной смены девчата отдыхали за сараем, а ребята — в сарае. Вдруг часовой крикнул: «Немцы!» — и бросился в сарай. Девчата вскочили и видят: по ржи к их машине РСТ ползут немцы. По тревоге поднялись ребята из комендантской роты под командованием Алексея Фролова и связисты, завязалась перестрелка. Дуся захотела разглядеть бой и полезла на крышу машины, оттуда ее согнал будущий муж Алексей Панин и как следует отругал: «Соображаешь, что делаешь? Хочешь поймать случайно-неслучайную пулю?!»

* ПСД — пункт сбора донесений.

В комнату вошла мать с банкой молока.

— На-ко вот, выпей тепленького... Да вставай, дочушка, — вредно в твоём положении валяться. — Она поправила сбившуюся занавеску на кровати, забрала у Дуси пустую банку и сказала: — Тебе там письмо. От подружки, наверное.

Дуся отбросила одеяло и босиком вышла в залу. На столе лежал треугольник с пятизначным числом полевой почты в обратном адресе. Устроившись с ногами на диванчике, она прочла коротенькое письмо от своей фронтовой подружки Тамары.

Тамару Михайлову из 56-й дивизии прислали к ним на РСТ стажироваться. Подружились они на всю жизнь. Однажды, когда в свободную минутку сидели около машины на солнечном бугорке, над ними пролетел самолет и покачал крыльями. Тамара помахала рукой и, смеясь, сказала: «Вася Цуканов, мой жених!..» Вскоре Тамару отозвали в дивизию. На прощание они обменялись шинелями и договорились переписываться. В этом письме Тамара писала, что вышла замуж за Цуканова.

Работа в Гумбинине кончилась, и Тэна с Дусей вернулись в полк. В Гумбине негде было помыться — у Тэны стала нестерпимо зудеть голова. «Батюшки, похоже, что я набралась вшей, — с ужасом думала она. — Два года берегла косы, все было в порядке, а тут... Прибыв в полк, она первым делом побежала к старшине.

— Старшина, голубчик, достань мне банку керосина!

— ???

— Очень надо... Срочно, понимаешь?!

Старшина, похоже, сообразил, в чем дело, ответил:

— Подожди тут... — и вышел. Минут через десять принес полкотелка бензина и оцинкованную шайку. — И это вот на-ко, — протянул ей кусочек мыла. — Лечись.

Тэна сунула мыло в карман шинели, схватила шайку и котелок — бегом на кухню. Устроившись в темном уголке, налила в шайку горячей воды и бухнула в нее весь бензин, расплела косы — сунула голову в раствор. Мыла долго, пока не заныла спина. Потом отмывала мылом, вычесывала густым гребнем, с которым не расставалась всю войну. И только просушив волосы у топки полевой кухни и заплетя косы, Тэна пошла к себе в ка-

зарму. От вшей — «бобиков» — избавилась, но бензином от нее разило еще довольно долго, и девчата, да и офицеры, приходившие на переговоры к ее проводу, с подозрением к ней приноживались.

В середине марта штаб переехал на новое место в город Бартенштайн. Узел связи разместился в уютном коттедже. Низкие потолки, раздвижные окна и внутренние двери придавали телеграфу какой-то очень домашний вид. Под окнами в палисаднике — кусты, еще без листьев, клумбы без цветов дремали в ожидании тепла. В соседних коттеджах расположились отделы штаба. В одном из них — отдел химической службы, начальником которой в Первой ВА был отец Тэны — Карташов Георгий Ананьевич. Иногда после ночной смены Тэна отправлялась к нему в гости. Отец готовил к ее приходу угощение: обжаренные кусочки вареного мяса. Тэна с аппетитом уплетала ароматные, хрустящие кубики. Отец расспрашивал о ее жите-быте, и она чувствовала, что он ею гордится. За два года она ни разу не пожаловалась, что ей трудно, что чего-то не хватает, да и ее начальство, как она поняла, отзывалось о ней хорошо.

Однажды отец спросил:

— На коне хочешь прокатиться?

Что за вопрос! Это же ее голубая мечта с детства — научиться ездить верхом — еще с тех пор, когда отец служил в кавалерии в Закавказье под городом Телави. У него тогда была гнедая кобыла Воля. Утром, почистив и покормив ее, он выпускал лошадь на прогулку, и та шла к дому, заглядывала в окно их комнаты (они жили на первом этаже) и тихо ржала. Тэна с мамой выходили во двор, и Воля пыталась достать из кармана маминой синей толстовки угощение — кусочки сахара. Тэна клала сахар на ладонь — Воля осторожно брала из детской руки лакомство бархатно-твердыми губами. А когда у Воли появился жеребенок, Тэна с папой ходили его навещать. Она просила отца покатать ее на лошади, но он говорил: «Нельзя. Ты еще маленькая. Да и Воля не любит, когда на нее садится чужой».

А теперь отец сам предлагает Тэне сесть на коня. Она переоделась в папин лыжный костюм и вышла во двор. Там солдат держал под уздцы огромного гнедого трофейного коня, который нетерпеливо переступал с ноги на ногу, прядал ушами, раздувая

ноздри, косился на окруживших его людей. Тэна подошла к нему, похлопала по шее, погладила по морде. Конь недовольно отдернул голову. Тэне стало страшно. «Он же немецкий... Русских команд не понимает, — мелькнуло в сознании. — Вдруг понесет и сбросит!» Она жалобно посмотрела на отца.

— Что, боишься? — усмехнулся отец.

— Боюсь...

Солдаты стали уговаривать ее:

— Да он — смирный, не бойся!

Но Тэну сковал страх:

— Нет, нет!.. Не хочу. Он такой большой, я с ним не справлюсь.

Отец понял ее состояние и сказал:

— Ты права... Я напрасно это затеял. Как-то не подумал, что ты никогда не сидела на коне, а тут вдруг — садись и езжай... Ты уж извини меня.

А Тэне было и стыдно своего страха, и обидно, что не воспользовалась единственной, может быть, возможностью поездить верхом.

Такая возможность, оказывается, представилась не ей одной. Как-то после ночной смены Нина Тарасова и Ира Серова шли в подразделение. Проходя мимо дома, в котором квартировал кто-то из большого начальства, они увидели лошадь. Нет, это была не обозная понурая лошадка со спутанным хвостом, а красавец-конь с гордо посаженной головой на выгнутой шее, с коротко подстриженной гривой, волнистым расчесанным хвостом, нетерпеливо переступающий стройными, в белых «носочках» ногами. Коня держал за повод конюх, оглаживая и похлопывая его по шее. Он приговаривал:

— Спокойно, Миф, спокойно... — И конь косил на него черным, с синим отливом глазом и хватал губами за рукав гимнастерки. Он был оседлан и, видимо, готов к выезде.

Девушки остановились, любуясь конем. Ира вспомнила, как в детстве ездила на крестьянской лошадке, которая бежала рысцой, еле-еле, а Ире казалось, что скачет галопом.

— Вот бы прокатиться!

— Ты что — сума сошла?!

— Подумаешь, что такого! Я дома, знаешь, сколько ездила верхом?.. — стала бахвалиться Ира.

— А ну, дочка, покажи свою удаль — садись на коня! — Это подзадорил Иру Кояндер. Оказывается, он шел за ними и все слышал.

— А что — и сяду! — кокетливо ответила она. И уже — менее уверенно: — Если, конечно, разрешат.

Кояндеру, наверное, неловко было брать назад свое предложение, и он велел конюху дать Ире коня. Тот засопровтивлялся, но Кояндер прикрикнул: мол, кто тут старший, и забрал у него повод, велел Ире садиться. Той бы отказаться — ездила ведь на старой кобылке, тихо, но то ли со страха, то ли стыдно было признаться в хвастовстве, она, как кролик, зачарованный удавом, подошла к коню, кое-как вскарабкалась в седло, вцепилась в повод — и конь понес ее. Замирая от ужаса и не видя ничего впереди, Ира думала: «Ну, кажется, допрыгалась, дорогуша... Сейчас сбросит!» И вспомнила, что говорил отец, обучая езде на колхозной кобыле: «Будешь падать, перво-наперво освободи ноги из стремя, иначе вывернешь ступню». И она начала осторожно стряхивать с ноги стремя, но потеряв равновесие, обхватила обеими руками шею коня и сползла на его бок. Миф, очевидно, почувствовав крайнее неудобство, остановился. Ира спрыгнула на землю. К ней уже бежали, отчаянно матерясь, конюх и Кояндер — ругали то ли ее, то ли друг друга. За ними бежала Нина. Ира, напуганная, почти упала ей на руки.

А конь-то был не простого начальника, а самого Громова Михаила Михайловича!

(Много лет спустя Ирине довелось побывать в гостях у Громовых, и она призналась, что однажды прокатилась на Мифе. Реакция Громова оказалась для гостьи неожиданной.

— Что-о-о?! — шепотом произнес он. — Ты же могла сломать спину этому драгоценному коню! — И, помолчав немного, успокоившись, уже совсем иным тоном, грустно и рассеянно, заключил: — Мифа давно уже нет в живых...)

Полк связи разместили в нескольких километрах от Бартенштайна в соседнем городке Херминхагене, в бывшей немецкой то ли казарме, то ли военной гостинице — мрачном двухэтажном здании, грязном до ужаса. Связистам пришлось изрядно потрудиться, чтобы привести в порядок помещение и территорию

вокруг дома. Около дома было два пруда, в которых гитлеровцы, удирая, потопили массу свиней — пришлось их выуживать и закапывать. За домом раскинулся большой и, наверное, очень красивый парк, но сейчас, в начале весны, он был еще без зелени — серый и сквозной. Телеграфистки разместились на втором этаже в двух смежных комнатах. В прихожей стояла пирамида для карабинов, и дежурил дневальный. Вторая дверь из прихожей вела в большой зал с высокими венскими окнами и паркетным полом. Здесь показывали кино, проводили репетиции хора и, конечно же, танцевали.

Тэна по-прежнему скептически относилась к танцам, но однажды во время ночной смены, когда работа на узле замерла, у нее произошел разговор с дежурным по связи старшим лейтенантом Зиненко. Он заметил, видимо, что Тэна не танцует и спросил:

— Почему не танцуешь?

Тэна изложила ему свою точку зрения на танцы. Зиненко внимательно выслушал ее и сказал в свою очередь:

— По-моему, ты не права. В танце совершенствуется человек и физически, и духовно, если, конечно, танцует под хорошую музыку. Вырабатывается красивая осанка, походка становится легкой, развивается чувство ритма, такта... А музыка делает человека одухотвореннее, чище. Вам, военным девушкам, столько лет прожившим в казарме, по восемь часов просиживающим за аппаратом, танцы просто необходимы. К тому же, танцы сближают людей. Так что — подумай над этим и научись танцевать. Мне кажется, что тебе это придется по душе.

Зиненко оказался прав. Тэна стала ходить на танцы, и настолько втянулась в них, что с нетерпением ждала вечера, чтобы натанцеваться вволю. Учителем ее и постоянным партнером была Клара Фирсакова, с которой она давно и душевно дружила, защищала ее от недоброжелателей, а таких в любом коллективе хватает, тем более, что Клара была такою же «неумекой», как и Тэна в начале своей военной службы. Шура, с которой Тэна продолжала тоже дружить, ревновала к Кларе. Но Тэну тянуло к Кларе соответствие в их развитии, общности интересов, вкусов. Клара была более развита и начитана, чем Тэна, а Тэна была физически крепче и решительнее, и эти различия еще больше скрепляли их дружбу.

ВОЙНА КОНЧИЛАСЬ!

За успешное наступление в Восточной Пруссии войска 3-го Белорусского фронта, в том числе и связисты, десять раз отмечались в приказах Верховного Главнокомандующего. 1-му полку связи ВВС и 203-й авиаэскадрилье связи были присвоены почетные наименования Тильзитских...

Е.В. Кояндер

Конец войны приближался. Готовился штурм Кенигсберга и работа на узле связи стала напряженной. Снова дежурили в две смены, но работали легко и радостно в ожидании конца войны. Разведданные шли уже почти полностью открытым текстом и были отрядными вестниками скорой победы.

Е.В. Кояндер в своей книге «Я — «Рубин», приказываю...» писал: «Штурм Кенигсберга начался в 12 часов 6 апреля... Кенигсберг наши войска штурмовали несколько дней. В ночь на 10 апреля фашистский гарнизон капитулировал... 2 мая пришло извещение о взятии советскими войсками фашистского логова — Берлина. Военные действия закончились уничтожением остатков разгромленных войск на косе Фриш-Нерунг 8 мая 1945 года».

8 мая в полку произошло ужасное происшествие: застрелилась Зина Воропаева... Нина Тарасова была в своей комнате, как вдруг услышала выстрел. Бросилась в соседнюю комнату. Там девушки из другой смены окружили Зину, выстрелившую в себя из карабина, и плачут в голос. Нина побежала в зал, где шла кинокартина, и вызвала командира роты и врача. Вышла из зала и Тэна, обеспокоенная криком Нины Тарасовой. В первой комнате девушки сидели на нарах бледные, плакали и о чем-то взволнованно переговаривались.

— Что случилось, девочки? — спросила Тэна.

— Зина Воропаева застрелилась.

Тэна ахнула и села на нары, будто ее толкнули в грудь.

— Как — застрелилась?! Почему?

— Ничего не знаем... У нее в кармане нашли записку, но командир роты ее забрал и побежал в штаб.

— Она вчера все выстирала, отгладила... Когда все ушли в кино, она одела все чистое, взяла в комнату карабин, да не свой, а почему-то Раи Хмелевской, будто бы — почистить, оперлась грудью на ствол и нажала курок...

— Что ж она натворила! Ведь война уже кончается... А какая была хорошая девушка — скромная, добрая, милая...

— Какое горе родителям!..

— Она была сирота... В детском доме росла.

— Зина так хорошо работала!.. В экспедиции во время ее дежурства всегда был безукоризненный порядок...

Девушки горевали, недоумевали, жалели безрассудно покончившую с собой подругу. А Зина лежала в соседней комнате на полу, где упала. Туда никого не пускали. Вскоре пришли командир полка с начальником штаба и медсестрой, вызвали двух ребят-телеграфистов и те на плащ-палатке отнесли Зину в санчасть. Там медсестра обследовала покойницу и по секрету потом шепнула Нине, что Зина была беременна, потому, наверное, и застрелилась. Девушки из Зининой смены рассказывали, что Шведов, с которым Зина встречалась, изменил ей, стал ухаживать за другой. А она, бедняжка, видно, решила, куда, мол, ей, сироте, после войны с ребенком деться, и нашла такой ужасный выход. Похоронить Зину должны были на следующий день но...

Смена Нины Тарасовой вернулась с вечернего дежурства. Девушки молча, без обычных шуток и болтовни поужинали и, грустные, улеглись спать. Среди ночи вдруг в комнате радистов закричали: «Ура-а!.. Ура-а!» И тут же к девушкам в комнату влетел дневальный и не своим голосом завопил:

— Подъем!.. Победа!.. Война кончилась!.. Ура-а!

Телеграфистки завизжали восторженно и, накинув шинели прямо на нижние рубашки, натянув сапоги на босу ногу, повыскакивали во двор. А там уже был весь полк (кроме тех, кто находился на смене). Ребята палили из карабинов и винтовок, девушки смеялись и плакали, обнимались и целовались, все орали (да, не кричали, а именно орали!):

— Ура-а-а! Победа! Ура-а-а!

Вот уже кто-то пустился в пляс! В небо летели цепочки трассирующих пуль, металась во все стороны, будто опьяненные, лучи прожекторов. Ликование было неопишное до самого утра. А утром, наспех позавтракав и не в силах стереть с лица счастливых улыбок, отправились на первую смену *ПОСЛЕ ВОЙНЫ*.

На телеграфе шла обычная работа, но праздничная атмосфера царила и здесь. Пришедшие на смену телеграфистки, обнимали и целовали тех, кто уже отработал в первую мирную смену: поздравления слышались в каждом углу аппаратной, в экспедиции, на кроссе, не обошлось и без радостных (а у кого пополам с горькими) слез. Офицеры штаба заходили на телеграф не только для переговоров или передачи срочных депеш, но просто, чтобы поздравить с Победой своих помощниц по боевой работе. Все вокруг улыбались, улыбки словно висели в воздухе.

Маша Тишина работала на проводе «Земля». С него, как правило, шли разведданные. Вот и сейчас Маша приняла депешу и наклеила в верхнем углу бланка: «Прд* Яхонтова 13 35». — «Прн** Тишина 13 36 — подтвердила прием Маша. — Привет, Люся! Как живешь?» — «Привет, дорогуша! Живу не тужу. Вык. Меня зовут». Маша выключила аппарат, оформила депешу и отнесла на стол дежурному.

Люся Яхонтова, телеграфистка десятого авиаразведывательного полка, отключив провод штаба армии, отозвалась на вызов, настойчиво повторявший ее позывной:

— Земля! Земля! Я — Сокол!.. Земля! Земля! Я — Сокол!..

— Я — Земля. Прием. — Люся поправила шлемофон, взяла карандаш и приготовилась записывать очередные разведданные «Сокола», передаваемые по прямой открытой связи непосредственно с самолета. — Уснула, что ли?! — беззлобно упрекнул ее летчик. — Пиши... Нахожусь над квадратом 214. В районе станции П. Вижу два эшелона: один с цистернами, второй — товарняк. Севернее станции колонна мотопехоты — двадцать машин, четыре самоходки. Западнее высоты 017 — двадцать пять танков и зенитная батарея... Все. Меня, кажется, заметили, начнут угощать. Тикаю!

Люся быстро записывала радиограмму, на последнее слово летчика ухмыльнулась, а сердце дрогнуло: «угощение» может быть последним в его жизни. Летчик назвал свой номер, Люся подтвердила прием, отключилась от радиоприемника и включила СТ-35. «Заиграла» привычную «мелодию»: «Тамли, тамли, тамли...» Ей ответили привычным: «Тут. ПП. ПД» И «горя-

* Прд — передала.

** Прн — приняла.

ченькие данные авиаразведки пошли в разведотдел штаба армии, потом по другому проводу — в штаб фронта, а затем по третьему проводу — в сорок седьмой Московский авиаполк.

Всю войну телеграфистки десятого авиаразведывательного работали в две смены. Нагрузка была колоссальная, еще большей — ответственность за четкость, точность, скорость приема и передачи данных визуальной авиаразведки. Физическое и нервное напряжение снималось во время отдыха от дежурств благодаря вниманию и чуткости командиров, особенно комполка полковника Родина, да и летчики относились к девушкам уважительно, видя в них надежных товарищей по боевой работе.

Люся Яхонтова приехала в Минск в январе сорокового года. Ее отец, майор Яхонтов, был в это время на финской войне. Люся попала в седьмой класс «Б», где уже два месяца училась Тэна Карташова. Оказавшись в классе новенькими, а также соседками по дому, девушки, очень разные и внешне, и по характеру, подружились. Люся была взрослее, самостоятельнее Тэны, которая и в седьмом, и в восьмом классах, да и в армии была похожа на мальчишку-сорванца с косами. Люся же с ее серыми выразительными глазами, точеным профилем, нежной улыбкой слыла неотразимой белокурой красавицей.

Война развела на долгие годы девушек. Тэна уехала из Минска за два дня до войны, и судьба уберегла ее от трудностей, которые пришлось испытать Люсе. Двадцать второго июня в шесть часов утра на аэродроме, где жили семьи командиров штаба ВВС, объявили боевую тревогу. Все побежали в солдатскую столовую, там и узнали, что немцы напали на Советский Союз. Днем налетели фашистские самолеты и началась жесточайшая бомбежка. Наши самолеты не успевали подняться в воздух — их сжигали вражеские стервятники прямо на летном поле. Летчики в отчаянии метались по аэродрому. Некоторые, видя, как горят их ястребки, плакали навзрыд...

Семьям военнотружущих сначала велели рыть траншеи вокруг аэродрома, надеясь здесь задержать врага. Когда стало ясно, что немцы стремительно приближаются к Минску, встал вопрос об эвакуации. Полковник Худяков прислал 24 июня полторку, и несколько семей, остававшихся еще на аэродроме, наконец выехали, с ними была и семья Яхонтовых. Минск уже горел.

Мародеры грабили магазины и оставленные без присмотра квартиры. На московском шоссе грузовик обогнал автобус, в котором ехали артисты МХАТа — так неожиданно трагически оборвались гастроли этого знаменитого театра.

Грузовик довез беженцев до Орши. Там сопровождавший их полковник Воскресенский помог им пересест в эшелон, идущий на восток, а сам на грузовике отправился разыскивать детей, отправленных накануне войны в пионерские лагеря. Среди них была и Танюша, Люся младшая сестренка-первоклассница. В лагерях детей уже не оказалось. Местные жители сказали, что их вывезли в Смоленск. А когда немцы заняли Смоленск, пионервожатые вывели детей из окружения через линию фронта. Разыскали их родители уже в Детском доме в Тамбовской области.

Эшелоном Люся доехала до городка Балаково Саратовской области. Сюда в сорок третьем полковник Яхонтов прислал в военкомат вызов на Люсю. Она была мобилизована и направлена в Перхушково, где и стала курсантом учебной роты Первого Отдельного полка связи ВВС Западного фронта. Из учебки ее направили в мастерские связи. Командиром там был майор Дудашвили. Когда в мастерских узел связи ликвидировали, Люсю откомандировали в десятый авиаразведывательный полк, базировавшийся в то время в Смоленске. Из Смоленска полк шел за фронтом через Демидов, Борисов и Литву в Восточную Пруссию. В конце войны Люся Яхонтова и Саша Сандалова обслуживали морзянку наблюдательного пункта своего полка. В ночь на девятое мая аппарат вдруг застучал настойчиво и, казалось, требовательно. Люся включила его, лента побежала, а на ней знаки Морзе, словно приплясывая, выписывали слово: победа, победа, победа...

Погода в начале мая была неприветливая, хмурая, холодная. Деревья, кусты, цветы не спешили одеваться в весенний наряд. А утром 9 мая солнце рассиялось во все небо. Показались наконец светло-зеленые листочки, на клумбах запестрели первые цветы. Весенним расцветом природа будто бы приветствовала величайший праздник советских людей.

Тэна сидела у аппарата и чувствовала себя именинницей. Приятно было принимать поздравления и самой поздравлять. Даже аппараты СТ-35 казались праздничными — уж очень веселые солнечные зайчики разбегались от их черных, блестящих корпусов.

Передавали очередную депешу, и Тэна особенно аккуратно наклеивала ее на бланк. Принесли две шифровки, она передала их с особенным удовольствием. В каждой пятизначной группе цифр звучало, как песня: победа, победа, победа... Праздничное настроение пробудило вдохновение, и когда перед концом смены поток телеграмм иссяк, Тэна, прибрав рабочее место, на обороте испорченного бланка стала быстро писать:

Не было дней чудесней в жизни моей,
Не было, чем сегодня, светлее дней!
Одно лишь слово ПОБЕДА в сердце поет.
У каждого рта улыбка — это радость цветет.
У каждого взор сверкает — войне конец!
Друг друга каждый встречает: «Войне конец!»
У каждого в сердце счастье течет через край —
Сердца переполнены страстью, приветствуют май!
Сегодня — ПОБЕДА, ПОБЕДА! Ликует страна.
Земле улыбается небо, смеется луна.
Деревья листву распустили, цветы расцвели:
Природа встречает расцветом ПОБЕДУ земли.

Потекли один за другим мирные дни. На третий день после победы похоронили Зину Воропаеву. Через несколько дней были еще одни похороны — лейтенант из радиороты подорвался на mine. Эхо войны! Сколько еще будет ее отголосков? На телеграфу работы стало мало. Не было больше разведсводок и оперативных донесений, меньше стало шифровок. Только метеосводки поступали так же регулярно, как и прежде. В свободное время Тэна потихоньку писала письма, сочиняла стихи, мечтала о будущем.

Как-то во время ночной смены у нее опять завязался разговор со старшим лейтенантом Зиненко. Он поинтересовался, что она собирается делать после демобилизации. Тэна ответила:

— Конечно, учиться!

— Где?

— В Тимирязевке.

Зиненко пожал плечами:

— А вот мне интересно: знаешь ли ты, кого готовит сельскохозяйственная академия?

Тэна удивилась этому вопросу и вдруг поняла, что, действительно, она не имеет ни малейшего представления об этом ВУЗе.

— Ну-у, — тянула она, — изучают животных, растения... А я очень люблю зверей, вообще — природу...

— Эх, ты!.. Любитель природы! В Тимирязевке готовят агрономов, зоотехников — будешь крутить коровам хвосты! — засмеялся Зиненко и сказал, что совсем не представляет Тэну работником сельского хозяйства. И посоветовал: — Иди в технический ВУЗ. Например, в Институт Связи. И поступать будет легче, раз ты связистка, да и техника связи очень интересная, с большим будущим.

— Нет, нет и нет! — закрутила головой Тэна. — В связь — никогда! Она мне и тут надоела до чертиков.

— Ну, смотри, не пожалей потом. А в Тимирязевку я тебе все же не советую, — закончил он разговор.

Так покачнулась цель, которую Тэна поставила себе еще в восьмом классе. «Ладно, — решила она, — поживем — увидим. Надо еще десятый класс окончить, и время еще будет, чтобы сделать выбор профессии».

Вскоре после победы, выйдя после ночной смены с телеграфа, Тэна увидела Володю. Он специально приехал, чтобы повидаться с ней. Поздоровались — и ужасно оба смутились. Они некоторое время не могли начать разговор.

— Меня отпустили на целый день... — наконец сказал Володя. — Дали небольшое поручение в штаб. Вернуться должен этой ночью, будет самолет из нашей части, — говорил он, продолжая держать Тэну за руку. — Если ты не против, поеду к вам в полк. — Он слегка сжал ее руку и внимательно взглянул в глаза. — С твоим начальством я договорился, так что ты не волнуйся.

Тэна кивнула:

— Конечно, поехали. — Ей самой очень хотелось побыть с ним вдвоем, поговорить не в письмах и не по аппарату, а с глазу на глаз — разобраться в своих чувствах, в своем к нему отношении.

Девушки уже разместились в студбеккере, когда Володя, посадив сначала Тэну, тоже забрался в кузов. Сел рядом с нею и взял ее руку в свою. Оба одновременно вздохнули и рассмеялись. Так они и ехали до Херминхагена, держась за руки и тихонечко переговаривались. Девушки делали вид, что не обращают на них внимания, видя, что они, хотя и храбрятся, но здорово смущаются. В полку они съели Тэнин завтрак из одного котелка, до обеда погуляли по парку, который уже оделся в свежую, блес-

тящую листву и запестрел весенними цветами. Пообедали снова из одного котелка, после чего пошли на танцы. За весь день Тэна с Володей переговаривали, кажется, обо всем, что только ни приходило им на ум. Во время танцев Тэне вдруг стало с Володей скучно. Исчезло ощущение радости. Удивленно приглядываясь к нему, она с неудовольствием заметила, что он не такой уж высокий, каким казался раньше, лицо бледное, почти белое, не так ловко танцует, как ей хотелось бы, и сапоги у него большие, кирзовые, и гимнастерка чуть помятая... Тэна старалась не глядеть ему в глаза, чтобы он не догадался о ее разочаровании. Вечером Тэна проводила Володю к машине, в которой смена уезжала на ночное дежурство, подала ему вялую руку и сказала:

— До свидания!

Вернулась в казарму с испорченным настроением. «Зачем я сказала ему «До свидания!»? Надо было — «Прощай!» Так было бы честнее. Я ведь поняла, что не люблю его, незачем и встречаться — ни к чему морочить ему голову. Пусть забудет меня. Полюбит другую... Жалко его, конечно. Нет, жалость унижительна!»

Проводив Володю, Тэна отправилась в казарму. Все были на танцах. И только Нина Тарасова лежала на своей постели, что-то читала. Тэна под села к ней, спросила:

— Нина, а где Ира?.. — Тэна привыкла видеть их всегда вместе, но Иры Серовой не было с ней. — Что-то я давно ее не вижу.

— Ира?.. — Нина отложила книгу. — Ее забрали в Дом Красной Армии, она теперь певица... Но я ей не завидую. У нас хоть и трудно работать в ночные смены, и дисциплина, но зато — мы семья. Она и сама не рада, скучает без нас. Говорит, что неизвестно, когда демобилизуют теперь, а она ведь — студентка, учиться хочет.

— Да, жалко Иру, — посочувствовала Тэна. — Как она там, одна?

— Я иногда после смены захожу к ней.

Нина задумалась и вспомнила, как еще в апреле ее вдруг вызвал к себе Птицын.

— Меня просят перевести тебя в ансамбль песни и пляски. Как ты на это смотришь? — спросил он.

— Не знаю... А что вы посоветуете?

— Я тебе не советую оставлять полк. Оттуда тебя не скоро демобилизуют, а ты ведь студентка, тебе учиться надо...

— Вот в том-то и дело: хочу продолжить учебу, из полка не собираюсь пока уходить.

— Ну и ладно, — обрадовался генерал. — Я скажу, что не могу отпустить тебя.

— Спасибо!

Нина испытывала чувство глубокой благодарности к генералу Птицыну за его чуткость и доброту к своим подчиненным. «Хотя, — вспоминала она, — бывает и крут, и несправедлив. Вот, например, тот случай в Сырокоренье. Она уже была начальником смены, и ее смена работала ночью. Работы было мало, на телеграфе было холодно, и она с дежурным по связи старшим лейтенантом Герасимовым разрешили телеграфисткам накинуть на плечи шинели и сами сделали тоже самое. Дежурные убрали телеграф, кое-кто дремал у аппарата. Вдруг на узле появился генерал Птицын, да еще не в духе. Отчитал и дежурного по связи, и начальника смены за беспорядок, объявил обоим по пять суток ареста и отправил их домой. По дороге в Михайловку шли, переживая. Герасимов бодрился, у него — домашний арест, шутил:

— Вот уж отосплюсь за пять суток!

— Да, вы дома отоспитесь, а меня-то — на губу посадят! — Нине было обидно — серьезного же нарушения ни дисциплины, ни порядка они не допустили, просто попали под горячую руку.

В Михайловке Нина пошла к командиру роты докладывать о своем наказании, а он отправил ее спать, сам же — к командиру полка, и вместе с ним поехали к Птицыну. О чем они там говорили, Нина не знает, только в середине дня к ней зашел командир роты Медведев и сказал, что арест отменен. Но Герасимов все же «отоспался», потому что с него Птицын арест не снял, только уменьшил срок.

Вспомнился и другой случай, приключившийся в Цветниках. Работы было так много, что телеграфисты ни на одну минуту не могли встать из-за аппарата. В экстренных случаях Нина подменяла телеграфисток. За это время на столе дежурного накапливалась кипа телеграмм, и Нина не успевала их обрабатывать. В ворохе телеграмм затерялась одна очень важная. Когда она попала в руки, Нина чуть не обмерла: это была шифровка с грифом «Воздух!» Ее надо было немедленно вручить адресату, а уже тридцать минут прошло... Конечно, виновата была телеграфистка, которая такую телеграмму должна была не

на стол положить, а дать в руки начальнику смены или предупредить, что поступила «Воздух!». Но вина все равно ложится и на начальника смены. Нина немедленно отнесла шифровку в экспедицию, и Зина Воропаева (она как раз дежурила) побежала с нею в отдел. Адресат отметил в журнале опоздание доставки телеграммы, но, к счастью, беды это опоздание не повлекло. Однако — факт опоздания был налицо, о нем сообщили генералу Птицыну, и он, разгневанный, вскоре появился на узле. Увидел столы, заваленные корреспонденцией, телеграфисток непрерывно стучащих по клавишам или клеящих ленту, посмотрел на Нину, бледную, взволнованную, разбирающую кучу телеграмм, и, видимо, оценив ситуацию, сказал ей:

— Что, трудно?.. Ну, ничего — все обошлось. Будьте внимательнее. — И ушел.

Как можно было после этого на него обижаться? Можно было только уважать. Да и вообще, телеграфисткам Первого отдельного полка связи здорово везло на командиров: Новоселов, Гринблат, Дубков, Медведев, Карауш, Жуковский и другие. Все они были заботливыми, чуткими в отношении девушек-связисток.

В штабе армии организовали банкет в честь Победы, пригласили и некоторых связисток, среди них Нину Тарасову. За ними из Бартеништайна заехали на виллисе и забрали срочно, не дав прихорошиться: девушки успели только подгладить форму да начистить сапоги. Нина ехала на банкет с чувством неловкости из-за того, что только их, «избранных», пригласили, хотя и понимала — всех пригласить никак не могли. Попыталась даже отказаться, но майор Карауш приказал ехать — и поехала. На банкете ничего интересного не было. Много шумели, кричали «Ура!», произносили задравные тосты, много пили и ели. Нина до конца не досидела и ушла к Ире Серовой, которая уже работала в штабе и жила в Бартеништайне. Ира угостила подружку чаем. Нина, между прочим, спросила у Иры, что она думает о девчонках ее смены. Ира посмотрела на Нину ясным, теплым взглядом:

— Что думаю? Хорошо о них думаю. Вот, например, Фира Аникина — ласковая, откровенная и веселая хохотушка. Только по секрету ей ничего нельзя сказать — не удержит... Аня Петухова — ее противоположность: молчаливая, скрытная, очень скромная, нежная, мечтает о «гражданке...»

- Ну, а обо мне что скажешь?.. Только искренне.
- А ты что — сомневаешься в моей искренности?
- Ну, что ты!

Ира немного подумала, собираясь с мыслями, и дала подруге такую характеристику:

— У тебя — характер лидера. Привыкла командовать. Но твое лидерство не обижает, наоборот, вызывает желание быть на тебя похожей... А вообще — ты добрая, хорошая подруга. Я тобой довольна!

Они дружно расхохотались. Говорили долго. Посмотрев на часы, Нина заторопилась, боясь опоздать к машине, на которой вечерняя смена поедет в Херминхаген.

Был банкет в честь Победы и в полку связи. Неожиданно для Тэны на этот банкет был приглашен и Володя Орлов. Офицеры полка шли на банкет с девушками-связистками. Тэнина смена отправлялась в этот вечер на ночное дежурство, и Тэна спала у себя в казарме, когда в комнату вбежала Клара и крикнула:

— Карташова, на выход!.. Срочно!

Тэна, недовольная, что ее разбудили раньше времени, нехотя оделась и вышла в дневальную. Там ее ждал Володя. Он шагнул к ней, радостно улыбаясь. Тэна не ожидала его и страшно смутилась, а когда он сказал, что приглашает ее на банкет, она вдруг возмутилась и, вырвав свою руку из его ласковых пальцев, заносчиво заявила:

— Никуда я не пойду!.. И вообще — я тебя не звала, и больше встречаться с тобой не буду!

Володя оторопел. Он никак не ожидал такого и упавшим голосом спросил:

— Тэночка, что случилось?

— Ничего... Просто я поняла, что не люблю тебя.

— А что я такое сделал?..

— Просто я... Ну, просто ничего не чувствую к тебе. А встречаться без любви я не хочу. Прости, Володя... Прощай! — и убежала в комнату, разделась и спряталась под одеяло.

Клара подсела к ней и стала уговаривать «не сходить с ума», ведь человек специально из-за нее приехал, что это бесчеловечно, что Володя страшно переживает. И закончила:

— Тэна, ты испортила ему такой праздник!

— Отстань!.. Можешь идти с ним сама, если тебе его так жалко, — вскинулась Тэна на подругу. — А я не могу. Не хочу!.. Можешь ты это понять?!

Володя пошел на банкет с Кларой, так как другого выхода у него не было — машина в Бартенштайн должна была только ночью везти на дежурство смену. Во время банкета он изливал Кларе свое горе (а разрыв с Тэной — действительно горе для него: Тэна была его первой, искренней, светлой любовью). Он не мог понять — за что она так грубо оттолкнула, даже не захотев остаться просто его другом. Клара объяснила, что Тэна еще просто не выросла до настоящего чувства, что она — идеалистка и романтик, и что полюбит по-настоящему только того, ради которого готова будет отказаться от всего на свете, а Володя, наверное, оказался не тем... Ну — и дальше в таком же духе.

Тэна, в ожидании отъезда на смену, лежала, укрывшись с головой, и с горечью думала: «И зачем он только приехал? Было так хорошо, спокойно. Были такие хорошие, ласковые письма — Володя в них называл ее «ласточкой черноглазой», а она в ответ писала, что он не внимателен — глаза у нее серые, а не черные... И много было в письмах всякой нежной чепухи, от которой на душе становилось легко и радостно. Куда все подевалось, рассеялось — как мираж! Клара над нею все время потешалась, подтрунивала:

— Тэна! Кончится война, разъедемся мы с тобой в разные стороны... И однажды я приеду к тебе в гости. Позвоню — в дверях увижу тебя, располневшую, в задрипанном халате, в шлепанцах, на руках у тебя — младенец, за подол держатся еще двое, а в люльке пищит четвертый...

Тэна обижалась на такую злую Кларину фантазию. Так, может быть, это и было причиной, что она охладела к Володе? А может — была другая, не ясная еще ей?..

Коллектив, в котором Тэна жила уже третий год, был большой семьей и, может быть, более тесной, нежели семья родная. Девушки были на глазах друг у друга днем и ночью, на телеграфе и в подразделении; все, что случалось с кем-то из них, близко принималось к сердцу другими: одобрялось или осуждалось, в зависимости от характера и точки зрения каждого. Вот и теперь, весной сорок пятого, когда Тэну коснулось — только коснулось, но не задело глубоко, наверное, к сожалению — нежное чувство, она стала внимательнее присматриваться к своим подругам, при-

слушиваться к их разговорам. Если раньше в свободные минуты девушки вспоминали свою довоенную жизнь, что делали, как одевались, что ели, то теперь их мысли были устремлены в будущее: как станут жить «на гражданке», как начнут строить свою личную жизнь. Завидовали тем, у кого были женихи или просто знакомые, друзья детства, с которыми они переписывались и на кого возлагали свои девичьи надежды. Кто-то высматривал будущих спутников жизни среди своих однополчан или штабных офицеров. Девушки, как могли, вернее, как позволяли армейские условия, прихорашивались, тщательно следили за своей внешностью, обстирывались, наглаживались, припудривались...

Не все в их поведении Тэна оправдывала, кое что резко осуждала. Она с пониманием и уважением относилась к «парочкам», мимо которых невольно приходилось проходить, возвращаясь с вечерней смены, считала их связанными на всю жизнь — иногда не представляла. Особенно трогала ее пара радистов — стройная, белокурая с тонким нежным фарфорово-бледным лицом Клара Духновская и Леша Кравцов, влюбленные, сияющие глаза которого, прятались в густых черных ресницах. Как нежно он ухаживал за своей подругой, как заботливо подсаживал ее в машину. О таких отношениях мечтала Тэна, но только при взаимной любви. К Володе ее чувство очень быстро угасло, а водить за нос — нет, этого она себе никогда не позволит. Это не честно!

Однажды утром Тэне передали распоряжение командира полка на смену не идти — остаться в подразделении: будет построение, и ей, Тэне Карташовой, и Нине Тарасовой должны вручить медали. Тэна стояла в строю, в напряженном ожидании. Вот уже вручили медаль «За боевые заслуги» Нине. Вот уже поздравляют весь личный состав с вручением полку ордена Красной звезды, привинтили его к полковому знамени. Наконец прозвучала команда «Разойдись!» Тэна была в недоумении — зачем же ее сорвали со смены? Спрашивать — почему? — она постеснялась, решив, что ее оставили по ошибке.

Через некоторое время Тэне опять объявили, что будут на построении вручать ей медаль. На этот раз она почему-то очень волновалась. Но... медаль и теперь ей не вручили. После построения к ней подошел майор Дубков и, явно смущаясь, сказал:

— Ничего не понимаю!.. Я сам видел приказ по полку о представлении тебя к награде — медали «За боевые заслуги», а

ее второй раз из штаба не прислали. Ты не огорчайся, я выясню, в чем дело.

Тэна сделала вид, что она ничуть не огорчилась и, махнув рукой, засмеялась:

— Какие пустяки!..

(И действительно — «пустяки»: медаль в полку она так и не получила. Только через год после окончания войны, 9 мая 1946 года, на торжественном собрании в средней школе № 2 г. Бобруйска, где Тэна оканчивала десятый класс, замполит полка майор Александров вручил ей три медали: «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и «За победу над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов».)

Мирная жизнь солдат с косичками продолжалась. Телеграфисты ездили на дежурства, работали в три смены, между дежурствами наслаждались весной и свободой. Да, свободой! Несмотря на то, что продолжали еще быть солдатами.

Мирная жизнь Тэны отражалась и в самочувствии, и в поведении: появилась какая-то раскованность и ожидание перемен.

Мирная жизнь была уже не в будущем, а в настоящем. Стали доставать книги — и читали все, что попадало в руки.

Пришло лето. Весенние цветы и фруктовые деревья давно отцвели, зато расцвели розы, созрела смородина, разбухли завязи яблок. В конце ночной смены Нина Тарасова посылала двух-трех телеграфисток за красной смородиной и маком. Дома после дежурства устраивали пир: растирали в кружках мак с сахаром и смородиной, заливали кипятком эту смесь и пили, заедая черным хлебом, а потом так засыпали, что старшина Конев не мог их добудиться на следующее дежурство. Когда он узнал, что телеграфистки наедаются маку, строго-настрого запретил это делать.

Торжественно проводили домой первую партию демобилизованных. С ними уезжала домой Рая Чумакова. У нее сильно обострился холецистит. Несколько телеграфисток, в том числе Нина Тарасова, Зоя Заутинская, Галя Алексеева и Тэна Карташова, подали рапорта командиру полка с просьбой о демобилизации в связи с желанием продолжить учебу, прерванную войной.

Штаб армии, а с ним и полк связи готовился к возвращению на Родину. В августе был, наконец, получен приказ о демобилизации всех студентов. Тэна тоже попала в первую группу связистов, покидавших чужие края. Они радовались и грустили. Ведь

целых три года прожили бок о бок со своими однополчанами, и надо было расставаться. Но, конечно, радости было больше: скорая встреча с родными стала реальностью.

(Позднее придет настоящая грусть, и память будет все чаще и чаще возвращать их на военные дороги, к фронтовым друзьям, а пока — самолет нес их в Бобруйск, где был оборудован новый узел связи, и многие связисты уже обслуживали его.)

Тэна летела впервые. Было шумно, страшно, подташнивало. В иллюминатор смотреть боялась и постаралась заснуть, но частые «ныряния» самолета мешали спать, и она с облегчением вздохнула, когда самолет приземлился. С аэродрома в крепость, где разместился полк, ехали на открытой полуторке, пели, хохотали без причины, просто от избытка чувств. Увидев на дороге крестьянку, которая гнала перед собой корову, дружно застучали по крыше кабины. Машина остановилась, и девушки горохом высыпались из кузова, подбежали к женщине, стали обнимать ее, целовать, плача и приговаривая:

— Тетенька, миленькая.. Наша! Наша!

И женщина, так же растроганно, во весь голос отвечала:

— А дзяўчаткі ж вы мае любябы!.. Чыя ж яшчэ — наша, савецкая! Такая ж, як і вы!

Тэна даже и корову обняла, поцеловала ее в удивленную и пахучую морду.

Помещение, где их разместили, было не из приятных: каменные полы, железные лестницы, узкие окна — мрачно и холодно: одно слово — крепость. Но Тэну радовало все — и сама крепость, и шумные улицы города, и освещенные окна домов без бумажных крестов на стеклах, и нарядные женщины, и танцы, стихийно возникающие то тут, то там, где появлялся солдат с баяном или аккордеоном, а то и под духовой оркестр. И она спешила от одной «танцплощадки» — к другой, и танцевала, танцевала с величайшим удовольствием. Но танцы — танцами, а пора было устраиваться в школу. Директриса ближайшей от аэродрома школы, где был дом, в котором Тэне предстояло жить с родителями, встретила фронтовичку настороженно, уговаривала идти в вечернюю школу, долго расспрашивала о службе в армии и, наверное, почувствовав, что Тэна — морально не опасный для школы контингент, согласилась принять ее в десятый класс, так как справка из Энгельской школы у нее сохранилась, что она закончила девять классов.

Первого сентября в школе появилась ученица в военной форме без погон, со значком «Отличный связист» (гражданской одежды у Тэны еще не было). В десятый класс то и дело заглядывали стайки ребятишек, с любопытством разглядывали ученицу в гимнастерке.. Но вскоре все привыкли к тому, что в их школе учится фронтовичка, и любопытство перешло в почтительность и уважение.

В школу Тэне приходилось ходить мимо военной части, и солдаты в первые дни провожали девушку в военной форме насмешками и оскорбительными выкриками: «Рама!..» Но кто-то из них, очевидно, обратил внимание, что девушка ходит с учебниками, связанными ремешком, прикрикнул на товарищей, сказал: «Ну, хватит! Не видите, что-ли — она ведь не такая». И Тэну перестали унижать, а иногда дружелюбно приветствовали ее, когда она проходила мимо.

Военную форму Тэна продолжала носить еще долго, даже после того, как ей сшили первое гражданское платье. «Пусть не думают, что я стесняюсь своей фронтовой службы! Совесть моя чиста. Я выполнила свой долг перед Родиной...»

Училась она в десятом классе как никогда прилежно. В Тимирязевку решила не поступать... Поступила в Белорусский государственный университет, окончила его и стала биологом. Так что — довоенная мечта Тэны Карташовой все же сбылась.

Нина Тарасова и Зоя Заутинская до половины августа жили в полку, ожидая документы о демобилизации. Здесь им вручили медали «За взятие Кенигсберга» и « За победу над фашистской Германией...» К огромной радости, что они уже не солдаты, нет-нет да и примешивалось чувство растерянности. Ведь они совершенно отвыкли от гражданской жизни, от платьев и туфель, о которых так долго мечтали.

В один из последних дней в полку несколькими телеграфистам, в том числе и Нине, разрешили пойти в Дом офицеров на танцы. Пришли, а там гражданских девушек, женщин — полным-полно. И все в красивых платьях, с модными — «западными» — прическами. Девчата в военной форме совсем растерялись, зато мужчины, их сослуживцы, сразу забыли о своих боевых подругах — весь вечер танцевали только с гражданскими. По дороге домой Нина не утерпела — попрекнула ребят:

— Предатели вы!..

На что услышала тут же ответ:

— Надоели вы нам в этих своих гимнастерках!..

В шутку было сказано, но Нина обиделась. Правда, через несколько дней она снова была на танцах, и тот же самый товарищ, который обидел ее, вдруг, танцуя с ней, признался:

— Я был не прав, Нина... Все таки лучше наших военных девчонок никого нет!

Нине очень приятно было услышать такое признание.

Накануне отъезда Нина и Клара Фирсакова (она тоже не была еще демобилизована и работала на аэродромном узле связи) пришли в гости к Тэне. Ее мама угостила их настоящими домашними пирожками. Домашняя обстановка, приветливая Тэнина мать — это было первое прикосновение к мирной гражданской жизни...

Но вот — выписаны документы, получены продукты на дорогу, сказаны прощальные слова... 15 августа Нина и Зоя, закинув за спину вещмешки, отправились на вокзал. Впереди был нелегкий путь до Москвы. Ехали и на открытых платформах, и на площадке товарного вагона, и в переполненном пассажирском... Шла лавина демобилизованных солдат.

Приехали они в Москву — и сразу же отправились в Тимирязевскую Академию. По дороге то и дело попадались офицеры, и девушки всем козыряли. Уверенность, смелость, с которой покидали полк, исчезла куда-то. Вошли в вагон метро и вдруг два офицера, уже немолодых, поднимаются со скамьи и уступают им места. Нина и Зоя совсем растерялись, отказываются, благодарят. Но офицеры оказались настойчивыми — усадили их чуть ли не силком и стали расспрашивать, где и кем служили, как воевали. От этой беседы страх и растерянность совсем исчезли...

В Тимирязевке Нину и Зою принял проректор по учебной работе Н.В. Вильямс. Поговорил с ними очень внимательно и приветливо сказал, что зачисляет их, как «старых» студентов на второй курс. Оформив документы, Нина и Зоя разъехались до начала занятий по домам: Нина — в Красноярск, Зоя — в Свердловскую область.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Весной 1972 года Тэна зашла в магазин. К ней подошла женщина и, улыбаясь, спросила:

— Ваша фамилия — Карташова?

— Да, я — Карташова, — ответила Тэна. — А вы — кто?

— Не узнаете?

— Нет... Не узнаю.

— А Галю Запольскую помните?

— Галя?!. Фронтová подруга!..

Женщины обнялись, расцеловались и стали расспрашивать друг друга о послевоенном житье-бытье.

— А знаешь, Тэна, в Минске много наших однополчан живет, — сообщила Галя. — Девятого мая мы сговорились встретиться на площади Победы около обелиска. Придешь?

— Обязательно!.. В котором часу встреча?

— В шесть часов вечера.

Тэна улыбнулась — как в кино «В шесть часов вечера после войны».

И действительно — в День Победы первая встреча однополчан состоялась.

А в декабре ветеранов Первого отдельного Тильзитского ордена Красной звезды полка связи пригласили в военную часть 29766, которая располагалась под Минском, на празднование тридцатилетия со дня образования Первого отдельного Тильзитского полка связи.

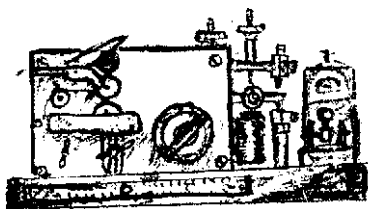
На праздник съехались ветераны со всех концов страны, куда их разбросала послевоенная судьба. Они приняли участие в построении части и прошли по военному городку в общей колонне со всем личным составом полка. Обедали в солдатской столовой, побывали в казарме, ознакомились с бытом, жизнью и службой солдат, побеседовали с ними. Присутствовали на торжественном вечере, после которого жены офицеров пригласили ветеранов на ужин. Много теплых слов благодарности было сказано ветеранам за их боевую службу во время Великой Отечественной войны полковником Алексеевым и многими офицерами полка. Жены их были в этот вечер гостеприимными, добрыми хозяйками.

На следующий день ветераны полка вместе с офицерами и солдатами посадили около штаба молодые деревца, а потом поехали в Хатынь и на Курган Славы, чтобы отдать долг памяти жертвам фашистской оккупации и освободителям Беларуси.

Ветеранов, живущих в Минске, стали ежегодно приглашать в родной полк на День Победы. И этот праздник для фронтовиков стал еще более радостным, так как бывшие воины не только отмечали эту незабываемую дату, но и встречались так же со своей *Юностью*.

К сорокалетию полка был создан Музей Боевой Славы, в котором, как в фокусе, отразился весь боевой путь скромных тружеников связи Первой Воздушной армии Третьего Белорусского фронта. Большое место в экспозиции музея заняли девушки-телеграфистки. О работе и жизни некоторых из них и было рассказано в этой повести.

От имени бывших телеграфисток, нынешних ветеранов, автор искренне и сердечно выражает благодарность командованию полка за организацию встреч, за теплую память о своих боевых товарищах.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Хочу защищать родину</i>	<i>7</i>
<i>Учебная рота</i>	<i>22</i>
<i>Начало боевой работы</i>	<i>46</i>
<i>Первая операция</i>	<i>74</i>
<i>Лето сорок третьего</i>	<i>80</i>
<i>На смоленщине</i>	<i>95</i>
<i>Родная Беларусь</i>	<i>113</i>
<i>Лабя Дена*, Литва!</i>	<i>126</i>
<i>По дорогам восточной Пруссии</i>	<i>138</i>
<i>Война кончилась!</i>	<i>156</i>
<i>Вместо эпилога</i>	<i>173</i>

Литературно-художественное издание

Карташова (Сташенок) Антонина Георгиевна

Солдаты с косичками

Повесть

Редактор *А. Масаренко*

Корректор *Н. Рожкова*

Компьютерный набор и верстка *Д. Андреев*

Рисунки автора

Ответственный за выпуск *А. Аношко*